ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 1 (25) 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Карнишина Н. Г. Теория народного представительства в русском государствоведении 5

Аронов Д. В. Правовое наследие либеральной юриспруденции России конца XIX – начала XX в. Проблемы и перспективы использования на современном этапе развития российской государственности 13

Агамагомедова С. А. Особенности административно-правовой защиты олимпийской и паралимпийской символики в современной России 18

Саломатин А. Ю. Государственно-правовые и политические проблемы Евросоюза в зеркале общественного мнения 28

Пузенцова Ю. А. К вопросу о прогнозах развития гражданского общества в современной России 40

Болотова О. А. Использование информационных технологий в нотариальной деятельности 50

СОЦИОЛОГИЯ

Дуданов Е. И., Семенова О. А. Проблемы трудовой мобильности работников промышленных предприятий в посткризисный период 54

Кошарная Г. Б., Киселев Е. А. Стиль жизни предпринимателей в современном российском обществе 62

Кошарный В. П., Найденова Л. И. Конкурентоспособность вуза как социально-институциональное качество системы высшего профессионального образования 71

Рассадина Т. А. Тенденции изменений социальных притязаний современной российской молодежи 79

Щанина Е. В. Основные факторы трудовой активности пожилых людей 88

ЭКОНОМИКА

Кошевой О. С., Фролов С. Г. Определение рационального сочетания доли среднедушевых денежных доходов населения в составе валового регионального продукта 97

Семеркова Л. Н., Улицкая Н. Ю. Аксиология маркетинга сельскохозяйственных земель 104

Бахтеев Ю. Д., Частухина Ю. Ю., Казаченко О. В. Формирование и развитие системы сельскохозяйственных кооперативных рынков как направление развития малого бизнеса на селе и повышения его конкурентоспособности 117

Неретина Е. А., Макарец А. Б. Возможности и ограничения использования маркетинга в социальных медиа для продвижения образовательных услуг вуза 126

Резник Г. А., Малышев А. А. Методологические подходы к исследованию факторов устойчивости эколого-экономической системы 136

Янина Т. Ф., Ананьев М. А. Организационно-экономические основы формирования национального кластера сферы малых форм хозяйствования в системе продовольственного обеспечения страны 146

Михнева С. Г., Маркеева Г. А. Формирование концепции аутсорсинга и его место в хозяйственной деятельности современного предприятия 156

Скворцова В. А. Становление сектора наукоемких отраслей промышленности 163

UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION

SOCIAL SCIENCES

№ 1 (25) 2013

CONTENTS

POLITICS AND LAW

Karnishina N. G. Theory of public representation in russian political science 5

Aronov D. V. Legal heritage of liberal jurisprudence in Russia in late XIX – early XX centuries. Problems and perspectives of using russian statehood at the present stage of development 13

Agamagomedova S. A. Peculiarities of administrative and legal protection of olympic and paralympic symbols in modern Russia 18

Salomatin A. Yu. State-legal and political problems of european union from public opinion perspective 28

Puzentsova Yu. A. On the issue of civil society development forecast in modern Russia 40

Bolotova O. A. Application of information technologies in notarial activity 50

SOCIOLOGY

Dudanov E. I., Semenova O. A. Problems of labour mobility of industrial entreprises employees in the postcrisis period 54

Kosharnaya G. B., Kiselev E. A. Entrepreneur life style in modern russian society 62

Kosharnyy V. P., Naydenova L. I. University competitiveness as a social-institutional feature of the higher professional education system 71

Rassadina T. A. Tendencies towards changes in social aspirations of modern russian youth 79

Shchanina E. V. Basic factors of labour activity of elderly people 88

ECONOMICS

Koshevoy O. S., Frolov S. G. Determination of rational combination of the share of average per capita income of population as a part of gross regional product 97

Semerkova L. N., Ulitskaya N. Yu. Axiology of agricultural land marketing..... 104

Bakhteev Yu. D., Chastukhina Yu. Yu., Kazachenko O. V. Formation and development of the system of agricultural cooperative markets as a means of development of small scale business in rural area and its competitiveness increase..... 117

Neretina E. A., Makarets A. B. Possibilities and limitations of using marketing in social media for university's educational services promotion 126

Reznik G. A., Malyshev A. A. Methodological approaches to research of factors of ecological-economic system stability..... 136

Yanina T. F., Anan'ev M. A. Organizational-economic basics of formation of the national cluster of the sphere of small forms of business in the system of national provision supply..... 146

Mikhneva S. G., Markeeva G. A. Formation of the outsourcing concept and its role in the economic activity of a modern enterprise..... 156

Skvortsova V. A. Formation of science-intensive industries..... 163

УДК 94(47+57)Р

Н. Г. Карнишина

ТЕОРИЯ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РУССКОМ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИИ

Аннотация. В статье рассматривается классическая теория народного представительства в федеративном государстве, нашедшая отражение в трудах русских государствоведов. Проведен анализ различных подходов к теории народного представительства, обобщены взгляды на исследуемую проблему в русском государствоведении.

Ключевые слова: представительство, теории народного представительства, федерализм, русское государствоведение.

N. G. Karnishina

THEORY OF PUBLIC REPRESENTATION IN RUSSIAN POLITICAL SCIENCE

Abstract. The article considers the classical theory of public representation in the federative state, observed in works of Russian scientists. The author analyzes theories of public representation and opinions on this problem.

Key words: representation, theories of public representation, federalism, Russian political science.

Одной из ключевых в русском дореволюционном государствоведении была проблема определения места народного представительства в монархическом государстве.

Выражая наиболее распространенную точку зрения, Н. И. Лазаревский в работе «Народное представительство и его место в системе других государственных установлений» писал: «Народное представительство теперь не орган, выражающий взгляды населения отдельных избирательных округов или осуществляющий принадлежащие им полномочия, противополагаемые полномочиям правительства; это не представители какого-то внеправительственного начала, ограничивающие государственную власть. Народное представительство есть один из органов государственной власти над обывателями, действующий частью совместно с другими государственными органами, частью отдельно и осуществляющий определенные функции государственного управления. Но выборность этого органа является фактом громадной практической важности, в значительной степени предопределяет и место народного представительства среди других государственных установлений и его жизненное значение» [1, с. 344].

Н. Лазаревский считал, что для того, чтобы выяснить место, занимаемое народным представительством среди других государственных установ-

лений, надо определить место, которое конституции предоставляют палатам в деле законодательства, администрации, суда и финансового управления.

По мнению Н. И. Лазаревского, самой действенной формой контроля народного представительства над всем ходом государственного управления является принадлежащее ему право утверждения государственного бюджета и вообще разрешения всех расходов государственного казначейства и всех взимаемых им налогов.

На наш взгляд, очень точной является мысль автора о том, что «…контроль народного представительства над управлением, вообще имеющий вид несколько случайный, а иногда и носящий характер косвенного воздействия, при осуществлении финансовых прав народного представительства приобретает характер чего-то юридически вполне оформленного и регулярного» [1, с. 349].

А. Д. Градовский также обратил внимание на финансовый аспект проблемы организации народного представительства. Он писал: «Для полной раздельности центрального и местного управления в союзе первое должно обладать всеми средствами самостоятельного управления. Оно должно иметь особую организацию, особые средства и способы деятельности. В союзном государстве должны быть отдельные: правительство, народное представительство и суд. Правительство, составленное из уполномоченных, посланных отдельными государствами, противоречит идее этой политической формы. Рядом с правительством должно существовать союзное народное представительство. Имея свои задачи, центральная власть должна иметь и все средства для их самостоятельного осуществления, т.е. свои представительные органы и свой бюджет. Законы и распоряжения ее не будут иметь практической силы, если приведение их в действие будет предоставлено отдельным государствам; правительства последних также будут низведены на степень служебных органов высшей власти, что не согласно ни с их независимостью, ни с идеей союзного государства » [2, с. 16].

Применительно к России вопрос о народном представительстве трактовался прежде всего как вопрос о местном самоуправлении. Так, Я. Имшенецкий в статье «Вопрос о местном самоуправлении в Государственной Думе» [3] писал: «Государственная Дума считала своей задачей осуществление целого ряда законопроектов, имевших в виду главным образом обеспечить основные права граждан, что и выразила в ответном адресе на тронную речь Государя. Недостаточно, однако, издать тот или другой закон, для проведения его в жизнь, для того, чтобы он не остался мертвой буквой, необходимы еще известные общественные условия, наличность определенных организаций по всей стране, которые бы создали эти условия и обеспечили таким образом целесообразное и соответствующее новым условиям применение этого закона. Существующая организация местного управления, а также и самоуправления неизбежно сама собою становилась в круг тех неотложных законодательных задач, которые должна была выполнить Первая Государственная Дума».

По мнению автора, решению проблемы народного представительства должны послужить два законопроекта – о введении всеобщего избирательного права и о реформе земского самоуправления, которые «демократизировали бы самоуправление и поставили его деятельность вне зависимости от администрации».

С данной точкой зрения соглашался В. П. Обнинский в докладе «О народном представительстве» [4, с. 10–19]. По его мнению, «есть нечто общее для всех государств с развитым представительством, именно – явная тенденция к возможному расширению права голосования. Ныне практикуемые выборные системы имеют один всем им общий недостаток, именно, что меньшинство населения остается без представительства, и это обстоятельство служит главным доводом критиков всеобщего права и проповедников системы пропорциональных выборов (Э. Лавеле, Л. Сидней, Т. Гэр, Дж. Ст. Милль)».

Продуктивным, на наш взгляд, являлся подход к анализу народного представительства в контексте теории союзного государства. Так, Н. И. Лазаревский сделал попытку разграничить понятия «самоуправление», «автономия», «государственность».

Н. И. Лазаревский отмечал, что некоторые исследователи обычно понимают автономию несколько шире и усматривают ее там, где какая-либо негосударственная единица имеет право установить правовые нормы. «Последние же могут быть установлены не только законом, но, например, и обязательными постановлениями органов самоуправления, которые, однако, ни в чем действующим законам противоречить не могут и вообще имеют силу и юридическую природу не законодательных, а административных актов. Более широкое понимание автономии, даваемое некоторыми авторами, уничтожает различие между автономией и самоуправлением» [5, с. 218].

«При самоуправлении, – писал Н. И. Лазаревский, – местная администрация получает направление в духе местного населения и служит прежде всего его потребностям; при автономии в таком же духе получают свое разрешение и некоторые более существенные дела, некоторые из тех, которые по заведенному порядку разрешаются не в административном, а в законодательном порядке. Местные законодательные учреждения разрешают местные дела и с действительным знанием местных условий, и с пониманием того значения, которое эти дела представляют. Автономия знаменует разрыв с прежнею политикой децентрализации областей с иноплеменным населением, которая приводила к репрессиям, стесняя проявления местной жизни, препятствовала всем культурным начинаниям и сделала из этого населения врагов данного государства; поэтому автономия хотя и уменьшает единообразие государственного строя, но вместе с тем, уменьшая силу противогосударственных начал, в действительности лишь увеличивает силу сцепления отдельных частей государства» [5, с. 221].

С. А. Корф предлагал проводить анализ процессов децентрализации и самоуправления в их взаимодействии и взаимовлиянии. В этой связи он писал: «Законодательная автономия провинции определяется законом того высшего союза, составной частью коего является данная автономная провинция. Законодательная же автономия государства определяется конституцией, т.е. двухсторонним актом, соглашением с высшею единицей, в равной мере связывающим и обязательным для обеих сторон» [6, с. 104].

Относительно самоуправления С. А. Корф отмечал: «В настоящее время самоуправлению отводятся все большие области государственного управления. Такой процесс замены централизации децентрализацией и последней самоуправлением находит себе объяснение в тех задачах и целях, удовлетворение которых составляет существо государственного управления. Дело в том, что система децентрализации более способна удовлетворить интересы

народа, чем централизация управления, благодаря своей большей близости к народу, лучшей возможности находиться в постоянном и тесном общении с народом; самоуправление же еще ближе стоит к народным нуждам, чем даже децентрализованное правительственное управление, предоставляя заведывание местными интересами полностью в руки самого населения» [6, с. 81–82].

Довольно много о проблемах самоуправления писал Б. Н. Чичерин. По его мнению, в республике свобода является основным началом государственной жизни, в связи с этим здесь самоуправление может иметь самые широкие размеры. Он писал: «Федеративная республика – настоящая почва местного самоуправления; здесь оно безвредно, ибо согласуется с верховным началом государственной жизни» [7, с. 518].

Размышляя о возможности самоуправления в монархическом государстве, Б. Н. Чичерин сделал вывод о том, что «…даже неограниченная монархия допускает ту долю самоуправления, которая совместна с силой власти и потребностями порядка. Еще большее развитие может получить местное самоуправление в конституционной монархии, где самая верховная власть основана на идее соглашения различных общественных элементов» [7, с. 519].

Б. Н. Чичерин в 1866 г. в статье «О земских учреждениях» подчеркивал: «Потребность в большей самостоятельности местного управления чувствуется давно. Куда ни обратись, везде слышны возгласы против централизации и бюрократии, со всех сторон жалобы на то, что у нас отнята всякая возможность действовать, что чиновничество парализует всякую энергию и инициативу. Эти жалобы указывают на существенный пробел в нашем законодательстве. В земском управлении к местному интересу присоединяется интерес государственный. Оба находятся в неразрывной связи. Поэтому во главе местного управления должно стоять то сословие, которому государственный интерес ближе всего, а это и есть дворянство, по самому его значению» [8, с. 191–192].

Последний тезис вызвал в свое время резкую критику со стороны М. И. Свешникова, подчеркивавшего, что в России «местное самоуправление наиболее полно и широко развилось именно в крестьянской, демократической, а не аристократической среде» [9, с. 115].

Поддерживая создание земских учреждений в России, Б. Н. Чичерин исходил из убеждения в необходимости учета российской специфики. В частности, он писал: «…в местном управлении, как и во всяком государственном учреждении, имеется в виду не один интерес, а также и способность управлять общими делами. Наконец, в устройстве земского управления едва ли не самый важный вопрос состоит в отношении местного представительства к губернской власти и к центральному правительству» [9, с. 199].

Многие сомнения Б. Н. Чичерина впоследствии подтвердились. В частности, в записках высших сановников пореформенного периода содержались критические замечания о ходе реформы местного управления.

С. А. Котляревский выделял две формы местного самоуправления: административную децентрализацию в унитарном государстве (т.е. передачу особых полномочий агенту центральной власти на месте) и децентрализацию в форме самоуправления. «Первый вид, – писал ученый, – относится в сущности к административной технике, но не меняет политического положения, – существа распределения власти; при этой системе местные интересы не получают ни большей самостоятельности, ни большего признания. Совершенно

другое политическое значение имеет децентрализация в форме самоуправления: при ней известная часть государственной власти действительно переносится на местные органы, на местное самоуправление, при ней есть известное противоположение центра и периферии» [10, с. 57].

С. А. Котляревский писал: «И по распределению бюджета между центральной властью и органами местного самоуправления, и по зависимости этих последних от первой она должна быть отнесена в государствах строго-централистического типа, но нельзя забывать, что распределение власти здесь сложилось в эпоху, когда в центре не было никакого представительства, когда грань, разделяющая область правительственной и земско-городской компетенции, являлась в то же время гранью между сферой бюрократического полновластия и сферой, где до известной степени осуществлялась общественная самодеятельность. В настоящее время России предстоит широкая реформа местного самоуправления в смысле решительного перемещения и власти, и материальных средств из центра на места. Это вытекает уже из размеров империи, а также из ее экономического, географического и племенного разнообразия» [10, с. 63].

В русском государствоведении преобладал подход сторонников государственной теории самоуправления, основоположниками которой были немецкие ученые Л. Штейн (политическое направление) и Р. Гнейст (юридическое направление), отождествлявшие органы местного самоуправления и органы государственной власти.

Так, В. П. Безобразов считал, что местное самоуправление не должно быть отделено от государственной власти, поскольку это неизбежно приведет к конфликтам, что чревато самыми неблагоприятными последствиями для государственности, вплоть до распада государства. Характеризуя самоуправление, он писал: «Учреждения самоуправления совокупно с бюрократическими учреждениями суть двоякие органы одного и того же государственного организма, различные формы одной и той же власти» [11, с. 8].

Исходя из этого, В. П. Безобразов пришел к выводу, что местное самоуправление не должно быть отделено от государственной власти, поскольку это неизбежно приведет к конфликтам, что чревато самыми неблагоприятными последствиями для государственности, вплоть до распада государства.

К сторонникам данной теории можно отнести А. Д. Градовского, Н. М. Коркунова [12–14]. Признавая государственную природу органов местного самоуправления, эти авторы считали, что у местных органов нет своей особой компетенции, все полномочия они получают от государства, т.е. эти полномочия являются государственными. По мнению А. Д. Градовского, никаких особых местных дел, местных задач, отличающихся по сути своей от государственных задач, не существует. Поэтому нет у местных органов и своей особой компетенции. Все полномочия они получают от государства, т.е. эти полномочия являются государственными, и, таким образом, органы местного самоуправления имеют государственную природу. «Самоуправление есть одна из форм управления, а управлять нельзя иначе как при помощи административных актов, обязательных для жителей. Органы самоуправления являются местными властями, в руках которых сосредоточивается право обязательных распоряжений, принятия, в случае необходимости, мер принудительных, власть полицейская и, в известной мере, карательная. Само собой разумеется, что они отправляют эту власть на основании законов и под

условием ответственности за их нарушение. Но они действуют как органы государства, пользуясь данными от него полномочиями» [12, с. 26–27]. Н. М. Коркунов считал, что органы местного самоуправления являются особыми субъектами права, вступающими с государством в особые юридические отношения [13, с. 36].

Интересна точка зрения В. В. Ивановского, который считал, что следует различать понятия «самоуправление» и «общественное управление», так как, по его мнению, не всякое общественное управление есть самоуправление. Он писал: «Под именем «общественное управление» следует разуметь государственное управление, субъектом которого в том или другом общественном союзе являются не правительственные чиновники, а другие лица, принадлежащие к составу местного общества. Объектом общественного управления могут служить как местные, так и общегосударственные интересы». Самоуправление, по В. В. Ивановскому, это «государственное управление, субъектом которого является, в качестве юридической личности, общественный союз, ограниченный известной территориальной сферой, объект же – интересы и потребности этого союза» [15, с. 401–402].

В. В. Ивановский выделил три элемента при анализе данных понятий: 1) государственное управление; 2) территориально ограниченный общественный союз, выступающий субъектом самоуправления; 3) интересы и потребности этого союза как объекта управления. Первый и третий элементы связаны с деятельностью самоуправления и имеют политический характер, а второй – с организацией самоуправления и имеет социальный характер.

А. И. Васильчиков, как и авторы земской и городской реформ в России, являлся сторонником хозяйственной теории самоуправления. В основе данной теории лежали взгляды авторов теории свободной общины (Э. Мейер, О. Лабанд, О. Ресслер), которые считали, что община – это самостоятельный субъект, независимый от центральной власти. Права общины являются столь же естественными и неотчуждаемыми, как естественные права человека.

В середине 1860-х гг. А. И. Васильчиков писал: «Самоуправлением называется такой порядок внутреннего управления, при коем местные дела и должности заведываются и замещаются местными жителями – земскими обывателями… Самоуправление – участие народа в местном внутреннем управлении своего отечества» [16, с. 1]. Органы самоуправления подразделялись автором на две категории – «общественные союзы» и «территориальные или административные округа». К первым относились сельские общества, волости, магистраты и городские думы. К числу вторых относились уездные и губернские земские учреждения. Органами самоуправления «эти территориальные округа становятся лишь тогда, когда к участию в их управлении приглашаются представители местного общества» [16, с. 211].

Иными словами, местное самоуправление должно иметь негосударственную природу, и его основной функцией будет управление местным хозяйством.

Значительное большинство западноевропейских и русских государствоведов конца XIX – начала XX в. исходили из определения публичного управления, данного Г. Еллинеком: «Управление – это деятельность государства или других субъектов государственной (публичной) власти, осуществляемая вне границ законотворчества и правосудия» [17, с. 37].

В теоретическом аспекте учеными-государствоведами на первый план выдвигались такие вопросы, как соотношение понятий «автономия – самоуправление», «централизация – децентрализация», взаимоотношения государственной власти и местного самоуправления.

В практическом плане в центре обсуждения оказались результаты реализации теорий местного самоуправления на практике, в частности теории свободной общины и свободной пашни – при проведении крестьянской реформы, хозяйственной и государственной теорий самоуправления – при проведении земской и городской реформ. Доминирующим являлся исходный тезис, что местное самоуправление несет в себе общественные черты, но по сути своей как уровень публичной власти оно неразрывно связано с государственной властью, оно – часть государства.

Список литературы

1. Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. : хрестоматия / отв. ред. А. А. Вешняков. – М., 2003.
2. **Градовский, А. Д.** Германская конституция / А. Д. Градовский. – СПб., 1876. – Т. 2.
3. Русские Ведомости. – 1906. – № 242.
4. О народном представительстве : доклад Калужскому губернскому земскому собранию об избрании представителей от населения Калужской губернии для участия в законодательстве. – Калуга, 1905.
5. **Лазаревский, Н. И.** Автономия / Н. И. Лазаревский. – СПб., 1906.
6. **Корф, С. А.** Федерализм / С. А. Корф. – Пг., 1917.
7. **Чичерин, Б.** О народном представительстве / Б. Чичерин. – М., 1866.
8. **Чичерин, Б. Н.** О земских учреждениях / Б. Н. Чичерин // Несколько современных вопросов. – М., 2002.
9. **Свешников, М. И.** Русское государственное право / М. И. Свешников. – Вып. 2. – СПб., 1897.
10. **Котляревский, С. А.** Конституционное государство: Опыт политико-морфологического обзора / С. А. Котляревский. – СПб., 1907.
11. **Безобразов, В. П.** Государство и общество. Управление и самоуправление и судебная власть / В. П. Безобразов. – СПб., 1882.
12. **Градовский, А. Д.** Начала русского государственного права / А. Д. Градовский // Собр. соч. – СПб., 1904. – Т. IX.
13. **Коркунов, Н. М.** Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – 6-е изд.– СПб., 1909. – Т. II.
14. **Свешников, М. И.** Основы и пределы самоуправления / М. И. Свешников. – СПб., 1892. – Ч. 2.
15. **Ивановский, В. В.** Русское государственное право / В. В. Ивановский. – Казань, 1898. – Т. I: Верховная власть и ее органы; Т. 2: Местные установления.
16. **Васильчиков, А. И.** О самоуправлении / А. И. Васильчиков. – СПб., 1869.
17. **Еллинек, Г.** Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб., 1903.

References

1. Politicheskie instituty, izbiratel'noe pravo i protsess v trudakh rossiyskikh mysliteley XIX–XX vv. : khrestomatiya / otv. red. A. A. Veshnyakov. – M., 2003.
2. **Gradovskiy, A. D.** Germanskaya konstitutsiya / A. D. Gradovskiy. – SPb., 1876. – T. 2.
3. Russkie Vedomosti. – 1906. – № 242.
4. O narodnom predstavitel'stve : doklad Kaluzhskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu ob izbranii predstaviteley ot naseleniya Kaluzhskoy gubernii dlya uchastiya v zakonodatel'stve. – Kaluga, 1905.

5. **Lazarevskiy, N. I.** Avtonomiya / N. I. Lazarevskiy. – SPb., 1906.
6. **Korf, S. A.** Federalizm / S. A. Korf. – Pg., 1917.
7. **Chicherin, B.** O narodnom predstavitel'stve / B. Chicherin. – M., 1866.
8. **Chicherin, B. N.** O zemskikh uchrezhdeniyakh / B. N. Chicherin // Neskol'ko sovremennykh voprosov. – M., 2002.
9. **Sveshnikov, M. I.** Russkoe gosudarstvennoe pravo / M. I. Sveshnikov. – Vyp. 2. – SPb., 1897.
10. **Kotlyarevskiy, S. A.** Konstitutsionnoe gosudarstvo: Opyt politiko-morfologicheskogo obzora / S. A. Kotlyarevskiy. – SPb., 1907.
11. **Bezobrazov, V. P.** Gosudarstvo i obshchestvo. Upravlenie i samoupravlenie i sudebnaya vlast' / V. P. Bezobrazov. – SPb., 1882.
12. **Gradovskiy, A. D.** Nachala russkogo gosudarstvennogo prava / A. D. Gradovskiy // Sobr. soch. – SPb., 1904. – T. IX.
13. **Korkunov, N. M.** Russkoe gosudarstvennoe pravo / N. M. Korkunov. – 6-e izd.– SPb., 1909. – T. II.
14. **Sveshnikov, M. I.** Osnovy i predely samoupravleniya / M. I. Sveshnikov. – SPb., 1892. – Ch. 2.
15. **Ivanovskiy, V. V.** Russkoe gosudarstvennoe pravo / V. V. Ivanovskiy. – Kazan', 1898. – T. I: Verkhovnaya vlast' i ee organy; T. 2: Mestnye ustanovleniya.
16. **Vasil'chikov, A. I.** O samoupravlenii / A. I. Vasil'chikov. – SPb., 1869.
17. **Ellinek, G.** Obshchee uchenie o gosudarstve / G. Ellinek. – SPb., 1903.

Карнишина Наталья Геннадьевна
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: karnishins@mail.ru

Karnishina Natal'ya Gennad'evna
Doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of state-legal disciplines, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 94(47+57)Р

Карнишина, Н. Г.

Теория народного представительства в русском государствоведении / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 5–12.

УДК 342

Д. В. Аронов

ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена теоретическим вопросам возможности и допустимости использования опыта либерального законотворчества конца XIX – начала XX в. в современных условиях. Рассматривается совокупность социально-политических факторов, повлиявших на эффективность реализации либеральной модели реформирования страны.

Ключевые слова: либеральное законотворчество, либеральная юриспруденция, российская государственность.

D. V. Aronov

LEGAL HERITAGE OF LIBERAL JURISPRUDENCE IN RUSSIA IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES. PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF USING RUSSIAN STATEHOOD AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT

Abstract. Article is devoted to theoretical questions of possibility and admissibility of using the experience of liberal lawmaking in late XIX – early XX century in modern conditions. The author considers a set of sociopolitical factors which have affected the realization efficiency of a liberal model of country reformation.

Key words: liberal lawmaking, liberal law, Russian statehood.

На протяжении последних лет в отечественной историко-правовой науке сформировался своеобразный штамп, сущность которого сводится к некоему заклинанию о необходимости использования наследия, оставшемуся нам от российской правовой науки рубежа XIX–XX вв. В настоящее время, как нам представляется, возникла необходимость отделить зерна от плевел и постараться еще раз ответить на вопрос, а насколько вообще корректно с научной, да и с прикладной политической точки зрения использование опыта ушедших эпох.

При этом речь идет не только о необходимости отграничить дежурные заклинания, автоматически прикладываемые к работам, посвященным в той или иной степени отечественной дореволюционной юриспруденции, от результатов подлинно научных исследований, предполагающих научный анализ возможности использования конкретных либеральных (впрочем, как представителей иных политических лагерей) разработок в наши дни. Необходимо разграничить те области, где отечественная либеральная юридическая мысль, добившись заметных результатов, осталась тем не менее на уровне своей эпохи, и ту часть ее теоретического наследия, которая и по сей день сохраняет свое непреходящее значение не только в области общих принципов реализации общественных преобразований и правотворчества, но и законо-

творческой техники, предлагаемых способов и путей решения злободневных общественных проблем.

Полагаю, что для решения данной проблемы современная историко-правовая наука располагает как необходимой источниковой базой, так и соответствующим научным инструментарием. Думается, что прежде всего в качестве материала для анализа целесообразно использовать не столько материалы официального законотворчества, особенно преддумского периода, в котором весьма трудно уловить влияние либеральной юридической мысли, сколько тот законотворческий пласт, который сформировался в парламентской деятельности российских либеральных политических партий и движений в его непосредственной связи с первым российским парламентом – Государственной думой. Подобные попытки делались еще до революции. В частности, можно рассмотреть это на примере сравнительного анализа либеральных проектов Основного закона России и текста Основных законов 23 апреля 1906 г., ставших, по сути, первой российской конституцией [1]. Результаты сравнения оказались достаточно показательными и позволяют прийти к выводу о случайном и фрагментарном влиянии, обусловленном принципиальными различиями концепций выхода страны из кризиса, которые создали в своей деятельности различные политические силы той эпохи.

Несомненный интерес представляют собой и те законотворческие материалы, которые выходили из творческой лаборатории российской юриспруденции с февраля по октябрь 1917 г. Думается, что они несут на себе хорошо заметный отпечаток эпохи, когда общество, выведенное из состояния равновесия многолетней войной, входило в стадию глубокого системного кризиса. Вместе с тем нельзя не отметить, что императивно присущая либеральному мировоззрению система ценностей продолжала выступать в качестве фундаментальной основы законотворческой деятельности отечественных юристов данного периода.

Неотъемлемым источником для понимания аксиологической и онтологической ценности либерального законотворчества начала XX в. выступают теоретические работы известных российских юристов той эпохи. Они, являясь вполне самостоятельным источником для изучения истории политико-правовой мысли конкретного периода, во многом объясняют те основные тенденции, которые предопределили специфические черты развития либерального законотворчества и степень его влияния на практику законодательного процесса в России соответствующего периода.

Ограниченные размеры статьи не дают возможность дать сколь-нибудь широкую картину той источниковой базы, которая сформировалась в отечественной науке. Поэтому считаем возможным отослать интересующихся данной проблемой читателей к работам, в том числе и автора настоящей статьи, основной темой которых является исследование вопроса о степени изученности законотворческой деятельности российских либералов в отечественной исследовательской литературе. Помимо анализа дореволюционной историографии проблемы, они содержат многочисленные ссылки на работы, вышедшие в нашей стране за последние десятилетия [2–4].

Важно ответить и на вопрос о принципиальной применимости конкретных законодательных наработок уже почти вековой давности к современной жизни страны. Думается, что, избегая крайностей как уподобления кризиса начала прошлого века современному состоянию экономической и политиче-

ской жизни страны, так и отрицания наличия многочисленных параллелей между событиями начала XX в. и современностью, мы можем констатировать наличие в обществе глубокого системного кризиса. Аналогичными представляются и алгоритмы действий власть предержащих, которые в своем, возможно, вполне искреннем стремлении решить стоящие перед обществом проблемы не могут окончательно ответить на вопрос о той модели общества, которая должна возникнуть в качестве конечного результата их усилий. Остается открытым также вопрос о допустимых методах и средствах общественных преобразований. Резкие и немотивированные переходы от безбрежного либерализма (причем западного образца) к привычной и понятной многим социальным группам политике «затягивания гаек» только усиливают интеллектуальный и моральный раскол и без того небогатых активных политических сил страны.

В этих условиях идея использования для преобразования страны мощной государственной машины при одновременной реализации системы компенсаторных механизмов, присущая российской политико-правовой мысли начала века, приобретает новое актуальное звучание.

Анализируя текст ряда важнейших законопроектов, дающих представление о либеральном законотворчестве, мы прежде всего обращаемся к материалам периода Государственной думы I и II созывов. Для этого периода законотворческой деятельности российских либералов и прежде всего конституционных демократов характерна подготовка масштабных законопроектов, направленных на строгую регламентацию прав и свобод личности, в том числе и такого аспекта, как поиск оптимального соотношения между проявлениями индивидуальной свободы и общественно значимыми интересами, охраняемыми принудительной силой государства. Прежде всего речь идет о таких материалах, как «Законопроект в обеспечении действительной неприкосновенности личности», «О неприкосновенности личности, жилища и тайны корреспонденции», «О печати», «О свободе союзов» и ряд других [5, 6].

Аналогичные по своему духу материалы содержались и в программах ближайших союзников кадетов по либеральной коалиции в Государственной думе, Партий мирного обновления и Демократических реформ [7].

Российские либералы ставили законодательное закрепление прав и свобод человека во главу угла сформулированной ими модели преобразования страны. В условиях всевластия российского абсолютистского (полицейского) государства это было вполне оправданно и закономерно. Однако, оставаясь на позициях реальной политики, авторы кадетских законопроектов уделили значительное внимание определению роли и места в данном процессе правоохранительных органов и прежде всего полиции. В статьях, посвященных различным аспектам урегулирования этого вопроса, мы видим весьма взвешенный и реалистичный подход, предоставляющий правоохранительным органам государства тот объем правомочий в части пресечения общественно опасных действий отдельных индивидов, который характерен для уровня правового регулирования рубежа XX–XXI вв.

Аналогичную позицию занимал либеральный законодатель и в области урегулирования вопросов гражданства на уровне межгосударственных договоренностей, когда, пусть и в ограниченной степени, российские парламентарии оказывались прикосновенны к вопросам международного публичного права [8].

В вопросах обеспечения гарантий свободы средств массовой информации либеральный законодатель стоял на точке зрения, что в условиях состояния войны или угрозы таковой глава правительства имеет право «воспрещать обнародование сведений, касающихся передвижения войск и средств обороны» [5, с. 19], не предусмотрев, однако, специальной санкции за нарушение данной нормы. Особого внимания заслуживают те разделы проекта, которые связаны с предлагаемой либеральной юридической мыслью России, новой концепцией наказания за преступления, совершаемые за нарушение правил о печати или путем печати. Предусмотрев принцип наказания конкретных лиц за нарушение в данной сфере общественных отношений, авторы законопроекта, исходя из важности обеспечения свободы печати, предусмотрели достаточно суровую систему наказаний как за нарушение норм данного закона, так и за общеуголовные преступления, совершаемые с использованием средств печати.

Анализ либерального законотворчества в целом позволяет сделать вывод о том, что российская либеральная юриспруденция начала XX в. достаточно близко подошла к корректному в политико-правовом отношении варианту ответа на вопрос о способах и методах обеспечения мирной трансформации общества правовым путем. Думается, что не будет преувеличением сказать о том, что отечественным либералам удалось пройти между Сциллой безбрежного демократизма и Харибдой полицейского государства, предложив вариант решения вопроса, по которому вплоть до настоящего времени идут жаркие научные и политические баталии.

Вместе с тем нельзя не отметить, что обе попытки российских либералов реализовать свою модель реформирования страны посредством системного изменения законодательства, предпринятые, соответственно, в 1906 и 1917 г. окончились неудачей. Однако, как справедливо отмечается отечественными исследователями, это связано не с внутренними изъянами их законотворчества как такового, ошибками в политической практике, хотя и без них не обошлось, а с неприятием социумом, находящимся на стадии системного кризиса, либеральной идеологии и, соответственно, предлагаемых рецептов врачевания общественных пороков. Однако это обстоятельство никоим образом не препятствует обращению к накопленному ими опыту разработки стратегических моделей реформирования страны. Их главным отличием от консервативных (радикальных) выступает совокупность способов их реализации, критерием отбора которых является минимизация степени их негативного воздействия на сложившуюся в обществе систему социальных отношений.

Список литературы

1. **Аронов, Д. В.** От Лазавки до Таврического дворца. Сергей Андреевич Муромцев – политик, ученый, педагог / Д. В. Аронов. – Орел : Издатель Александр Воробьев, 2010.
2. **Аронов, Д. В.** Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.) / Д. В. Аронов. – М. : Юрист, 2005. – 426 с.
3. **Аронов, Д. В.** Политико-правовая деятельность российских либералов в Государственной Думе (историография проблемы) / Д. В. Аронов // Известия ОрелГТУ. Серия «Экономика, управление, право». – 2003. – № 1. – С. 16–31.
4. **Кошкидько, В. Г.** Формирование и функционирование представительной власти в России (1904–1917 гг.) : дис. … докт. ист. наук / Кошкидько В. Г. – М., 2000.

5. Законодательные проекты и предположения партии народной свободы. 1905–1907 гг. – СПб., 1907.
6. Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2006.
7. Программа Партии мирного обновления // Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. – М., 2002.
8. **Аронов, Д. В.** Вопросы международного права в государственно-правовой деятельности российских либералов в Государственной Думе (1906–1916) / Д. В. Аронов // История государства и права. – 2003. – № 6. – С. 40–41.

References

1. **Aronov, D. V.** Ot Lazavki do Tavricheskogo dvortsa. Sergey Andreevich Muromtsev – politik, uchenyy, pedagog / D. V. Aronov. – Orel : Izdatel' Aleksandr Vorob'ev, 2010.
2. **Aronov, D. V.** Zakonotvorcheskaya deyatel'nost' rossiyskikh liberalov v Gosudarstvennoy dume (1906–1917 gg.) / D. V. Aronov. – M. : Yurist, 2005. – 426 s.
3. **Aronov, D. V.** Politiko-pravovaya deyatel'nost' rossiyskikh liberalov v Gosudarstvennoy Dume (istoriografiya problemy) / D. V. Aronov // Izvestiya OrelGTU. Seriya «Ekonomika, upravlenie, pravo». – 2003. – № 1. – S. 16–31.
4. **Koshkid'ko, V. G.** Formirovanie i funktsionirovanie predstavitel'noy vlasti v Rossii (1904–1917 gg.) : dis. … dokt. ist. nauk / Koshkid'ko V. G. – M., 2000.
5. Zakonodatel'nye proekty i predpolozheniya partii narodnoy svobody. 1905–1907 gg. – SPb., 1907.
6. Zakonotvorchestvo dumskikh fraktsiy. 1906–1917 gg.: Dokumenty i materialy. – M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSPEN), 2006.
7. Programma Partii mirnogo obnovleniya // Partiya demokraticheskikh reform, mirnogo obnovleniya, progressistov. 1906–1916 gg. Dokumenty i materialy. – M., 2002.
8. **Aronov, D. V.** Voprosy mezhdunarodnogo prava v gosudarstvenno-pravovoy deyatel'nosti rossiyskikh liberalov v Gosudarstvennoy Dume (1906–1916) / D. V. Aronov // Istoriya gosudarstva i prava. – 2003. – № 6. – S. 40–41.

Аронов Дмитрий Владимирович
доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории, Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс
(г. Орел, Наугорское шоссе, 29)

E-mail: aronovdv@mail.ru

Aronov Dmitriy Vladimirovich
Doctor of historical sciences, associate professor, head of sub-department of philosophy and history, State University – education-scientific-production complex
(Orel, 29 Naugorskoe highway)

УДК 342

Аронов, Д. В.

Правовое наследие либеральной юриспруденции России конца XIX – начала XX в. Проблемы и перспективы использования на современном этапе развития российской государственности / Д. В. Аронов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 13–17.

УДК 342.9

С. А. Агамагомедова

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОЛИМПИЙСКОЙ И ПАРАЛИМПИЙСКОЙ СИМВОЛИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В канун проведения олимпийских игр в России проблемы защиты олимпийской и паралимпийской символики становятся более актуальными. Действующая система охраны и защиты данных объектов интеллектуальной собственности базируется на нормах международного и национального законодательства. В механизме административно-правовой защиты олимпийской символики задействован целый ряд государственных органов, формируются определенные подходы в правоприменении.

Ключевые слова: олимпийская и паралимпийская символика, Найробский договор, Международный олимпийский комитет, Олимпийская хартия, оргкомитет «Сочи 2014», незаконное использование товарного знака, недобросовестная конкуренция, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, таможенные органы, судебная практика.

S. A. Agamagomedova

PECULIARITIES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF OLYMPIC AND PARALYMPIC SYMBOLS IN MODERN RUSSIA

Abstract. On the eve of the Olympic Games in Russia, problems of protection of the Olympic and Paralympic symbols become more relevant. The current system of security and data protection of intellectual property rights is based on international and national legislation. There is a number of public bodies involved in the framework of administrative and legal protection of Olympic symbols, as well as a number of certain enforcement approaches under formation.

Key words: Olympic and Paralympic symbols, Nairobi Treaty, International Olympic Committee, Olympic Charter, the organizing committee of «Sochi 2014», illegal use of trademark, unfair competition, Administrative Code, customs authorities, judicial practice.

В преддверии проведения XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи особую актуальность приобретают вопросы правовой охраны и защиты олимпийской и паралимпийской символики. Процессы внесения дополнений и изменений в российское законодательство в части регулирования порядка использования олимпийской символики (далее в статье понятие «олимпийская символика» будет обозначать понятие «олимпийская и паралимпийская символика»), ее правовой охраны и защиты происходят задолго до проведения данного мероприятия. При этом, безусловно, используется международный опыт в области охраны данных объектов. Рассмотрим нормативно-правовую базу и особенности административно-правовой защиты олимпийской символики в современной России.

Важнейшим международным актом в области охраны и защиты олимпийской символики является Найробский договор об охране олимпийского

символа 1981 г., который вступил в силу для России 17.04.1986 г. [1]. В соответствии с этим документом олимпийский символ состоит из пяти переплетенных колец (голубого, желтого, черного, зеленого и красного), помещенных в таком порядке слева направо или изображенных в одном цвете. Кроме олимпийского символа, к элементам олимпийской символики относятся олимпийский флаг, олимпийский девиз, олимпийская эмблема, олимпийский гимн. Все они описаны в Олимпийской хартии, которая является другим важнейшим международным документом в области олимпийского движения [2]. Согласно Правилу 7 Олимпийской хартии «Олимпийские игры являются исключительной собственностью Международного олимпийского комитета (МОК), которому принадлежат все права и данные, связанные с ними; в частности, и без каких-либо ограничений, МОК принадлежат права на Игры, связанные с организацией, использованием, вещанием, записью, представлением, воспроизводством, доступом и распространением в любой форме и любыми средствами и методами, существующими в настоящее время или теми, что будут развиты в будущем. МОК определяет условия доступа и использования данных, имеющих отношение к Олимпийским играм, к соревнованиям и выступлениям на Олимпийских играх.

Олимпийские символ, флаг, девиз, обозначения (включая, но не ограничиваясь словами «Олимпийские игры» и «игры Олимпиады»), знаки, эмблемы, огонь и факелы, как указывается в Правилах 8–14 далее, все вместе и по отдельности являются «Олимпийской собственностью». Все права на каждый в отдельности и на все вместе элементы Олимпийской собственности принадлежат исключительно МОК, включая, но не ограничиваясь использованием в коммерческих целях, для получения дохода и рекламных целях».

В качестве основополагающего положения Найробского договора об охране олимпийского символа выступает установление обязанности государств-участников отказывать в регистрации или признавать недействительной регистрацию в качестве товарного знака (знака обслуживания) и запрещать путем принятия соответствующих мер использование в качестве знака или другого обозначения в коммерческих целях любого обозначения, состоящего из олимпийского символа или содержащего этот символ в таком виде, как это определено в Уставе МОК, кроме тех случаев, когда на это имеется разрешение последнего [3].

В рамках организации и проведения Олимпийских игр и Паралимпийских игр в г. Сочи в России в 2007 г. был принят Федеральный закон «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон). Данный нормативный акт регулирует отношения, возникающие в связи с организацией и проведением XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи и развитием города Сочи как горноклиматического курорта.

Законом определяется статус оргкомитета «Сочи 2014», который является автономной некоммерческой организацией, учреждаемой Олимпийским комитетом России, Российской Федерацией и городом Сочи для целей организации и проведения Олимпийских игр и Паралимпийских игр в соответствии с положениями Олимпийской хартии, Свода правил Международного паралимпийского комитета и соглашения, заключенного Международным

олимпийским комитетом с Олимпийским комитетом России и городом Сочи на проведение XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи.

При этом подп. 2 п. 1 ст. 5 Закона установлено, что Оргкомитет «Сочи 2014» для достижения целей своей деятельности осуществляет функцию по обеспечению во взаимодействии с Олимпийским комитетом России и Паралимпийским комитетом России при организации и проведении Олимпийских игр и Паралимпийских игр защиту олимпийской и паралимпийской символики (включая принадлежащие Международному олимпийскому комитету и Международному паралимпийскому комитету исключительные права на объекты интеллектуальной собственности), в том числе в судебном порядке [4]. Таким образом, можно говорить об установлении национального режима правовой охраны олимпийской символики на территории РФ на основе международных положений в данной области.

Что касается разграничения понятий «охрана» и «защита» в области интеллектуальной собственности, то следует согласиться с мнением авторов о том, что различие между понятиями «охрана» и «защита» прав интеллектуальной собственности заключается в следующем: охрана – это установление общего правового режима, а защита (узкий смысл) – те меры, которые предпринимаются в случаях, когда права на интеллектуальную собственность нарушены или оспорены [5]. Таким образом, в преддверии проведения Олимпийских игр и Паралимпийских игр в Российской Федерации установлен общий правовой режим охраны олимпийской символики и паралимпийской символики, основанный на положениях международного права. Нормативная база данного режима включает в себя универсальные правовые нормы в области охраны прав на объекты интеллектуальной собственности (Конституция РФ, четвертая часть Гражданского кодекса РФ и др.), а также нормы специального характера (Федеральный закон «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Что касается защиты олимпийской символики, то она осуществляется традиционными правовыми методами, которые подразделяются по отраслевой принадлежности. Так, осуществить защиту прав на объект интеллектуальной собственности, относящийся к олимпийской символике, можно посредством гражданско-правовых, административно-правовых и уголовно-правовых средств.

Административная ответственность за незаконное использование олимпийской символики предусмотрена несколькими составами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ, Кодекс), соответственно, существует целая система органов, правомочных выявлять и пресекать правонарушения в этой сфере и задействованных в механизме защиты олимпийской символики (табл. 1).

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ должностные лица органов внутренних дел (полиции) вправе составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.10 КоАП РФ. Пункт 12 той же статьи наделяет подобными полномочиями должностных лиц таможенных органов, а п. 63 – должностных лиц органов, осуществляющих функции по контролю и надзору в сфере защиты прав потребителей и потребительского рынка.

Таблица 1

Система государственных органов в механизме административно-правовой защиты олимпийской символики

Государственный орган	Статья КоАП РФ	Специфика защиты
1. Министерство внутренних дел РФ (МВД России)	Статья 14.10. Незаконное использование товарного знака	При использовании объектов интеллектуальной собственности на внутреннем рынке
2. Прокуратура РФ	Статья 14.10. Незаконное использование товарного знака; статья 14.33. Недобросовестная конкуренция	В рамках надзора за соблюдением законодательства в области интеллектуальной собственности
3. Федеральная антимонопольная служба (ФАС России)	Статья 14.33. Недобросовестная конкуренция	При наличии признаков недобросовестной конкуренции при создании и использовании объектов интеллектуальной собственности
4. Федеральная таможенная служба (ФТС России)	Статья 14.10. Незаконное использование товарного знака	При трансграничном перемещении товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности
5. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор)	Статья 14.10. Незаконное использование товарного знака	В рамках защиты прав потребителей

В соответствии со ст. 23.48 Федеральный антимонопольный орган, его территориальные органы рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.33 КоАП РФ.

При осуществлении надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, прокурор вправе возбудить дело о любом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ или законом субъекта РФ (ст. 28.4 КоАП РФ).

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что дела по рассматриваемым категориям возбуждаются как определенными уполномоченными органами самостоятельно, так и в результате совместных мероприятий различных государственных ведомств. Так, анализ судебной практики позволяет выделить факты возбуждения дел о незаконном использовании олимпийской символики подразделениями УВД [6], антимонопольными органами [7], таможенными органами [8, 9]. Также существуют ситуации, когда дела об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 14.33 КоАП России возбуждаются прокурорами (или по результатам совместных действий прокуратуры и ОВД) и направляются для рассмотрения в Управления

Федеральной антимонопольной службы [10, 11] либо когда материалы проверки, содержащие признаки правонарушения, направляются УВД антимонопольным органам) [7].

На практике нередки случаи возбуждения дел по ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ по результатам совместных мероприятий прокуратуры и МВД России [12].

Что касается соотношения двух рассматриваемых составов КоАП РФ (речь идет о ст. 14.10 и ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ), то, по мнению отдельных авторов, совершая абсолютно одинаковые правонарушения, можно быть оштрафованным по разным статьям КоАП РФ. При этом они отмечают, что у судей в разных регионах сложились свои предпочтения в применении одной из этих статей [12].

В отдельных судебных решениях на основе анализа указанных выше норм судом высказывается положение о том, что они соотносятся друг с другом как общая и специальная нормы. При этом ч. 2 ст. 14.33 Кодекса конкретно устанавливает ответственность за незаконное использование чужого товарного знака, которое связано с введением в оборот товаров, обозначенных данным товарным знаком [13].

На основе анализа судебных решений можно сделать вывод о том, что если в рамках административного производства антимонопольные органы не установили квалифицирующие признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ, в частности границы товарного рынка обращения соответствующих услуг, состав хозяйствующих субъектов, конкурирующих между собой, преимущества лица перед иными участниками рынка, т.е. не представили доказательств того, что действия лица по использованию олимпийской символики без разрешения правообладателя связаны с осуществлением им недобросовестной конкуренции, то выявленный факт неправомерного использования товарного знака не образует состава данного административного правонарушения [7].

В отдельных судебных актах содержатся положения о том, что для квалификации совершенного деяния в качестве указанного правонарушения и подтверждения его состава в действиях конкретного лица необходимо, чтобы лицо, совершившее данное деяние, являлось хозяйствующим субъектом; его действия противоречили законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости, заключались в использовании исключительного права на средства индивидуализации продукции, работ или услуг другого юридического лица, были направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности; совершенные действия причинили или могли бы причинить убытки либо нанести ущерб деловой репутации другого хозяйствующего субъекта [10].

Правоприменительная практика по рассматриваемой категории дел свидетельствует о фактах отказа судом в удовлетворении заявления административного органа вследствие переквалификации противоправного деяния и, соответственно, отсутствия полномочий должностных лиц органа на возбуждение дела об административном правонарушении. Так, при переквалификации правонарушения, возбужденного должностными лицами ОВД по ст. 14.10 КоАП РФ, на правонарушение, предусмотренное ст. 14.33 КоАП РФ, суды отказывают в удовлетворении заявления о привлечении к административной

ответственности. Суды обосновывают положение о том, что выявленный заявителем контрафактный товар по признаку незаконного использования олимпийской символики и факт его предложения к продаже свидетельствуют о наличии предмета и признаков правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 14.33 КоАП РФ.

При этом, как разъяснено в Постановлении Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 11, в зависимости от того, выражаются ли соответствующие действия во введении в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, средств индивидуализации продукции, работ, услуг или нет, они подлежат квалификации по ч. 1 или ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ.

Из п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» следует, что в случае, если заявление административного органа о привлечении к административной ответственности или протокол об административном правонарушении содержит неправильную квалификацию совершенного правонарушения, суд вправе принять решение о привлечении к административной ответственности в соответствии с надлежащей квалификацией. При этом указанное в протоколе событие правонарушения и представленные доказательства должны быть достаточными для определения иной квалификации противоправного деяния.

Вместе с тем, если в результате переквалификации составление протокола о совершенном правонарушении не отнесено к полномочиям обратившегося с заявлением органа, суд не вправе принять решение о привлечении к административной ответственности.

Таким образом, в силу норм специального законодательства о порядке использования олимпийской символики продажа, обмен или иное введение в оборот товара с изображением олимпийской символики без заключения договора с Международным олимпийским комитетом и (или) Международным паралимпийским комитетом или уполномоченными ими организациями признается недобросовестной конкуренцией и влечет административную ответственность по ст. 14.33 КоАП РФ.

При этом составление протокола об административном правонарушении, предусмотренном ст. 14.33 КоАП РФ, отнесено к компетенции антимонопольного органа.

В рассматриваемом случае протокол об административном правонарушении составлен должностными лицами ОВД, в компетенцию которых не отнесено возбуждение и рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.33 КоАП РФ.

Пленум ВАС РФ в п. 7 Постановления от 02.08.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» разъяснил, что, установив при рассмотрении дела о привлечении к административной ответственности факт составления протокола и оформления других материалов дела неправомочными лицами, арбитражный суд, руководствуясь ч. 6 ст. 205 и ч. 2 ст. 206 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, принимает решение об отказе в удовлетворении требования административного органа о привлечении к административной ответственности [14, 15].

Отдельно следует охарактеризовать деятельность таможенных органов РФ по защите олимпийской символики. Данная работа ведется в рамках подписанного 25 апреля 2008 г. соглашения между ФТС России и Оргкомитетом «Сочи 2014» об основах взаимодействия при организации и проведении в г. Сочи XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр в 2014 г. Таможенные органы в 75 случаях выявили 31 тыс. единиц контрафактной продукции с использованием олимпийской символики. Деятельность ФТС России в этом направлении получила высокую оценку руководства АНО «Оргкомитет «Сочи 2014» как в ходе рабочих встреч, так и в рамках проведения ежегодных семинаров-совещаний по защите прав интеллектуальной собственности [16].

Рабочая группа ФТС России и Оргкомитета «Сочи 2014» по защите олимпийской и паралимпийской символики, созданная приказом ФТС России № 825 от 7 июля 2008 г., проводит постоянную работу по обеспечению защиты олимпийской и паралимпийской символики, а также по активизации и повышению эффективности взаимодействия между таможенными органами и правообладателями при перемещении через таможенную границу Российской Федерации товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности.

Анализ судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.10 КоАП РФ и инициированных таможенными органами РФ, свидетельствует об отсутствии единообразия в толковании и применении арбитражными судами отдельных норм права. Так, по одному и тому же делу арбитражными судами различных инстанций выносятся разные решения: в одном случае общество признается виновным и привлекается к ответственности в виде штрафа, в другом – суд применяет ст. 2.9 КоАП РФ и признает административное правонарушение, совершенное обществом, малозначительным [9].

Меры таможенных органов по защите прав на объекты интеллектуальной собственности (включая олимпийскую символику) зачастую носят превентивный характер. Так, в отдельных случаях выявление таможенным органом товара с нанесенной олимпийской символикой и оперативное взаимодействие с правообладателем позволяет устранить потенциальное нарушение исключительных прав путем проведения демаркировки партии товара фирмой-получателем [17].

В дополнение к административным мерам защиты олимпийской символики в Российской Федерации планируется также применение технических решений: введение специальной защитной маркировки, оснащение таможенных органов техническими средствами таможенного контроля, которые позволят с высокой долей вероятности отделять поддельные товары от подлинных [18].

Подведем итоги.

Международной основой правовой защиты и охраны олимпийской символики является Найробский договор об охране олимпийского символа 1981 г. и Олимпийская хартия. Данные документы определяют элементы олимпийской символики, статус МОК в отношении защиты данной символики, а также устанавливают обязанности государств-участников в области регистрации и использования объекта интеллектуальной собственности, содержащего олимпийскую символику либо ее элементы.

В связи с проведением XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи Российская Федерация приняла на себя дополнительные обязательства по защите исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, принадлежащие МОК, а также иную символику, связанную с проведением Олимпийских и Паралимпийских игр.

Принятый в этой связи Федеральный закон «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является носителем норм специального характера, которые дополняют правовой режим охраны и защиты, установленный в РФ в отношении объектов интеллектуальных прав.

Особенностью административно-правовой защиты олимпийской символики является ее ведомственное обеспечение. В реализации защитных мер административной направленности участвуют органы внутренних дел, прокуратуры, Роспотребнадзора, антимонопольные и таможенные органы. Выявление и расследование дел об административных правонарушениях, связанных с незаконным использованием олимпийской символики, а также судебная практика в данном направлении отличается своеобразием. В качестве проблемных вопросов в рассматриваемой сфере следует назвать вопросы соотношения отдельных составов КоАП РФ (ст. 14.10 и ч. 2 ст. 14.33 КоАП РФ), а также определения полномочий различных государственных органов в выявлении и пресечении административных правонарушений в области интеллектуальных прав.

В рамках борьбы с незаконным использованием олимпийской символики особая роль возлагается на таможенные органы, в функции которых входит пресечение незаконного оборота контрафактных товаров при трансграничном перемещении. При этом в дополнение к административным методам следует использовать и технические средства защиты, которые позволят повысить эффективность действующего механизма административно-правовой защиты олимпийской символики.

Список литературы

1. Найробский договор об охране олимпийского символа (Подписан в г. Найроби 26.09.1981) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Олимпийская хартия (полный текст). – URL: http://2014-sochi-olimpiada.ru/olimpijskaya-xartiya-polnyj-tekst (дата обращения: 20.06.2012).
3. **Городов, О.** Проблемы правовой охраны олимпийской символики / О. Городов // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2011. – № 4. – С. 13.
4. Федеральный закон «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : [федер. закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ] // СПС «Гарант».
5. **Изотов, Н. Н.** О соотношении «защиты» и «охраны» интеллектуальной собственности / Н. Н. Изотов // Юридический мир. – 2006. – № 10. – С. 39.
6. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 4 августа 2010 г. по делу № А39-1144/2010 // СПС «Гарант».

7. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 сентября 2010 г. № Ф07-8964/2010 по делу № А05-3953/2010 // СПС «Гарант».
8. Сотрудники Ачинского таможенного поста Красноярской таможни задержали контрафактную продукцию с символикой «Сочи-2014». Новости Сибирского таможенного управления. – URL: http://stu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id (дата обращения: 26.06.2012).
9. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 января 2012 г. № ВАС-14495/11 «О передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СПС «Гарант».
10. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29 сентября 2009 г. по делу № А79-6610/2009 // СПС «Гарант».
11. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 3255/11 // СПС «Гарант».
12. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 11 мая 2010 г. № Ф09-2474/10-С1 по делу № А07-568/2010 // СПС «Гарант».
13. **Егорова, А.** Штрафы за незаконное использование олимпийской символики / А. Егорова // Налоговый вестник. – 2011. – № 4. – С. 123.
14. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2011 г. № 02АП-7153/11 // СПС «Гарант».
15. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 июня 2010 г. по делу № А32-2680/2010-45/66-2АП // СПС «Гарант».
16. Таможенники на страже интеллектуальных прав. Новости ФТС России. – URL: http://ved.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1661:2012-04-25-07-23-06&catid=41:2011-05-23-10-31-37 (дата обращения: 10.05.2012).
17. Новороссийские таможенники выявили незаконно нанесенную олимпийскую символику. Новости южного таможенного управления. – URL: http://master-yutu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=21298:2012-03-14-11-55-56&catid=4:news&Itemid=78 (дата обращения: 27.06.2012).
18. **Шурыгин, С. Н.** Практика работы таможенных органов по защите интеллектуальной собственности / С. Н. Шурыгин // Актуальные проблемы защиты интеллектуальной собственности таможенными органами : сб. ст. по результатам проведения науч.-практ. конф. факультета таможенного дела и кафедры таможенных платежей и валютного контроля Рос. таможенной академии. – М. : Изд-во Рос. таможенной академии, 2011. – С. 12.

References

1. Nayrobskiy dogovor ob okhrane olimpiyskogo simvola (Podpisan v g. Nayrobi 26.09.1981) // SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Olimpiyskaya khartiya (polnyy tekst). – URL: http://2014-sochi-olimpiada.ru/olimpijskaya-xartiya-polnyj-tekst (data obrashcheniya: 20.06.2012).
3. **Gorodov, O.** Problemy pravovoy okhrany olimpiyskoy simvoliki / O. Gorodov // Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'. – 2011. – № 4. – S. 13.
4. Federal'nyy zakon «Ob organizatsii i o provedenii KhKhII Olimpiyskikh zimnikh igr i XI Paralimpiyskikh zimnikh igr 2014 goda v gorode Sochi, razvitii goroda Sochi kak gornoklimaticheskogo kurorta i vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» : [feder. zakon ot 1 dekabrya 2007 g. № 310-FZ] // SPS «Garant».
5. **Izotov, N. N.** O sootnoshenii «zashchity» i «okhrany» intellektual'noy sobstvennosti / N. N. Izotov // Yuridicheskiy mir. – 2006. – № 10. – S. 39.
6. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 4 avgusta 2010 g. po delu № A39-1144/2010 // SPS «Garant».
7. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 24 sentyabrya 2010 g. № F07-8964/2010 po delu № A05-3953/2010 // SPS «Garant».

8. Sotrudniki Achinskogo tamozhennogo posta Krasnoyarskoy tamozhni zaderzhali kontrafaktnuyu produktsiyu s simvolikoy «Sochi-2014». Novosti Sibirskogo tamozhennogo upravleniya. – URL: http://stu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id (data obrashcheniya: 26.06.2012).
9. Opredelenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 10 yanvarya 2012 g. № VAS-14495/11 «O peredache dela v Prezidium Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii» // SPS «Garant».
10. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 29 sentyabrya 2009 g. po delu № A79-6610/2009 // SPS «Garant».
11. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 19 iyulya 2011 g. № 3255/11 // SPS «Garant».
12. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 11 maya 2010 g. № F09-2474/10-S1 po delu № A07-568/2010 // SPS «Garant».
13. **Egorova, A.** Shtrafy za nezakonnoe ispol'zovanie olimpiyskoy simvoliki / A. Egorova // Nalogovyy vestnik. – 2011. – № 4. – S. 123.
14. Postanovlenie Vtorogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 8 dekabrya 2011 g. № 02AP-7153/11 // SPS «Garant».
15. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 18 iyunya 2010 g. po delu № A32-2680/2010-45/66-2AP // SPS «Garant».
16. Tamozhenniki na strazhe intellektual'nykh prav. Novosti FTS Rossii. – URL: http://ved.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1661:2012-04-25-07-23-06&catid=41:2011-05-23-10-31-37 (data obrashcheniya: 10.05.2012).
17. Novorossiyskie tamozhenniki vyyavili nezakonno nanesennuyu olimpiyskuyu simvoliku. Novosti yuzhnogo tamozhennogo upravleniya. – URL: http://master-yutu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=21298:2012-03-14-11-55-56&catid=4:news&Itemid=78 (data obrashcheniya: 27.06.2012).
18. **Shurygin, S. N.** Praktika raboty tamozhennykh organov po zashchite intellektual'noy sobstvennosti / S. N. Shurygin // Aktual'nye problemy zashchity intellektual'noy sobstvennosti tamozhennymi organami : sb. st. po rezul'tatam provedeniya nauch.-prakt. konf. fakul'teta tamozhennogo dela i kafedry tamozhennykh platezhey i valyutnogo kontrolya Ros. tamozhennoy akademii. – M. : Izd-vo Ros. tamozhennoy akademii, 2011. – S. 12.

Агамагомедова Саният Абдулганиевна
кандидат социологических наук, доцент, кафедра менеджмента, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

Agamagomedova Saniyat Abdulganievna
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of management, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

E-mail: saniyat_aga@mail.ru

УДК 342.9

Агамагомедова, С. А.

Особенности административно-правовой защиты олимпийской и паралимпийской символики в современной России / С. А. Агамагомедова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 18–27.

УДК 341.217(4)(07)

А. Ю. Саломатин

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОСОЮЗА В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация. Статья описывает тенденции развития общественного мнения по поводу Европейского союза и его институтов в течение двух десятилетий. Резкие различия существуют между отдельными странами Западной и Восточной Европы, Скандинавии и Средиземноморья, Франции, Германии и Великобритании, что доказывает невозможность быстрой интеграции.

Ключевые слова: Европейский союз; динамика евроинтеграции; общественное мнение об органах Евросоюза; Европейская идея в Великобритании, Франции, Германии, скандинавских и средиземноморских странах; западноевропейские и восточноевропейские страны.

A. Yu. Salomatin

STATE-LEGAL AND POLITICAL PROBLEMS OF EUROPEAN UNION FROM PUBLIC OPINION PERSPECTIVE

Abstract. The article depicts the tendencies in the development of public opinion about European Union and its institutions during the last two decades. There exist sharp differences between some Western and Eastern European countries, Scandinavian and Mediterranean countries, France, Germany and Great Britain that prove the impossibility of rapid integration.

Key words: European Union; Dynamics of Eurointegration; Public Opinion about EU authorities; European Idea in Great Britain, France, Germany, Scandinavian and Mediterranean countries; Western and Eastern European countries.

Когда возник Евросоюз, многие европейцы верили в долговечность интеграции и ее развитие по восходящей линии. После подписания Лиссабонского договора в декабре 2007 г. обращалось внимание на то, что Евросоюз «воспринимается в качестве признанной, хотя и непривычной “коллективной наднациональной сверхдержавы”», что он является государствоподобным международным объединением «с элементами наднациональности и с почти универсальной компетенцией» [1, с. 83]. Однако начавшийся осенью 2008 г. мировой финансово-экономический кризис стал постепенно подтачивать основы объединенной Европы. Это произошло не сразу (первоначально очаг кризиса находился в США), но постепенно, по крайней мере с осени 2011 г., европейское пространство стало восприниматься как наиболее проблемное для мировой экономики. В этой обстановке актуальным становится не только отношение элит к евроинтеграции, но и европейской общественности, которая в условиях кризиса способна к неожиданным поворотам сознания и радикальным акциям.

«Маастрихтский договор от 7 февраля 1992 г., вступивший в силу 1 ноября 1993 г., имел судьбоносный для евроинтеграции характер. Он не дополнял заключенный в 1957 г. Договор о ЕЭС, а являлся еще одним основополагающим документом. Все последующие договоры (Амстердамский, Ниццкий

и Лиссабонский) только вносили поправки в оба эти акта, но не создавали новых… Договор распространил полномочия органов ЕС на новые сферы, которые традиционно являются предметом национального суверенитета. Поэтому многие восприняли его как шаг к созданию Европейской федерации (Соединенных штатов Европы)» [2, с. 98, 99].

После заключения Маастрихтского договора в 1992 г. началось ускоренное движение к евроинтеграции. Новая стратегия предусматривала создание экономического и валютного союза, введение единой денежной единицы, провозглашение общей внешней политики и политики безопасности, а в перспективе – и общей оборонной политики, учреждение системы межгосударственного сотрудничества в области внутренних дел и юстиции, создание «Европы граждан», предусматривающих принятие общего свода прав и свобод личности, осуществление фундаментальной реформы институтов ЕС [3]. Политику консолидации Западной Европы, в частности, в середине 1990-х гг. поддерживало более двух третей европейцев (71 %), резко выступали против него – 6 % (умеренных противников было 13 %). Выше среднего противников евроинтеграции было в недавно присоединившейся к Евросоюзу Дании (35 %) и традиционно сдержанно относившейся к странам Европейского континента Великобритании (29 %) (табл. 1).

Таблица 1

Итоги опроса европейского общественного мнения в мае 1995 г. по поводу усилий по объединению Западной Европы [4]

Евросоюз и отдельные страны	**Отношение к объединению Западной Европы**				
	Безусловно за	**В некоторой степени за**	**В некоторой степени против**	**Безусловно против**	**Не знают**
Евросоюз в целом	25 %	46 %	13 %	6 %	9 %
Австрия	25 %	34 %	18 %	7 %	16 %
Бельгия	21 %	58 %	10 %	3 %	8 %
Дания	24 %	38 %	21 %	14 %	3 %
Франция	20 %	50 %	15 %	5 %	10 %
Германия	29 %	43 %	14 %	7 %	7 %
Италия	37 %	46 %	6 %	1 %	9 %
Нидерланды	21 %	52 %	15 %	5 %	7 %
Великобритания	14 %	46 %	18 %	11 %	10 %

Иным было отношение к расширению Евросоюза на восток. Этот курс одобрил саммит ЕЭС в Копенгагене в июне 1993 г. Он уже утвердил критерии для отбора кандидатов. В 1994–1996 гг. претенденты на членство направили свои официальные заявки. Европейцы настороженно отнеслись к принятию в свою организацию стран Восточной Европы.

Согласно опросу общественного мнения в июне 1997 г. **этого шага опасались 44 % опрошенных, не опасались – 37 %**. Особое неприятие это намерение вызывало в некоторых небольших странах (в Нидерландах – 57 %, в Австрии – 54 %). В ведущих европейских странах (Германии и Франции), опасавшихся также было больше половины (55 и 51 %). В Италии общественное мнение просто оставалось к нему равнодушным (доля неопределившихся с ответом составляла 30 при 32 % противников и 38 % сторонников).

И только в проамерикански настроенной Великобритании, озабоченной экспансией западных ценностей в Восточную Европу, число сторонников (40 %) и противников (41 %) было примерно одинаковым (табл. 2).

Таблица 2

Итоги опроса европейского общественного мнения в июне 1997 г. о том, будет ли стоить слишком дорого продвижение Евросоюза на восток [5]

Евросоюз и отдельные страны	**Боятся этого**	**Не боятся этого**	**Не знают**
Евросоюз в целом	44 %	37 %	19 %
Австрия	54 %	34 %	12 %
Великобритания	41 %	40 %	19 %
Нидерланды	57 %	37 %	6 %
Швеция	43 %	41 %	15 %
Италия	32 %	38 %	30 %
Германия	55 %	34 %	10 %
Франция	51 %	34 %	15 %
Дания	45 %	47 %	8 %

На рубеже тысячелетий вопросы внутренней безопасности вышли на центральное место в политике Европейского союза. Темы свободы передвижения людей, полицейского и правового сотрудничества, общей иммиграционной политики и предоставления убежища стали широко обсуждаемыми на официальных встречах и в академической среде. Одновременно к странам-кандидатам на вступление в Евросоюз были предъявлены повышенные требования о приведении в соответствие с европейскими стандартами состояния правопорядка и правосудия [6]. В это переломное время, когда Евросоюз вплотную подошел к реализации расширения своих рядов, **примерно половина европейцев поддерживала членство своих стран**. Чуть более четырех из десяти европейцев разделяли позитивный имидж Евросоюза (43 %), и только 18 % придерживались негативного имиджа. Почти шесть из десяти жителей Европы поддерживали единую валюту, но все же треть выступали против нее. **70 % одобряли идею европейской конституции, и лишь 6 % были ее противниками.** В то же время **весьма противоречивым было отношение к расширению Евросоюза** (только 27 % считают это приоритетной целью) [7, p. 1]. Более позитивно жители Евросоюза относились к вступлению богатых стран – Норвегии, Швейцарии (70–69 %), по крайней мере терпимой (т.е. число сторонников чуть-чуть превосходило число противников) была реакция на присоединение наиболее развитых стран Восточной Европы – Венгрии, Польши, Чехии (46–41 % позитивных ответов). Вхождение «бедных восточноевропейских и прибалтийских родственников» трактовалось в большей степени негативно, а Турции – резко негативно (30 % – за, 47 % – против).

Грядущее членство всех 13 претендентов оценивалось позитивно в среднем по Евросоюзу, но не слишком высоко – в 38 %, а в отдельных его странах наблюдался очень сильный разброс: **в Швеции и Дании – 61 и 58 %**, в Греции – 55 %, в Нидерландах и Испании – 49 %, в Финляндии – 48 %, в Италии – 43 %, в Ирландии и Португалии – 41 %, в Бельгии – 38 %, в Великобритании – в 35 %, **в Люксембурге и Германии – 34 %, в Австрии – 30 %, во Франции – только 26 %** [7, p. 54, 55].

Вступление с 1 мая 2004 г. десяти новых членов (Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, Словении, Эстонии, Латвии, Литвы, Кипра и Мальты) имело далеко не однозначный эффект. Экспертами отмечалось, что модернизация экономики стран Восточной Европы может создать и поддерживать определенную занятость в секторе высоких технологий в странах – членах Евросоюза. И в то же время было очевидно, что Евросоюз после вступления еще долго будет иметь дело с государствами клиентского типа, активно претендующими на регулярное перераспределение в их пользу ресурсов ЕС [8]. Кроме того, расширение Евросоюза резко актуализировало вопрос о дальнейшей реформе его институтов.

Созванный в 2002 г. Конвент (председатель – бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен), в котором приняло участие более 200 политических и общественных деятелей, представляющих все государства-члены, Европарламент, Комиссию и страны-кандидаты, поставил перед собой задачу разработать **общеевропейскую Конституцию**. Она была призвана заменить собой все предшествующие договоры ЕС. Текст Конституции был подписан в 2004 г., но затем она потерпела фиаско. **Она была отвергнута жителями Франции 29 мая 2005 г. 55 % голосов после того, как девять других членов Евросоюза уже одобрили ее**. 1 июня 2005 г. с еще более разгромным счетом (62 % против) Конституция была провалена на референдуме в Нидерландах. «Горячие головы» среди руководства Евросоюза предложили продолжить процесс ратификации, но существовала опасность, что случившееся может повториться в Дании, Польше и Чехии. В конце концов еще до майского провала европейские лидеры могли предположить, что кто-то из стран отвергнет конституционный документ, но никак не могли представить, что это будет Франция – одна из опор Евросоюза. После французского референдума возникла опасность, что это государство начнет более жестко отстаивать свои национальные интересы, а другие страны последуют ее примеру [9, p. 27, 28]. Было ли это случайностью или закономерностью?

Исследование общественного мнения в странах Евросоюза осенью 2005 г. выявило **достаточно уверенный уровень поддержки Конституции (63 %)**. Однако в некоторых странах (Чехии, Швеции, Великобритании, Финляндии) он был все же ниже 50 %. Только 22 % европейцев предполагали, что необходимо продолжить процесс ратификации. **Практически половина (49 %) считала, что необходимо заново начинать переговорный процесс** [10, p. 23–26]. По сути дела, «ничего трагического не произошло – лопнул гигантский пропагандистский пузырь, созданный руководством ЕС, уверовавшим в свою непогрешимость и значимость. Проект Конституции утратил свой сакральный характер и превратился в то, чем он и должен быть, – документ ЕС, являющийся предметом торга между государствами-членами и интеграционными институтами и между бюрократией и народом» [11, с. 22].

Характерно, что именно после неудачи с принятием Конституции ее сторонники попробовали реанимировать ее, показав главное достоинство евроинтеграции – **географическую мобильность.** В сентябре 2005 г. был проведен опрос 24 тыс. европейцев, а 2006 г. был объявлен Годом трудовой мобильности. Выяснилось, что треть европейцев по крайней мере единожды предпринимали попытку покинуть свой родной регион. Из тех, кто его покинул, 24 % поселились в другом регионе, 4 % – в другом государстве – члене

Евросоюза, 3 % – в стране за его пределами. Отвечая на другой вопрос, 12 % заявили, что участвовали в обучающей или образовательной программе в другом государстве-члене. В то же время **большинство европейцев (70 %) подчеркнули, что у них нет намерения в ближайшее время покинуть свое постоянное место жительства**. При этом выявилась широкая вариативность между жителями разных стран в оценке мобильности: для Ирландии, Дании, Швеции, Словакии в более 60 % случаев она представлялась положительным шансом для индивида, а в Греции и на Кипре ее позитивно оценивали менее 30 % [12].

В каких условиях происходило реформирование Евросоюза? Властям европейских стран примерно за 2,5 года удалось оправиться от шока, связанного с негативными итогами референдумов во Франции и Нидерландах. Летом 2007 г. саммит ЕС в Брюсселе принял правильное тактическое решение подготовить более скромный по своим задачам документ, формально не заменяя учредительные договоры 1957 и 1992 г., а лишь корректируя их. «Практически все положения Конституции без каких-либо серьезных изменений перешли в текст нового Договора. Усиление роли институтов ЕС, распространение голосования квалифицированным большинством по проблемам легальной иммиграции, полицейского и уголовно-правового сотрудничества ведут к укреплению наднационального начала в Евросоюзе» [13, с. 60].

И все же первая и вторая волна мирового экономического кризиса больно ударяет по европейской идее.

По данным опросов общественного мнения, весной 2012 г. экономическая ситуация остается главной сферой озабоченности европейцев (54 %), а состояние государственных финансов – второй по значимости темой (34 %). Безработица занимает третье место среди всех тревог в умах европейцев (32 %, что на 6 % выше, чем в опросах осени 2011 г.). Любопытно, что **проблема иммиграции** – наиболее важная среди неэкономических проблем (9 %), оставила за собой вопросы преступности (6 %), налогообложения (5 %), терроризма (5 %), поставок энергоресурсов (4 %), пенсионного обслуживания (3 %), изменения климата (3 %), охраны окружающей среды (3 %) [14].

Жители Европы пока еще испытывают тяготение друг к другу, но мотивы приверженности европейцев к евроинтеграции носят преимущественно приземленно-бытовой характер: на первый план (41 % ответов) выходит свобода путешествовать, учиться и работать везде в пределах Евросоюза (табл. 3).

Второе по значимости достоинство евроинтеграции – наличие единой валюты (37 %), а вот третье по степени популярности последствие существования Евросоюза – напрасная трата денег (27 %) – имеет сугубо отрицательное звучание. При этом **степень восприятия того или иного евроинтеграционного свойства может коренным образом отличаться от страны к стране:** например, для упомянутой нам изначально пятой позиции в табл. 3 она колеблется в пределах 26 % (для Италии) до 60 % (для Швеции). То же самое можно наблюдать и среди свойств отрицательного характера: по позиции 11 разброс мнений составляет от 8 % (для Болгарии) до 45 % (для Германии). Вообще **в странах Восточной Европы**, максимально заинтересованных в расширении Евросоюза на восток, **практически отсутствует отрицательное отношение к евроинтеграции** (только в Польше 21 % опрошенных

сетуют на наличие евробюрократии). В то же время в платящих по счетам странах Западной Европы нет подобного благостного настроения: **для примерно двух пятых немцев и шведов главным негативом являются финансовая затратность и бюрократизм, для четверти датчан, французов – недостаточный контроль на внешних границах** (для четверти немцев и бельгийцев дополнительным отрицательным фактором выступает более высокий уровень преступности). Правда, менее осязаемый, менее материалистический параметр – потеря культурной идентичности – пока еще мало волнует европейцев (не более десятой их части, но для англичан – почти пятая часть).

Сокращается также и уровень доверия к Евросоюзу и его институтам. «Доверие к Евросоюзу упало с осени 2011 г. и сейчас находится на самом низком уровне – 31 %, уменьшившись на 3 %. В то же время уровень доверия к национальным правительствам и национальным парламентам слегка исправился (28 % + 4 и 28 % + 1 соответственно), – говорится в докладе Еврокомиссии. – Как результат, разрыв между доверием к национальным политическим институтам и к Евросоюзу является сейчас очень узким» [15, p. 13]. Это беспрецедентная ситуация, поскольку традиционно более отдаленные, коллективные евроорганы психологически воспринимались как более эффективные. Причем среди них, как это ни странно, по последним исследованиям, максимальный уровень доверия имеет Европейский суд (46 %), а не формируемый демократический орган – Европарламент (40 %).

Авторитет Европарламента, избираемого каждой страной-членом самостоятельно исходя лишь из нескольких общих принципов и в течение не более чем четырех дней, достаточно невысок. Косвенно на это указывает низкий уровень участия избирателей в выборах, который в ряде случаев приходится стимулировать (в частности, путем совмещения евровыборов с выборами в национальные, региональные или муниципальные органы власти) [16, с. 140, 141].

Уровень доверия к исполнительным структурам – Еврокомиссии, Евробанку, Совету Евросоюза – ниже (36, 35, 32 %). По ведущим странам предпочтения распределяются весьма неравномерно (табл. 4).

Небольшие благополучные страны, такие как **Бельгия, Дания,** достаточно благостно настроены к европейским учреждениям (уровень поддержки более 50 %). Более или менее он высок для стран Восточной Европы (Болгария, Польша), все еще надеющихся на помощь старых и более обеспеченных стран-членов (уровень поддержки, как правило, чуть менее 50 %). Страны, образующие фундамент евроинтеграции (Германия, Франция), настроены более скептично, в них число доверяющих и недоверяющих примерно равно или немного перевешивает в ту или иную сторону. Репутация евроорганов у жителей южносредиземноморских государств – **Испании и Италии**, остро переживающих финансово-экономический кризис, является просто провальной (чуть более 25 % поддержки при уровне недоверия более половины, а вернее, почти в две трети). Позиция **Великобритании,** традиционно имеющей особое мнение по интеграции, отличается еще большей категоричностью (доля доверяющих здесь 20 % и менее, и только 30 % доверяют Европейскому суду, что крайне мало для легистски ориентированных англичан).

Таблица 3

Общественное мнение стран Евросоюза по поводу личной заинтересованности в сохранении данной организации

Евросоюз в целом и отдельные страны	**Процент ответивших на вопрос «Что лично для Вас означает Евросоюз?»***													
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**
Евросоюз в целом	24	12	20	8	**41**	18	18	**37**	16	23	**27**	11	13	16
Бельгия	27	17	20	11	**37**	18	21	54	19	16	30	9	26	24
Болгария	28	20	28	15	**55**	20	12	18	6	8	8	6	5	4
Дания	44	15	34	11	**58**	25	26	19	9	36	19	12	19	24
Германия	42	13	29	8	**50**	26	19	52	17	43	45	12	27	24
Испания	11	11	16	7	**33**	13	12	44	15	18	19	5	3	8
Франция	34	8	18	7	**38**	26	24	41	16	14	30	12	6	24
Италия	14	10	20	9	**26**	11	17	40	18	9	20	11	10	10
Нидерланды	28	23	15	7	**54**	17	29	54	7	32	22	11	12	14
Польша	15	10	20	7	**45**	12	19	20	12	21	14	7	5	3
Швеция	37	9	25	7	**60**	26	32	21	10	44	38	10	15	15
Великобритания	14	8	12	6	**27**	15	11	17	13	27	30	17	8	21

*Условное обозначение ответов: 1 – сохранение мира; 2 – экономическое процветание; 3 – демократия; 4 – социальная защищенность; 5 – свобода путешествовать, учиться и работать в любом месте в рамках Евросоюза; 6 – культурное разнообразие; 7 – более сильное влияние на процессы в мире; 8 – евро; 9 – безработица; 10 – бюрократия; 11 – напрасная трата денег; 12 – потеря культурной идентичности; 13 – более высокий уровень преступности; 14 – недостаточный контроль на внешних границах.

Таблица 4

Отношение населения ряда европейских стран
к институтам Евросоюза

Институты	Страны*										
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**
Европарламент:											
– доверяют	57	54	62	44	25	45	35	51	49	58	21
– не доверяют	39	26	29	43	62	39	49	40	32	33	65
– не знают	4	20	9	13	13	16	16	9	19	9	14
Еврокомиссия:											
– доверяют	57	51	58	35	23	43	32	52	46	52	19
– не доверяют	38	25	29	44	61	38	48	33	31	31	62
– не знают	5	24	13	21	16	19	20	15	23	17	19
Совет Евросоюза:											
– доверяют	50	44	46	32	21	36	27	44	43	35	16
– не доверяют	38	24	24	40	61	35	49	33	30	27	58
– не знают	12	32	30	28	18	29	24	33	27	38	26
Европейский Центробанк:											
– доверяют	50	48	66	42	19	35	23	62	40	56	20
– не доверяют	43	26	22	48	69	47	58	27	34	34	61
– не знают	7	26	12	10	12	18	19	11	26	10	19
Европейский Суд:											
– доверяют	59	50	78	65	26	48	27	66	54	74	30
– не доверяют	30	19	14	23	57	31	47	13	23	14	52
– не знают	11	31	8	12	17	21	26	21	23	12	18

*Страны: 1 – Бельгия; 2 – Болгария; 3 – Дания; 4 – Германия; 5 – Испания; 6 – Франция; 7 – Италия; 8 – Нидерланды; 9 – Польша; 10 – Швеция; 11 – Великобритания.

Кризис вызвал серьезное напряжение в Евросоюзе. Об опасностях единой валюты и недостаточности реальной интеграции отдельных экономик знали инициаторы Маастрихтского договора, но не придали ей должного значения. В настоящее время экономическая напряженность проецируется и в сферу политики. «Надежда на формирование общей европейской идентичности уступила место большему национальному самоутверждению, даже шовинизму. Антииммигрантские и антиевросоюзные партии набирают силу. Греция наблюдает неожиданное восхождение крайне левых и крайне правых партий. Некоторые греки характеризуют лидеров Германии как нацистов. Многие немцы рассматривают греков как ленивых мошенников» [17, p. 32]. Антииммигрантские настроения сильны и в других странах – Нидерландах, Венгрии, Финляндии. Приверженность к скандинавской культуре и неприязнь к исламу демонстрируют партии и парламентарии в Норвегии и Дании [18, p. 19–20]. Во Франции Народный Фронт Жана-Мари Ле Пена, который злоупотреблял антисемитскими высказываниями и ностальгией по французскому (колониальному) Алжиру, под управлением его дочери переходит на более умеренные позиции и пользуется на выборах поддержкой женщин из рабочей среды. При этом партия остается этноавторитарной и антииммигрантски настроенной [19, p. 20–21].

И все же процессы глобализации, несомненно, сдерживают ослабление евроинтеграции, оправдывая ее необходимость в глазах населения (табл. 5).

Таблица 5

Отношение жителей Европы к последствиям глобализации

Вопросы-утверждения	**Ответы**		
	Согласен	**Не согласен**	**Не знаю**
Глобализация заставляет прибегать к общим правилам на общепланетарном уровне («мировое правительство»)	64 %	18 %	18 %
Глобализация выгодна только крупным компаниям, а не рядовым гражданам	63 %	22 %	15 %
Глобализация побуждает людей быть более открытыми к иным культурам	62 %	23 %	15 %
Глобализация означает больше иностранных инвестиций в конкретную страну	57 %	26 %	17 %
Глобализация представляет возможность для экономического роста	56 %	27 %	17 %
Глобализация способствует миру во всем мире	44 %	39 %	17 %
Глобализация представляет угрозу для национальной культуры	39 %	45 %	16 %
Глобализация защищает нас от скачка цен	22 %	61 %	17 %

Правда, при этом население прекрасно видит те же издержки глобализации, ее первостепенную выгоду для большого бизнеса. Это означает, что дальнейшее сближение стран не будет проходить по нарастающей и безболезненно. До сих пор нет ясности и в конституционно-правовом статусе Евросоюза.

«**У Евросоюза не только отсутствует целый ряд весьма важных признаков федеративного образования**, в частности, в виде федеральной конституции, а не учредительных договоров, в виде полноценного самодостаточного суверенитета, в виде статуса субъекта международного права и юридического лица и др., **но и нет в обозримом будущем**, как свидетельствуют источники, **никакой перспективы стать таковым**. Причин для подобного, отнюдь не оптимистичного для сторонников европейской федерации вывода существует много, на наиболее важные из них заключаются в отсутствии желания и воли значительной части населения Европы жить в едином не только экономическом, но и политическом союзе, именуемом федерацией [20, с. 239].

Исследователи из Центра исследований европейской политики (Брюссель) и Иберийско-Американского института при Геттингенском университете отмечают, что уменьшение доверия к национальным правительствам связано с ростом безработицы в первых 15 членах Евросоюза во все периоды, в то время как доверие к Еврокомиссии и Европарламенту, кажется, сильно ассоциируется с ситуацией в реальной экономике (безработицей и ростом душевого валового внутреннего продукта) только во времена экономического кризиса. В то же время во всех 27 членах Евросоюза сокращающийся уровень доверия к национальным европейским правительственным институтам в периоды кризиса, кажется, в первую очередь соотносится с ростом правительственного долга [21]. Иными словами, логично предположить, что доверие к национально-государственной власти испытывает более частые, более

постоянные колебания, а колебания доверия к общеевропейской власти – это продукт чрезвычайных обстоятельств. Но так ли это на самом деле, ответить сложно. Пока же мы видим, что **эпоха еврооптимизма сменилась эпохой евротурбулентности**.

Список литературы

1. **Кашкин, С. Ю.** Лиссабонский договор и основные тенденции и перспективы развития европейского права / С. Ю. Кашкин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2008. – Вып. 2.
2. Европейская интеграция / под ред. О. Буториной. – М., 2011.
3. **Борко, Ю.** Перспективы Евросоюза в новом веке / Ю. Борко, О. Буторина // Современная Европа. – 2001. – № 3.
4. Eurobarometer 44. First Results // Field Results. – 1995. – April–May. – URL: http://ec.europa.eu
5. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/cf/showtable cfm? Key ID = 348 & ID = 11.2.16.6.3.8.14.10.15 & stardate = 1997.06 & enddate = 1997.06
6. **Потемкина, О.** Становление обновленной Европы (Европейское пространство свободы, безопасности и правопорядка – новый проект ЕС) / О. Потемкина // Современная Европа. – 2001. – № 3.
7. European Comission Eurobarometer. Public Opinion in the European Union. Report Number 53 // Fieldwork. – 2000. – April–May.
8. **Глинкина, С.** Накануне вступления в Евросоюз / С. Глинкина // Современная Европа. – 2001. – № 3.
9. Dead, but not yet buried // The Economist. – 2005. – June 4th–10th.
10. Eurobarometer 64 First Results // Field Results. – 2005. – October–November. – URL: http://ec.europa.eu
11. Кризис ЕС: последствия и перспективы // Современная Европа. – 2005. – № 4.
12. Eurobarometer Survey on geographic and labor market mobility // European Comission 2006 : информационный проспект.
13. **Потемкина, О.** ЕС: конституционный тупик или продолжение реформы? / О. Потемкина // Современная Европа. – 2007. – № 4.
14. Standart Eurobarometr G. Tables of Results. Public Opinion in the European Union // Fieldwork. – 2012. – May. – URL: http://ec.europa.eu/public.opinion/archives/eb/eb77.htm
15. Standart Eurobarometr 77. Tables of Results. Public Opinion in the European Union // Fieldwork. – 2012. – May. – URL: http:// ec.europa.eu
16. **Лафитский, В. И.** Выборы в Европейский Парламент / В. И. Лафитский // Журнал российского права. – 2005. – № 4.
17. Europe on the rack // The Economist. – 2012. – June 30th– July 6th.
18. Culture matters more // The Economist. – 2012. – August 11th.
19. Dediabolization // The Economist. – 2012.– August 11th.
20. **Марченко, М. Н.** Право Европейского Союза. Вопросы истории и теории : учеб. пособие / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. – М., 2010.
21. **Roth, F.** Has the Financial Crisis Shattered Citizens Trust in National and European Governmental Institutions? Evidence from the EU member States, 1999–2010 / F. Roth, F. D. Nowak-Lehman, T. Otter // CEPS Warking Document. – 2011. – № 343 (June). – URL: www.ceps.eu

References

1. **Kashkin, S. Yu.** Lissabonskiy dogovor i osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya evropeyskogo prava / S. Yu. Kashkin // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2008. – Vyp. 2.
2. Evropeyskaya integratsiya / pod red. O. Butorinoy. – M., 2011.

3. **Borko, Yu.** Perspektivy Evrosoyuza v novom veke / Yu. Borko, O. Butorina // Sovremennaya Evropa. – 2001. – № 3.
4. Eurobarometer 44. First Results // Field Results. – 1995. – April–May. – URL: http:// ec.europa.eu
5. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/cf/showtable cfm? Key ID = 348 & ID = 11.2.16.6.3.8.14.10.15 & stardate = 1997.06 & enddate = 1997.06
6. **Potemkina, O.** Stanovlenie obnovlennoy Evropy (Evropeyskoe prostranstvo svobody, bezopasnosti i pravoporyadka – novyy proekt ES) / O. Potemkina // Sovremennaya Evropa. – 2001. – № 3.
7. European Comission Eurobarometer. Public Opinion in the European Union. Report Number 53 // Fieldwork. – 2000. – April–May.
8. **Glinkina, S.** Nakanune vstupleniya v Evrosoyuz / S. Glinkina // Sovremennaya Evropa. – 2001. – № 3.
9. Dead, but not yet buried // The Economist. – 2005. – June 4th–10th.
10. Eurobarometer 64 First Results // Field Results. – 2005. – October–November. – URL: http://ec.europa.eu
11. Krizis ES: posledstviya i perspektivy // Sovremennaya Evropa. – 2005. – № 4.
12. Eurobarometer Survey on geographic and labor market mobility // European Comission 2006 : informatsionnyy prospekt.
13. **Potemkina, O.** ES: konstitutsionnyy tupik ili prodolzhenie reformy? / O. Potemkina // Sovremennaya Evropa. – 2007. – № 4.
14. Standart Eurobarometr G. Tables of Results. Public Opinion in the European Union // Fieldwork. – 2012. – May. – URL: http://ec.europa.eu/public.opinion/archives/eb/ eb77.htm
15. Standart Eurobarometr 77. Tables of Results. Public Opinion in the European Union // Fieldwork. – 2012. – May. – URL: http:// ec.europa.eu
16. **Lafitskiy, V. I.** Vybory v Evropeyskiy Parlament / V. I. Lafitskiy // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2005. – № 4.
17. Europe on the rack // The Economist. – 2012. – June 30th– July 6th.
18. Culture matters more // The Economist. – 2012. – August 11th.
19. Dediabolization // The Economist. – 2012.– August 11th.
20. **Marchenko, M. N.** Pravo Evropeyskogo Soyuza. Voprosy istorii i teorii : ucheb. posobie / M. N. Marchenko, E. M. Deryabina. – M., 2010.
21. **Roth, F.** Has the Financial Crisis Shattered Citizens Trust in National and European Governmental Institutions? Evidence from the EU member States, 1999–2010 / F. Roth, F. D. Nowak-Lehman, T. Otter // CEPS Warking Document. – 2011. – № 343 (June). – URL: www.ceps.eu

---

Саломатин Алексей Юрьевич
доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии, руководитель Центра сравнительно-правовой политики, Пензенский государственный университет, действительный член Академии политической науки
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valeriya-zinovev@mail.ru

Salomatin Aleksey Yur'evich
Doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of state and law theory and political science, director of the Center of Comparative Legal Policy, Penza State University, full member of the Academy of Political Sciences
(Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 341.217(4)(07)

Саломатин, А. Ю.

Государственно-правовые и политические проблемы Евросоюза в зеркале общественного мнения / А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 28–39.

УДК 331.108

Ю. А. Пузенцова

К ВОПРОСУ О ПРОГНОЗАХ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются проблемы, возникающие на пути становления гражданского общества в современной России, формы взаимодействия институтов современного российского государства и формирующихся институтов гражданского общества, рассматриваются перспективы решения указанных проблем.

Ключевые слова: гражданское общество, социальные процессы, политические процессы, государственные институты, политическая культура, политическое сознание, гражданский менталитет, гражданская культура, общественные объединения, прогнозы, развитие.

Yu. A. Puzentsova

ON THE ISSUE OF CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT FORECAST IN MODERN RUSSIA

Abstract. The paper analyzes the problems and constraints of civil society development in contemporary Russia, forms of interaction between institutions of the modern Russian state and the emerging civil society institutions, and perspectives of solving these problems.

Key words: civil society, social processes, political processes, public institutions, political culture, political consciousness, civic spirit, civic culture, social associations, forecasts, development.

Введение

Термин «гражданское общество» вошел в российский социально-политический и общественный дискурс в конце 80-х гг. XX в. в связи с массовыми общественными движениями периода перестройки, именуемые «гражданскими движениями» или «гражданскими инициативами», способствующими построению «гражданского общества». Вначале в качестве исходного пункта отечественные исследования этого явления содержали в себе тезис о признании в общественных движениях и гражданских инициативах периода перестройки основных агентов строительства гражданского общества в России. Позднее многие авторы стали осознавать потребность в более подробном анализе существующих на Западе теорий гражданского общества. В развитие теории гражданского общества значительный вклад внесли современные зарубежные ученые Э. Арато, Э. Геллнер, Ф. Кордозо, Дж. Л. Коэн, Р. Патнэм, А. Селигман, Г. Фотев, И. Шапиро, Ф. Шмиттер. Гражданское общество стало в определенной степени синонимом экономически, политически и культурно развитого общества. Реальность гражданского общества определяется соотношением идеального проекта и реально достигнутого состояния общества, которое действительно осуществляет такой проект. Последние исследования показывают, что на пути создания гражданского общества в России существуют определенные трудности. Рассмотрим подробнее ряд аспектов, влияющих на состояние современного гражданского общества,

а также проанализируем несколько точек зрения на проблему становления гражданского общества в РФ.

1. Противоречивый характер процессов становления гражданского общества

О гражданском обществе у нас пишут и говорят довольно много. Вышли тысячи статей и сотни книг. Проводятся научно-практические конференции, круглые столы, дискуссии. Интерес к этой проблематике обусловлен прежде всего тем обстоятельством, что Россия, как и многие другие страны, находится в ситуации выбора стратегической модели развития, точнее, выбора отношения к одной-единственной модели, которая предъявлена всему человечеству так называемым Западом. Суть этой модели довольно проста: рыночные отношения в экономике, права человека как альфа и омега общественной жизни, уважение к Закону, защищающему права человека, публичность и информационная открытость власти, действительно подотчетной избирающему ее народу. В других терминах эта модель описывается понятиями «гражданское общество», «открытое общество», «информационное общество» [1].

Существует три варианта ответа на этот вопрос. Один из них можно обозначить понятием **«вестернизационный проект»,** другой – **«модернизационный проект»,** третий **– «фундаменталистский** (или **архаический**) **проект»**.

Вестернизационный проект связан с уверенностью в неотвратимости построения универсального мирового сообщества, основывающегося на принципах демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения модели индустриальной или постиндустриальной экономики. Россияне, ориентированные на вестернизацию, хотят участвовать в реализации этого грандиозного исторического проекта. Сторонники модернизационного проекта считают, что «западный проект мироустройства» сталкивается в России с неразрешимыми трудностями и должен быть заменен схожим по форме, но альтернативным по сути процессом модернизации. Модернизация представляет собой особую форму приспособления традиционных обществ к вызовам глобализирующейся цивилизации. Суть модернизации заключается в стремлении сохранить культурные корни и соединить их с элементами современной западной цивилизации. Наконец, фундаменталистский проект ориентируется на принципиальный отказ от ценностей западного мира, опирается на идеи «возврата к истокам», «припадания к глубинным основам народной мудрости». В России термин «гражданское общество» как лозунг оппозиции имел заметный, но кратковременный успех. Ранний оптимизм постдиссидентских групп, действовавших во имя «гражданского общества», довольно быстро иссяк. Временный успех движения за гражданское общество не привел к его реальному формированию. Возникла необходимость тщательного исследования сути гражданского общества и описывающего этот феномен понятийного аппарата. Все это стимулировало и продолжает стимулировать интерес к сути того, что обозначается понятием «гражданское общество».

Следует отметить, что в настоящее время возникает целая совокупность механизмов взаимодействия государства и организаций «третьего» сектора для решения социально значимых задач. Это взаимодействие строится

по следующим направлениям: а) стимулирование социальной активности прямым государственным финансированием (государственные гранты); б) социальное обслуживание (в основном в сферах здравоохранения и образования); в) государственное социальное спонсорство (государственные льготы по уплате налогов, таможенных платежей и др.); г) социальное побуждение негосударственных спонсоров; д) государственный социальный заказ; е) лоббирование. Гражданская «готовность» россиян к участию в равноправном диалоге с органами государственной власти, как представляется, еще не получила объективного научного анализа в отечественной литературе. Правовые условия для такого диалога, по нашему мнению, создаются успешнее и скорее, чем «вызревают» его политико-культурные предпосылки. Становление гражданского общества не приведет к быстрому переустройству российской действительности, ориентированному на западные стандарты потребления. Это, однако, не исключает возможности рассматривать идею гражданского общества в качестве перспективной общенациональной идеи [2].

Кроме того, следует помнить, что элементы гражданского общества в России существовали и прежде, но их «вызревание» было приостановлено. Говорить об их полном отсутствии ранее, видимо, также неверно, как и утверждать, что «западная» модель гражданского общества является идеальной. Гражданское общество не может быть заимствовано, оно должно формироваться на основе российской традиционной культуры. Развитие культуры (в том числе и прежде всего политической) – в определенной степени стихийный процесс, сочетающий в себе элементы сознательной деятельности и случайных, непредсказуемо развивающихся явлений. Случайность развития культуры дает возможность основной массе населения приобрести собственный политический и гражданский опыт, который впоследствии воплощается в новых политических и гражданских ценностях. В то же время не исключается целенаправленное воздействие на процесс формирования гражданской политической культуры со стороны государственных структур и структур гражданского общества. По словам Д. А. Медведева, «российская демократия не будет механически копировать зарубежные образцы. Гражданское общество не купить за иностранные гранты. Политическую культуру не переделать простым подражанием политическим обычаям передовых обществ» [3].

Безусловный теоретический интерес представляет анализ различных форм самого концепта «гражданское общество». Можно выделить абсолютную форму (гражданское общество выступает как идеал, высшая цель демократического развития); относительную (гражданское общество выступает как потенциально возможная модель в данных условиях); реальную (конкретно-историческое образование в определенной стране). Еще недостаточно в России научных исследований (в отличие от публицистики), посвященных изучению роли масс в процессе становления гражданского общества, анализу влияния их гражданской активности и политической культуры на этот процесс и в целом определению социокультурных детерминант этого процесса. Политическая и сопряженная с ней правовая культура являются способами реализации сущностных сил человека в сфере гражданской деятельности. Политическая культура является важной составляющей духовной жизни общества, находит свое выражение в политическом сознании и гражданском

менталитете. Многие из ориентаций, составляющих политическую культуру, имплицитно «заложены» в людях и часто проявляются у них непроизвольно, без глубоких предварительных размышлений. Сохраняемые в подсознании, эти чувства определяют поведение граждан и смысл их политической деятельности. Информация о политических чувствах, ориентациях, установках, политическом поведении граждан при соответствующей аналитической обработке может быть использована как индикатор их политической культуры для определения ее типа, характеристики ее содержания и структуры. Принимая во внимание мозаичность современной политической культуры российского общества, можно утверждать, что центральной проблемой является вызревание социальных групп, способных обеспечить формирование гражданского общества в России как естественный процесс.

2. Подходы к значению термина «гражданское общество»

На сегодняшний день наиболее распространен подход к определению гражданского общества как «системы независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей» [4].

В других терминах этот подход обозначается как «сферный», поскольку характеризует природу гражданского общества как особую внегосударственную сферу социума. Представителями этой точки зрения являются А. Кочетков, В. Смольков, В. Данченко, К. Варламов, В. Романов, В. Хорос, А. Воробьев, С. Крапивенский, С. Алексеев, Н. Белова, Л. Карпов, Е. Гуренко, О. Шкаратан, А. Арато, Дж. Коэн и многие другие.

Сторонники другого подхода считают, что критериями для характеристики общества как гражданского выступают уровни его самоорганизации, особое качественное состояние общественных связей между людьми, независимость субъектов общественной жизни, наличие реальных гражданских прав и свобод, самореализация граждан и т.д. Сторонниками таких трактовок являются П. Андерсон, А. Мигранян, А. Яковлев, Ю. Красин, А. Галкин, Л. А. Седов. Эти исследователи отмечают недостатки «сферного» подхода к интерпретации гражданского общества и полагают неоправданным сужение смысловых границ понятия «гражданское общество». По их мнению, термин «гражданское общество» указывает на специфичность всего социума, характеризует качественное состояние общественного целого, а не какой-либо его части или сферы. «Это – не особая сфера реальности, – пишет Ю. Резник, а способ взаимодействия («сцепления») частей общества» [5]. Далее, считает Ю. Резник, недопустимо противопоставлять частную жизнь людей и государственную, так как это не антиподы, а два взаимосвязанных элемента одной системы. Кроме того, гражданское общество как внегосударственное образование взаимодействует не только с государственными управленческими структурами и политической жизнью.

Нельзя также сужать жизненное пространство гражданского общества, лишать его реальных рычагов воздействия на общественные дела, которыми обладает государственная власть. Гражданское общество вполне успешно может взаимодействовать с властью.

Обобщение высказанных теоретиками и практиками идей позволило Г. В. Чевозеровой сформулировать основные признаки гражданского общества:

– наличие граждан как суверенных, активных, свободных, универсальных личностей; наличие у них и в обществе идеалов и навыков, стимулирующих и позволяющих использовать имеющуюся свободу для самостоятельного или коллективного (без помощи государства) удовлетворения своих разнообразных потребностей, не вступая при этом в противоречие с общественными потребностями;

– наличие структур и институтов (коммерческих и некоммерческих), созданных по инициативе граждан, как результат реализации предоставленных свобод;

– наличие демократического государства как необходимого условия, предоставляющего возможность гражданам лично или опосредованно, в том числе через свои гражданские союзы, участвовать в принятии значимых для его жизни решений;

– наличие политической активности и культуры;

– наличие развитого этико-правого сознания граждан, реализуемого в этико-правовом поведении;

– наличие частной собственности и рыночных отношений как необходимого условия для создания материальной базы, обеспечивающей реализацию различных потребностей граждан, в том числе и потребности иметь свободу; наличие механизмов реализации принципов эффективного взаимодействия общества с окружающей средой;

– наличие свободного информационного обмена в обществе и в первую очередь в виде независимых СМИ как самой оперативной и массовой информационной системы [6].

Другими словами, гражданское общество – это исторически сложившаяся конфигурация практик самоуправления, экономического обмена и обмена мнениями (публичных дебатов), созданная гражданами для защиты своих интересов. Следовательно, необходимое условие функционирования гражданского общества – существование определенного типа личности. Его характеризуют, с одной стороны, высокий уровень индивидуальной автономии по отношению к социуму вообще и к государственной власти в особенности. Такую личность многие авторы определяют как самоценную и самодостаточную. С другой стороны, этому типу личности присущи способность конструктивно взаимодействовать с другими личностями во имя общих целей, интересов, ценностей, а также способность подчинять свои частные интересы и способы их достижения общему благу, выраженному в правовых нормах. Таким образом, главным элементом гражданского общества становится ответственный (или, как его иногда называют, компетентный) гражданин. «Чтобы демократия была действенной, необходим, – отмечает Р. Даль, – и это очевидно, определенный уровень компетентности граждан». Разумеется, одной компетентности недостаточно. Еще необходим некий, хотя бы минимальный уровень личной ответственности, сочетающей в себе отношение к общесоциальным проблемам как к своим с восприятием тех или иных локальных интересов как имеющих право на существование и отстаивание. Ответственность же возможна только как личная, индивидуальная.

3. Проекты дальнейшего развития и анализ состояния гражданского общества в России

Лаборатория исследования гражданского общества (ЛИГО) при Высшей школе экономики провела исследование под названием «Перспективы гражданского общества в России: проблемы оценки и выбора». В ходе исследования были выявлены несколько возможных сценариев развития гражданского общества. В первом сценарии, условно названном «общество солидарности», гражданское общество характеризуется высокой социальной активностью населения на фоне роста доходов и его образовательного уровня, сопровождающихся укреплением социальной базы гражданского общества (увеличением доли ядра и уменьшением буферной зоны). При таком сценарии у большей части населения преобладает восприятие общества как сплоченного организма, в котором наличествует рост доверия, ответственности, ощущение своих возможностей оказывать влияние на происходящие процессы. Второй сценарий условно называется «инерционное общество», когда функционирование институтов гражданского общества проявляется в конкретных практиках, однако вовлеченность в них россиян находится на низком и среднем уровне. Организации третьего сектора в таком обществе разнообразны, однако неустойчивы, отдельные виды некоммерческих организаций (НКО) могут вносить вклад в решение вопросов местного значения, наиболее развиты формы взаимодействия с властями на муниципальном уровне. Общественная активность по месту жительства имеет тенденцию «приватизации» органами местного самоуправления. Третий сценарий – «общество социальной пассивности» – характеризуется, в частности, слабой социальной базой гражданского общества, прежде всего на периферии, неустойчивостью третьего сектора из-за слабости ресурсного обеспечения. НКО при этом не рассматриваются как ресурс развития муниципалитетов, регионов и страны в целом. Для такого общества характерны низкие показатели социальной активности населения, готовности объединяться с другими людьми, неразвитость установок на участие в практиках гражданского общества. При этом сценарии слаба социальная база гражданского общества, ее периферию составляет более половины населения, третий сектор неустойчив из-за слабости ресурсной базы, формы взаимодействия с властями не многообразны, преобладают нематериальные формы.

Понятно, что наилучшим для гражданского общества является первый сценарий. И авторы исследования полагают, что вероятность реализации этого сценария не равна нулю. Именно для этого сценария и была разработана дорожная карта развития гражданского общества. В это карте указано, что для реализации первого сценария необходимо повышать устойчивость функционирования НКО, развивать практики благотворительной деятельности и добровольчества физических лиц на предприятиях, обеспечивать эффективную поддержку этих видов деятельности на региональном и муниципальном уровнях, формировать положительные установки граждан, связанные с участием в социальных практиках гражданского общества.

Другое исследование, в ходе которого была сделана попытка сформировать набор различных сценариев развития российского гражданского общества и оценить вероятность их осуществления, было выполнено группой социологов под руководством И. Задорина. В качестве экспертов были при-

влечены известные и авторитетные специалисты из самых разных социально-политических сфер, руководители и активисты НКО, общественных и других организаций гражданского общества (ГО); представители государственных и муниципальных органов, работающие в сферах регулирования деятельности организаций ГО; исследователи, ученые, специалисты аналитических центров, профессионально занимающиеся решениями проблем развития ГО в современной России. Эксперты выделили следующие три наиболее значимые для развития ГО России в краткосрочной перспективе фактора: уровень гражданской активности в обществе (от высокого до низкого); уровень воздействия государства на ГО (от сильного влияния до отсутствия влияния); уровень поддержки государством организаций ГО (от существенной помощи и финансирования до отсутствия такой помощи, включая финансирование). На основе анализа сочетаний трех главных факторов было разработано четыре контрастных сценария: партнерский, государственнический, конфронтационный и гражданский. При этом в экспертном мнении не просматривается какой-то один доминирующий (наиболее вероятный) сценарий. Чуть более вероятным, чем другие, в ближайшей перспективе многими экспертами называется государственнический сценарий, в рамках которого ведущая роль в развитии ГО остается за государством. Вместе с тем есть основания полагать, что в результате возможного ослабления ресурсного обеспечения гражданских организаций со стороны государства и роста социальной активности населения развитие может пойти или по конфронтационному (более вероятно), или по гражданскому (менее вероятно) сценарию. В социально-психологическом отношении российское общество все еще пребывает, так сказать, в «разобранном состоянии», которое вообще не способно пока служить фундаментом чего-либо. И в такой ситуации инициатива, необходимая для углубления и закрепления демократических реформ, не может исходить «снизу», со стороны масс и институтов гражданского общества. Гражданскому обществу не хватает консолидированности для обеспечения такого вектора развития. В связи с этим сохраняется, а в некоторых отношениях даже усиливается «верхушечный» характер выработки курса политических сил, пребывающих у власти. Основными агентами общественных преобразований в России и их гарантами оказываются элитные группы и представители власти, но не гражданское общество [7]. Политические события последних лет показали, сколь неустойчивым остается процесс демократической трансформации в стране и сколь опасно велика в нем роль отдельной личности. Ясно и то, что власть в таких условиях не только оказывается главным «мотором» реформирования общества, но и получает широкие возможности определять характер осуществляемых перемен в своих интересах. Преодолеть эту тенденцию очень трудно. С одной стороны, нужны масштабные усилия по консолидации граждан, готовых к социальному сотрудничеству, обладающих опытом реализации гражданских инициатив.

Основным условием формирования гражданского самосознания социальных субъектов является включенность в процесс контроля над властными структурами, уровень освоенной социально-политической реальности и социально-психологическое ее присвоение. Исходя из этого, структурные и институциональные условия становления гражданского самосознания связаны с социальным расслоением общества и развитием системы отношений

социальных субъектов в горизонтальных связях в рамках гражданского общества и вертикальных – в рамках институциональной системы государства [8]. Серьезные проблемы современного российского социума, возникающие на путях становления гражданского общества, подчеркивают практически все отечественные ученые, в частности О. А. Митрошенков. Во-первых, это разделение российского социума и населения по различным линиям: бедные и богатые, центр и регионы; столица и провинция; элиты и народ; чиновники и все остальные. Во-вторых, отсутствие объединяющих ценностей, таких как доверие, солидарность, согласие по базовым основаниям общества, уважение к жизни, личности и достоинству человека. В-третьих, практическая бессубъектность российского социума, когда под субъектом общества понимается социальная единица, способная постоянно принимать и реализовывать значимые в масштабах общества, самостоятельные и ответственные решения и действия. Низкий уровень доверия населения к политикам, вынужденное приспособление к действиям властей, скепсис в отношении возможности влиять на их решения. Можно и необходимо добавить следующие проблемы:

– наличие устойчивых стереотипов массового политического сознания, системы ценностей, сформированных тоталитарным режимом. Такие ценности, как частная собственность, неравенство, конкуренция, все еще порождают психологический дискомфорт у части населения;

– противоречие между необходимостью формирования гражданского общества и стабильным функционированием государства как правового;

– отсутствие полноценной социальной и экономической базы гражданского общества (правового оформления института частной собственности и введения политического плюрализма недостаточно);

– радикальная трансформация прежней социальной структуры;

– противоречивый характер процесса российской модернизации;

– отсутствие у населения адекватного понимания социально-экономических и политических процессов, низкий уровень процессов рефлексии в обществе;

– распространение среди части населения неконструктивных форм активности и самовыражения;

– терроризм;

– гражданская апатия населения;

– отсутствие политической культуры гражданственности у значительной части общества.

В своих программных статьях (февраль–март 2012 г.) В. В. Путин справедливо отмечает: «Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным. Устойчивое развитие общества невозможно без дееспособного государства. А подлинная демократия – это непременное условие построения государства, нацеленного на служение интересам общества. Настоящая демократия не создается одномоментно, не копируется по внешнему образцу. Необходимо, чтобы общество было готово к использованию демократических механизмов. Чтобы большинство людей почувствовали себя гражданами, готовы были бы на регулярной основе тратить свое внимание, свое время, свои усилия на участие в процессе управления» [9].

Заключение

Для понимания нынешнего состояния гражданского общества и особенно перспектив его развития чрезвычайно важна и субъективная составляющая этого процесса, характеризующая уровень гражданской активности, сознания и культуры населения. Нужна, как отмечал Р. Даль, критическая масса активных граждан. Для этого необходимо, чтобы в стране сложился определенный «политико-культурный климат», климат гражданской ответственности, побуждающий граждан к инициативе и гражданской солидарности. Поэтому, на наш взгляд, необходимо рассматривать процесс создания основ гражданского общества в современной России в контексте формирования гражданской политической культуры, становления гражданского самосознания и укрепления в массовом сознании гражданских ценностей общественной солидарности. Становление гражданского общества – сложный социальный процесс, в котором одновременно цивилизуются и гражданин, и гражданские отношения между членами общества, и само общество, и государство, и отношения между ними, индивидом и обществом [10]. Условием такого развития является равновесие всех составляющих гражданского общества – человека, общества, бизнеса и государства.

Список литературы

1. **Дзялошинский, И. М.** Гражданское общество в России: настоящее смутно, будущее туманно / И. М. Дзялошинский // Аналитика. – 2009. – № 2. – С. 3–19.
2. **Рябев, В. В.** Гражданское общество современной России: проблемы и перспективы становления / В. В. Рябев // Вестник МГТУ. – 2010. – Т. 13, № 2. – С. 439–445.
3. **Медведев, Д. А.** Россия, вперед! / Д. А. Медведев. – URL: www.kremlin.ru
4. **Гаджиев, К. С.** Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 30.
5. **Резник, Ю. М.** Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч. II. Теоретико-методологические аспекты исследования / Ю. М. Резник. – М. : Союз, 1998. – 233 с.
6. **Чевозерова, Г. В.** Средства массовой информации как фактор формирования гражданского общества в России : дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Чевозерова Г. В. – М., 2007. – 180 с.
7. **Шушпанова, И. С.** Гражданское общество в социологическом измерении / И. С. Шушпанова // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 59–60.
8. **Пшизова, С. Н.** От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе / С. Н. Пшизова // Политические исследования. – 2009. – № 2. – С. 39.
9. **Путин, В. В.** Публикации программных статей. – URL: www.ria.ru
10. **Кравченко, И.** Концепция гражданского общества в философском развитии / И. Кравченко // Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 120–129.

References

1. **Dzyaloshinskiy, I. M.** Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: nastoyashchee smutno, budushchee tumanno / I. M. Dzyaloshinskiy // Analitika. – 2009. – № 2. – S. 3–19.
2. **Ryabev, V. V.** Grazhdanskoe obshchestvo sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy stanovleniya / V. V. Ryabev // Vestnik MGTU. – 2010. – T. 13, № 2. – S. 439–445.
3. **Medvedev, D. A.** Rossiya, vpered! / D. A. Medvedev. – URL: www.kremlin.ru

4. **Gadzhiev, K. S.** Kontseptsiya grazhdanskogo obshchestva: ideynye istoki i osnovnye vekhi formirovaniya / K. S. Gadzhiev // Voprosy filosofii. – 1991. – № 7. – S. 30.
5. **Reznik, Yu. M.** Grazhdanskoe obshchestvo kak fenomen tsivilizatsii. Ch. II. Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya / Yu. M. Reznik. – M. : Soyuz, 1998. – 233 s.
6. **Chevozerova, G. V.** Sredstva massovoy informatsii kak faktor formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii : dis. … kand. polit. nauk: 23.00.02 / Chevozerova G. V. – M., 2007. – 180 s.
7. **Shushpanova, I. S.** Grazhdanskoe obshchestvo v sotsiologicheskom izmerenii / I. S. Shushpanova // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2008. – № 11. – S. 59–60.
8. **Pshizova, S. N.** Ot «grazhdanskogo obshchestva» k «soobshchestvu potrebiteley»: politicheskiy kons'yumerizm v sravnitel'noy perspektive / S. N. Pshizova // Politicheskie issledovaniya. – 2009. – № 2. – S. 39.
9. **Putin, V. V.** Publikatsii programmnykh statey. – URL: www.ria.ru
10. **Kravchenko, I.** Kontseptsiya grazhdanskogo obshchestva v filosofskom razvitii / I. Kravchenko // Politicheskie issledovaniya. – 1999. – № 5. – S. 120–129.

Пузенцова Юлия Андреевна
аспирант, Пензенский
государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: juli-jurist@rambler.ru

Puzentsova Yuliya Andreevna
Postgraduate student,
Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 331.108
Пузенцова, Ю. А.
К вопросу о прогнозах развития гражданского общества в современной России / Ю. А. Пузенцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 40–49.

УДК 347.235

О. А. Болотова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Описываются основные этапы внедрения информационных технологий в нотариальную деятельность, рассматриваются вопросы обеспечения нотариусов новейшими информационными технологиями и их готовности к использованию таких технологий. Представлена одна из основных программ, используемых нотариусами, – Единая информационная система нотариата.

Ключевые слова: нотариальное действие, информационные технологии, нотариус.

O. A. Bolotova

APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN NOTARIAL ACTIVITY

Abstract. The article describes the main stages of introducing information technologies in the notarial activities, and also addresses the issues of providing the notaries with new information technologies and their willingness to use such technologies.

Key worlds: the notarial action, information technology, the notary.

Предусмотренное Конституцией РФ право на получение квалифицированной юридической помощи включает в себя деятельность юристов, адвокатов, а также нотариусов. В настоящее время, в связи с повсеместным стремительным развитием информационных технологий, они постепенно внедряются и в сферу юридической деятельности. Этот процесс не обошел стороной и нотариальную деятельность.

Постоянное увеличение электронной составляющей гражданского оборота вступает в противоречие с традиционной «бумажной» формой нотариальной деятельности и требует изменения процедурных правил. Рациональное применение и законодательное закрепление правил использования информационных технологий в нотариальной деятельности будет способствовать укреплению прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также позволит упростить и ускорить некоторые процедуры в нотариальной деятельности. Компьютерные технологии, или информационные технологии, – это область высоких технологий, отвечающая за хранение, передачу, обработку, защиту и воспроизведение информации с использованием компьютеров [1].

В ныне действующих Основах законодательства о нотариате вопрос применения информационных технологий не нашел своего отражения, хотя во многих европейских странах, таких, например, как Франция, опыт применения информационных технологий давно имеет положительный опыт.

Чисто теоретически можно выделить несколько этапов внедрения технологий в деятельность нотариусов. Наверное, первым этапом можно назвать внедрение в деятельность нотариусов компьютера, сменившего пишущие машинки. Второй этап характеризовался развитием локальных компьютерных сетей в Федеральной нотариальной палате (ФНП). Третий этап был связан с появлением доступных вариантов подключения компьютеров к сети Интернет. Четвертым этапом можно назвать эксплуатацию Единой информа-

ционной системы нотариата России и появление новейших компьютерных программ, необходимых нотариусу в работе (например, автоматизированное рабочее место (АРМ) «Экспресс», подготовленное компанией Triasoft Inc).

Наряду с нотариатом и другие органы государственной власти все чаще используют в своей деятельности информационные технологии, повышающие ее эффективность.

Следует отметить, что нотариат осуществляет специфическую публично-правовую функцию, хотя он не входит в систему государственных органов. В работе нотариусов тоже все большее значение начинают приобретать электронные документы, однако они носят сугубо справочный характер и не имеют никакой юридической силы.

Правительство РФ в 2009 г. одобрило план перехода на предоставление государственных услуг в электронном виде. Представляется необходимым провести этот переход и в нотариальной деятельности. Отметим, что с июня 2006 г. была введена в эксплуатацию Единая информационная система (ЕИС) нотариата, с которой в настоящее время в обязательном порядке работают все нотариусы. Это позволяет нотариусам проверять сведения о подлинности предоставляемых документов, исходящих от других нотариусов в режиме реального времени.

Структурно ЕИС представляет из себя распределенную информационную систему, объединяющую всех пользователей, задействующих в работе публичные каналы связи (Интернет). Основная часть информации, содержащейся в системе, размещена в базе данных сервера ЕИС, установленного в Федеральной нотариальной палате. Сервер ЕИС взаимодействует с пользователями системы с помощью одного из двух интерфейсов – веб-интерфейса и программного интерфейса. Веб-интерфейс сервера ЕИС предназначен для просмотра содержимого баз данных информационных блоков и работы с подсистемами ЕИС с помощью обычного браузера. Программный интерфейс сервера ЕИС предназначен для организации взаимодействия со специальным приложением «еНот», реализующим прикладные функции системы на рабочем месте пользователя ЕИС. Каждый из пользователей ЕИС имеет свою собственную локальную базу данных, содержащую частичную репликацию содержимого базы данных сервера ЕИС, а также свою собственную информацию, частично реплицируемую в базу данных сервера ЕИС. Обмен информацией между пользователями системы и сервером ЕИС выполняется с помощью приложения «еНот» [2].

Приложение «еНот» установлено на ПК в нотариальных конторах, вход в приложение и в ЕИС осуществляется с помощью введения специального пароля и логина, присвоенного каждому пользователю индивидуально. Несомненно, появление этого нового программного обеспечения значительно облегчило работу нотариусам. Главные преимущества – это быстрота получения необходимых сведений, их систематизация и структуризация на рабочем компьютере нотариуса.

Например, если ранее нотариусу приходилось делать запросы в письменном виде в Сбербанк РФ о наличии денежных средств на счетах умерших, тратить время и денежные средства наследников на отправку этих запросов, то с появлением программы «еНот» и электронно-цифровой подписи, которой скрепляется электронный документ, процедура отправки запроса занимает не более 15 минут, а ответ приходит в среднем в течение двух недель, что,

несомненно, упрощает работу нотариусу и сокращает время получения документов.

Нотариальное сообщество поддерживает внедрение информационных технологий в деятельность нотариусов. Об этом могут свидетельствовать, в частности, соглашения, которые были заключены со Сбербанком России, Федеральной налоговой службой, Службой судебных приставов и др. Однако на настоящий момент существуют еще проблемы, которые требуют скорейшего разрешения. Одной из таких является представление Федеральной налоговой службой (ФНС) устаревших сведений нотариусу. Это связано с замедленным обновлением данных в ФНС и может привести к негативным моментам. Следует отметить, что именно нотариальное сообщество явилось инициатором развития новых, эффективных методов взаимодействия нотариата и государственных органов, в частности в области электронных технологий информационного оборота [3].

Отметим также, что при ФНП действует специально созданный Фонд инноваций и информационных технологий [4].

Сейчас очень активно обсуждается вопрос о вступлении нотариата России в Европейскую ассоциацию единой сети реестра завещаний. Предполагается, что формирование такого реестра позволит решить проблему отсутствия у родственников умершего информации обо всех его завещаниях [5]. Отметим, что администратором Единого реестра нотариальных действий является специализированная некоммерческая организация, созданная Федеральной нотариальной палатой или осуществляющая эти функции на основании договора об эксплуатации информационной системы [6]. 2 октября 2012 г. был принят ФЗ-166, который затронул вопрос создания реестра, однако он вступит в силу только в 2014 г. Присоединение к Базельской конвенции о регистрации завещаний от 16 мая 1972 г. в настоящее время представляется вполне обоснованным и логичным. Это позволило бы регламентировать порядок получения сведений из аналогичных национальных реестров других государств, присоединившихся к Конвенции [7].

В настоящее время очень актуальным стало внедрение электронного документооборота в нотариальную деятельность. Об этом, в частности, упоминается в проекте ФЗ «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации». Например, ст. 162 данного проекта предусматривает возможность электронной подписи нотариального акта, составляемого в электронной форме. Следует отметить, что, например, во Франции нотариат уже перешел полностью на электронный документооборот. Предполагается, что нотариусы получат право истребовать документы в электронном виде у государственных органов, физических и юридических лиц. В число их полномочий также предлагается включить право удостоверять равнозначность электронных и бумажных документов. В настоящее время средствами электронной подписи обеспечены более 4500 нотариусов.

Таким образом, в настоящее время созданы надлежащие предпосылки для расширения сферы деятельности нотариата на основе применения новых информационных технологий.

Однако необходимо подчеркнуть, что внедрение передовых технологий в нотариальную деятельность должно соответствовать общим принципам законодательства и нотариальной деятельности. К тому же необходимо оценивать готовность нотариусов использовать те или иные технологии в повседневной деятельности.

Список литературы

1. **Попова, Н. Ю.** Компьютерные технологии в авангарде / Н. Ю. Попова // Информационный бюллетень нотариальной палаты Пензенской области. – 2010. – № 29. – С. 34.
2. URL: www.triasoft.com
3. **Корсик, К. А.** Принцип государственности и некоторые моменты спекуляции этим понятием / К. А. Корсик // Нотариус. – 2012. – № 6. – С. 2–5.
4. **Москаленко, И. В.** Роль нотариальных действий в наследственных правоотношениях и активное внедрение новых информационных технологий / И. В. Москаленко // Нотариус. – 2012. –№ 3. – С. 2–5.
5. **Керенский, И. В.** В 2014 году будет создана единая информационная система нотариата, содержащая реестры уведомлений о залоге движимого имущества, удостоверенных завещаний, выданных доверенностей и некоторые другие реестры / И. В. Керенский // СПС «КонсультантПлюс», 2012.
6. **Сохновский, А. Ф.** Безусловное право завещателя на тайну завещания / А. Ф. Сохновский, О. М. Сычев // Российская юстиция. – 2011. – № 8. – С. 13–17.
7. **Медведев, И. Г.** Международное частное право и нотариальная деятельность / И. Г. Медведев. – 2-е изд. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – С. 272.

References

1. **Popova, N. Ju.** Komp'juternye tehnologii v avangarde / N. Ju. Popova // Informacionnyj bjulleten' notarial'noj palaty Penzenskoj oblasti. – 2010. – № 29. – S. 34.
2. URL: www.triasoft.com
3. **Korsik, K. A.** Princip gosudarstvennosti i nekotorye momenty spekuljacii jetim ponjatiem / K. A. Korsik // Notarius. – 2012. – № 6. – S. 2–5.
4. **Moskalenko, I. V.** Rol' notarial'nyh dejstvij v nasledstvennyh pravootnoshenijah i aktivnoe vnedrenie novyh informacionnyh tehnologij / I. V. Moskalenko // Notarius. – 2012. –№ 3. – S. 2–5.
5. **Kerenskij, I. V.** V 2014 godu budet sozdana edinaja informacionnaja sistema notariata, soderzhashhaja reestry uvedomlenij o zaloge dvizhimogo imushhestva, udostoverennyh zaveshhanij, vydannyh doverennostej i nekotorye drugie reestry / I. V. Kerenskij // SPS «Konsul'tantPljus», 2012.
6. **Sohnovskij, A. F.** Bezuslovnoe pravo zaveshhatelja na tajnu zaveshhanija / A. F. Sohnovskij, O. M. Sychev // Rossijskaja justicija. – 2011. – № 8. – S. 13–17.
7. **Medvedev, I. G.** Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i notarial'naja dejatel'nost' / I. G. Medvedev. – 2-e izd. – M. : Volters Kluver, 2005. – S. 272.

Болотова Олеся Альбертовна
аспирант, Пензенский
государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: b-lesenok@yandex.ru

Bolotova Olesja Al'bertovna
Postgraduate student,
Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 347.235

Болотова, О. А.

Использование информационных технологий в нотариальной деятельности / О. А. Болотова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 50–53.

С О Ц И О Л О Г И Я

УДК 331.1(075.8)

Е. И. Дуданов, О. А. Семенова

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы трудовой мобильности работников промышленных предприятий в современных социально-экономических условиях, включающие высокий уровень текучести работников, несоответствие квалификации работников требованиям производства, недостаточное внимание к подготовке и переподготовке сотрудников.

Ключевые слова: трудовая мобильность, текучесть, работники промышленных предприятий.

E. I. Dudanov, O. A. Semenova

PROBLEMS OF LABOUR MOBILITY OF INDUSTRIAL ENTREPRISES EMPLOYEES IN THE POSTCRISIS PERIOD

Abstract. The article considers basic problems of realization of labour mobility of industrial enterprises employees in the modern socio-economic conditions, including the high level of staff fluctuation, incompatibility of staff qualification and the production demands, insufficient attention to the staff education and re-education.

Key words: labour mobility, employee turnover, industrial enterprises employees.

Мировой экономический кризис 2008 г. болезненно сказался на российской экономике в силу незавершенности формирования саморегулирующихся рыночных механизмов, некомпетентности менеджмента и закрытости процессов принятия решений на государственном уровне. В кадровой работе одним из индикаторов кризисной ситуации является социально-трудовая мобильность населения − перемещение людей из одних социально-профессиональных групп, сфер занятости, видов трудовой деятельности и рабочих мест в другие. Это определяющий фактор устойчивости народного хозяйства страны в условиях кризиса и дальнейшего развития ее социально-экономической системы в посткризисный период.

Либерализация экономической жизни, развитие рынка труда привели к заметной интенсификации трудовых перемещений в экономике России. Если в начале 1990-х гг. это касалось каждого пятого, то в конце десятилетия – каждого четвертого работника, в 2002 г. с предприятий и из организаций уволилось в среднем 30 % персонала, в 2004 г. – 31 % работников [1]. В экономике Республики Мордовии в 90-е гг. XX в. ежегодный уровень выбытия работающих составлял 16–18 %, коэффициент приема был равен 12–13 % от среднесписочной численности [2]. Это был период спада производства

и высокой безработицы, что сдерживало процесс перераспределения рабочей силы. Стабилизация экономики, оживление производства, развитие сферы услуг вызвали дальнейшую активизацию этого процесса, показатели движения рабочей силы существенно возросли. Показатель оборота рабочей силы в экономике Мордовии с 2002 г. устойчиво превышал 50 %. В 2008 г. коэффициент найма составил 34,8 %, коэффициент увольнений – 38,3 % от среднесписочной численности (табл. 1).

Таблица 1

Показатели движения работников в отраслях промышленности Республики Мордовии в 2007–2011 гг. (в процентах от среднесписочной численности)[1]

Отрасль промышленности	Прием					Выбытие				
	2007	2008	2009	2010	2011	2007	2008	2009	2010	2011
Вся промышленность	37,4	34,8	22,7	23,1	23,1	40,5	38,3	31,6	25,8	26,4
Электроэнергетика	20,8	16,6	23,3	23,1	15,2	27,5	19,4	30,1	23,9	22,2
Машиностроение и металлообработка	50,7	46,2	52,5	22,7	21,0	53,9	52,4	58,4	26,9	23,7
Химическая и нефтехимическая промышленность	16,2	21,4	12,1	20,4	15,3	18,0	19,5	19,9	13,9	16,9
Лесная и деревообрабатывающая промышленность	49,3	40,7	50,2	35,1	35,5	45,8	41,1	39,0	38,5	41,7
Промышленность строительных материалов	38,5	37,7	41,8	51,9	54,8	44,4	38,9	41,8	46,2	58,6
Легкая промышленность	10,2	6,5	5,4	9,2	5,8	11,1	9,3	12,9	12,0	10,1
Медицинская промышленность	22,1	23,8	13,1	13,4	12,2	24,6	24,5	30,9	18,4	30,8

В 2009 г. показатели движения работников промышленных предприятий существенно снизились. Кризисная ситуация стабилизировала ситуацию с трудовой мобильностью в промышленности Мордовии. В 2003 и 2004 г. эту отрасль, которая является основой любой экономической системы, буквально лихорадило: оборот кадров превышал 70 %, ежегодно сменялось более 1/3 работающих. За 2009 г. показатель оборота снизился на 26 % по сравнению с предыдущим годом и стал наименьшим среди отраслей материального производства – 54 % от среднесписочной численности (табл. 2).

Интенсивность трудовых перемещений существенно различается по видам экономической деятельности. К числу отраслей с самыми высокими показателями в 2010–2011 гг. относятся промышленность строительных материалов и деревообрабатывающая промышленность. Высокая сменяемость кадров в строительных организациях связана как со спецификой этой отрасли, для которой характерны сезонные колебания, так и с инвестицион-

[1] Составлено и рассчитано по: Мордовия : стат. ежегодник / Комитет гос. стат. Респ. Мордовия. – Саранск, 2008, 2010, 2012.

ным кризисом. За последние годы в число отраслей с повышенной подвижностью персонала вошло лесное хозяйство. Значительная текучесть в деревообработке объясняется неустойчивым финансовым положением предприятий, зависящим от платежеспособности населения, отсутствием надежных социальных гарантий, особенностями организации труда. В 2011 г. оборот рабочей силы на этих предприятиях составил 77,2 % от среднесписочной численности. Интенсификация перемещений произошла преимущественно за счет оттока кадров.

Таблица 2

Показатели оборота работников в отраслях промышленности Республики Мордовии в 2007–2011 гг. (в процентах от среднесписочной численности)[1]

Отрасль промышленности	**Оборот**					**Изменение**				
	2007	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**
Вся промышленность	77,9	73,1	54,3	48,9	49,5	–3,1	–3,5	–8,9	–2,7	–3,3
Электроэнергетика	48,3	36,0	53,4	47,0	37,4	–6,7	–2,8	–6,8	–0,8	–7
Машиностроение и металлообработка	104,6	98,6	110,9	49,6	44,7	–3,2	–6,2	–5,9	–4,2	–2,7
Химическая и нефтехимическая промышленность	34,2	40,9	32,0	34,3	32,2	–1,8	1,9	–7,8	6,5	–1,6
Лесная и деревообрабатывающая промышленность	95,1	81,8	89,2	73,6	77,2	3,5	–0,4	11,2	–3,4	–6,2
Промышленность строительных материалов	82,9	76,6	83,6	98,1	113,4	–5,9	–1,2	0	5,7	–3,8
Легкая промышленность	21,3	15,8	18,3	21,2	15,9	–0,9	–2,8	–7,5	–2,8	–4,3
Медицинская промышленность	46,7	48,3	44,0	31,8	43,0	–2,5	–0,7	–17,8	–5	–18,6

К числу отраслей с низким уровнем сменяемости персонала традиционно относится аппарат органов государственного управления. Сотрудников этих структур привлекают престижность этого рода занятий, благоприятные условия труда, высокая заработная плата, социальная защищенность, льготное пенсионное обеспечение и другие преимущества. Однако в последние годы и в этой отрасли трудовые перемещения активизировались, главным образом за счет участившихся случаев увольнений.

Относительная стабильность медицинских, научных и педагогических коллективов объясняется спецификой их труда, отсутствием профессиональных альтернатив занятости. Наиболее активные люди покинули научные и образовательные учреждения еще в начале 1990-х гг. Многие стали успешными предпринимателями, чиновниками разных уровней.

Профессиональная мобильность связана как с мотивацией самого работника, так и действиями работодателя. Поэтому пристального внимания

[1] Составлено и рассчитано по: Мордовия : стат. ежегодник / Комитет гос. стат. Респ. Мордовия. – Саранск, 2008, 2010, 2012.

требует процесс выбытия. В Республике Мордовии в 2011 г. наиболее активно процесс проходил в таких отраслях, как промышленность строительных материалов (58,6 % от среднесписочной численности), лесная и деревообрабатывающая промышленность (41,7 % от среднесписочной численности). Несмотря на относительное снижение, в целом в республике коэффициент выбытия по промышленности в 2011 г. составлял 26,4 % (рис. 1).

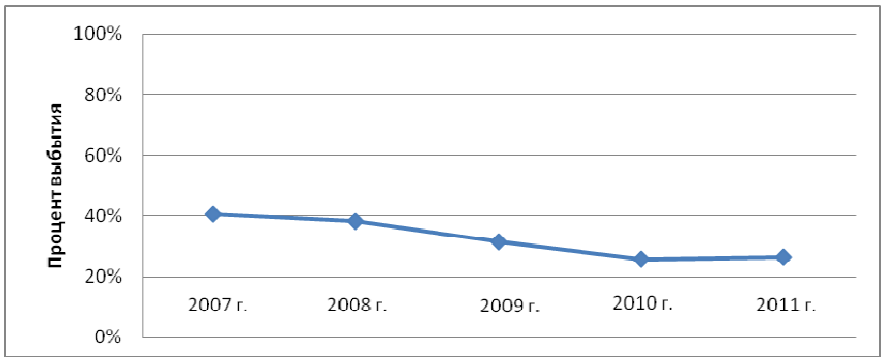


Рис. 1. Изменение коэффициента выбытия по промышленности Республики Мордовии в 2006–2011 гг.

Среди увольнений на промышленных предприятиях региона преобладают добровольные. Увольнение по собственному желанию составило 25,8 %, увольнение в связи с высвобождением по причине сокращения штатов, ликвидации организации, собственного дела в 2011 г. – 27,5 % [3].

Следует отметить, что основная указанная причина увольнения работников промышленных предприятий – низкая заработная плата. 36,2 % респондентов покидают работу из-за данного обстоятельства. По результатам интервью с увольняющимися, проводимых сотрудниками отделов кадров, 26,1 % работников не удовлетворены условиями труда. Лишь небольшая часть работников (около 5 %) уволена по инициативе администрации, главным образом за нарушение трудовой дисциплины (рис. 2).

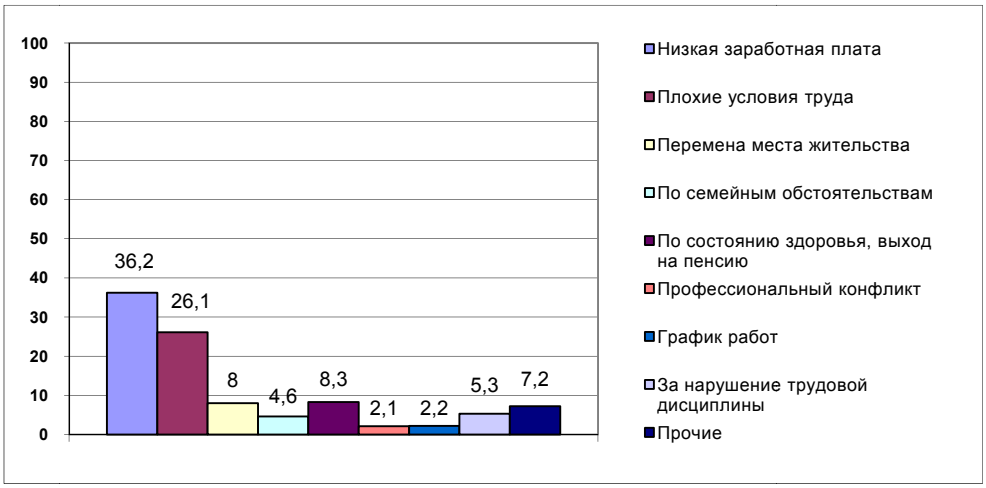


Рис. 2. Причины увольнения работников промышленных предприятий, по данным отделов кадров (в процентах от общего числа уволившихся)

На решении об увольнении сказываются также пол, возраст, психомоторные качества, уровень образования, профессиональная принадлежность, ценностные установки и др. Невысокая мобильность лиц старших возрастов связана с их весьма скромными представлениями об обеспеченности, сохранившимися с советских времен, с низкой самооценкой, незнанием конъюнктуры рынка труда, а также нежеланием рисковать. Такой возрастной состав увольняющихся является отличительной чертой современных процессов профессиональной мобильности. Наиболее склонны к перемене мест мужчины. Также чем больше стаж, тем реже работники думают о смене места работы. Проявляется и зависимость степени мобильности от уровня образования: чем выше квалификация работника, тем больше его стаж на предприятии.

Следует отметить, что, несмотря на снижение экономической активности, в Республике Мордовии не произошло значительных увольнений работников по сокращению штатов. Имеется несколько причин, сдержавших работодателей от массовых сокращений. Одной из них чаще всего называют отсутствие у предприятий средств на выплату пособий работникам, подверженным сокращениям [3]. Однако переоценивать значимость этого фактора не следует. Денег у таких предприятий действительно нет. Однако оптимизировать занятость можно было бы, приостановив найм новых работников, что и проще (не надо сокращать рабочие места и оставлять людей без работы), и не требует затрат. Но и в относительно благополучных, и в депрессивных отраслях, как показывают данные статистики, прием работников проводился весьма активно.

Другой фактор связан с российской ментальностью. Работодатели не сокращают сотрудников, понимая, что трудоустроиться многие уволенные не смогут. Кроме того, существует представление, что предприятия, воздерживающиеся от массовых увольнений, имеют некоторые преференции в политическом и финансовом плане. Подтвердить или опровергнуть это не представляется возможным. Но известно, что в ряде регионов местные власти, обеспокоенные нарастанием безработицы и связанными с этим негативными последствиями, настойчиво предостерегают собственников от массовых сокращений.

Все сказанное по поводу избыточной занятости в кризисной ситуации и наблюдаемый относительно высокий устойчивый приток кадров наводят на мысль о том, что руководители предприятий не обеспокоены всерьез ее существованием и не рассматривают сокращение ее масштабов как фактор повышения эффективности производства. На наш взгляд, недооценка роли человеческого фактора связана с приверженностью менеджеров со стажем экстенсивным подходам в организации производства, а также с тем, что в начале 1990-х гг. практически повсеместно были ликвидированы или существенно сокращены службы, занятые организацией труда.

По мере преодоления кризисной ситуации в промышленности региона политика работодателя характеризуется наймом новых работников. В целом в экономике Республики Мордовии отмечается закономерное увеличение показателей оборота работников в 2010–2011 гг. Процессы пополнения кадрового состава проходили весьма активно весь анализируемый период. Отчасти это можно объяснить либерализацией общественной жизни. Тому подтверждением является распространение краткосрочной занятости.

Так, например, на одном из крупнейших предприятий региона ОАО «Рузхиммаш» удельный вес работающих менее одного года за последние пять лет увеличился с 17 до 21 % [3] (рис. 3).

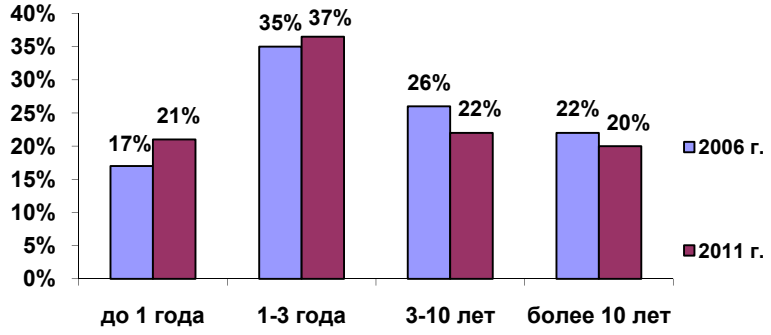


Рис. 3. Стаж работы коллектива ОАО «Рузхиммаш» в 2006 г. и 2011 г., в процентах от общего числа сотрудников предприятий

Стаж работы на одном предприятии зависит как от самого работника, так и от работодателя. Уровень мобильности зависит от отраслевой принадлежности, размера и возраста фирмы, формы собственности, кадровой политики менеджмента, уровня оплаты труда и других характеристик предприятия. Решающее значение в вопросе о смене места работы имеют уровень и своевременность оплаты труда.

Несмотря на то что интенсивность движения рабочей силы в Республике Мордовии в последние годы существенно возросла, эффективность трудовых перемещений не высока. Оценить результативность трудовых перемещений возможно с помощью коэффициента холостого оборота. Наиболее результативным движение рабочей силы в 2011 г. было в медицинской промышленности – доля холостого оборота минимальна (56,7 %). Максимальное значение доли холостого оборота отмечается в промышленности строительных материалов (96,6 %) (табл. 3). В целом по промышленности Республики Мордовии в 2011 г. в результате активного разнонаправленного движения рабочей силы произошло уменьшение численности занятых. Наибольшее сокращение произошло в медицинской, легкой промышленности и электроэнергетике [4].

Уровень трудовой мобильности населения Мордовии ниже, чем в России в целом. В первую очередь это объясняется высокой долей сельского населения в республике (на 1 января 2010 г. – 40,8 %) [5]. Как известно, для сельских жителей характерны низкие показатели движения рабочей силы. Кроме того, в Мордовии слабо развито частное предпринимательство, характеризующееся высокой степенью трудовой мобильности. На трудовые перемещения влияет и уровень безработицы. Уровень безработицы в Мордовии – один из самых низких в Поволжье. В 2011 г. он составил 1,7 %. Коэффициент напряженности на республиканском рынке труда в 2011 г. составлял 2,5 чел. на одну вакансию [4]. В Мордовии реализуется Программа дополнительных мероприятий по снижению напряженности на рынке труда. Реализация Программы позволила избежать массовых увольнений, не допустить резкого роста уровня безработицы, сохранить людей непосредственно на предприятиях.

Таблица 3

Расчет показателей холостого оборота рабочей силы в экономике Республики Мордовии в 2011 г.[1]

Отрасль экономики	**Оборот, % от средне-списочной численности**	**Изменение, % от средне-списочной численности**	**Холостой оборот, % от средне-списочной численности**	**Доля холостого оборота, % в общем обороте**
Вся промышленность	49,5	–3,3	46,2	93,3
Электроэнергетика	37,4	–7	30,4	81,3
Машиностроение и металлообработка	44,7	–2,7	42	94,0
Химическая и нефтехимическая промышленность	32,2	–1,6	30,6	95,0
Лесная и дерево-обрабатывающая промышленность	77,2	–6,2	71	92,0
Промышленность строительных материалов	113,4	–3,8	109,6	96,6
Легкая промышленность	15,9	–4,3	11,6	73,0
Медицинская промышленность	43,0	–18,6	24,4	56,7

Таким образом, проведенный анализ трудовой мобильности работников предприятий региона позволяет говорить о постепенной интенсификации процессов трудовых перемещений, оживлении на рынке труда Мордовии в посткризисный период.

Список литературы

1. Россия в цифрах: Краткий стат. сборник. – М., 2005. – С. 173–174.
2. Движение рабочей силы и рабочих мест в российской экономике / Л. Гордон, В. Гимпельсон, В. Кабалина [и др.]. – М., 1997. – Вып. VIII. – С. 17.
3. **Дуданов, Е. И.** Социальные условия реализации кадрового потенциала промышленных предприятий : дис. … канд. соц. наук / Дуданов Е. И. – Пенза, 2011. – 184 с.
4. Мордовия : стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2012. – 444 с.
5. URL: http://www.gks.ru

References

1. Rossiya v tsifrakh: Kratkiy stat. sbornik. – M., 2005. – S. 173–174.
2. Dvizhenie rabochey sily i rabochikh mest v rossiyskoy ekonomike / L. Gordon, V. Gimpel'son, V. Kabalina [i dr.]. – M., 1997. – Vyp. VIII. – S. 17.
3. **Dudanov, E. I.** Sotsial'nye usloviya realizatsii kadrovogo potentsiala promyshlennykh predpriyatiy : dis. … kand. sots. nauk / Dudanov E. I. – Penza, 2011. – 184 s.
4. Mordoviya : stat. ezhegodnik / Mordoviyastat. – Saransk, 2012. – 444 s.
5. URL: http://www.gks.ru

[1] Рассчитано по: Мордовия : стат. ежегодник / Комитет гос. стат. Респ. Мордовия. – Саранск, 2012.

Дуданов Евгений Игоревич
кандидат социологических наук, доцент, кафедра производственного менеджмента, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск, ул. Большевистская, 68)

E-mail: dudan79@mail.ru

Dudanov Evgeniy Igorevich
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of production management, Mordovia State University named after N. P. Ogaryov (Saransk, 68 Bolshevistskaya str.)

Семенова Ольга Анатольевна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра производственного менеджмента, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск, ул. Большевистская, 68)

E-mail: sem-ol@yandex.ru

Semenova Ol'ga Anatol'evna
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of production management, Mordovia State University named after N. P. Ogaryov (Saransk, 68 Bolshevistskaya str.)

УДК 331.1(075.8)
Дуданов, Е. И.

Проблемы трудовой мобильности работников промышленных предприятий в посткризисный период / Е. И. Дуданов, О. А. Семенова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 54–61.

УДК 316.334.2

Г. Б. Кошарная, Е. А. Киселев

СТИЛЬ ЖИЗНИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного среди предпринимателей города Пензы и Пензенской области. На основе полученных данных проанализированы и выявлены основные характеристики стиля жизни предпринимателей, связанные с работой, семьей, досугом. Определены наиболее важные моменты и характеристики стиля жизни российских предпринимателей как специфических субъектов социальной деятельности и социального воспроизводства.

Ключевые слова: социальная структура, предпринимательский слой, бизнес-слой, потребительское поведение, престижное потребление, ценностные ориентации, образ и стиль жизни.

G. B. Kosharnaya, E. A. Kiselev

ENTREPRENEUR LIFE STYLE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The article introduces results of the survey carried out among the businessmen of the Penza and Penza region. The objective was to identify the most important aspects and characteristics of the life style of Russian entrepreneurs as specific subjects of social work and social reproduction. Based on the data the authors analyze and identify the main characteristics of entrepreneur lifestyle.

Key words: social structure, entrepreneurial layer, business layer, consumer behavior, prestigious consumption, values lifestyle.

Главным условием формирования рыночной экономики является развитие малого предпринимательства. Ведь непосредственно предпринимательскими структурами происходит реализация и продвижение основной массы инноваций в экономике страны как средства решения производственных и коммерческих задач. Этот факт объясняет проявление повышенного внимания правительства страны к созданию благоприятных условий и поддержке предпринимателей, что еще более актуализировалось в посткризисный период.

Важная роль малого предпринимательства заключается в том, что малые предприятия обеспечивают социальную и политическую стабильность. Люди, имеющие свое небольшое дело, заинтересованы в стабильности политической, социальной обстановки в стране и постоянном экономическом росте. Известно, что в периоды экономического спада в первую очередь страдают малые предприятия. Только в условиях стабильного экономического роста малый бизнес имеет шансы на успех, а риск потерпеть крах минимален. Отсюда можно сделать вывод о том, что чем больше людей вовлечено в малое предпринимательство, тем стабильнее социально-политическая обстановка в стране [1].

Изучение предпринимательского слоя через призму стиля жизни его представителей, которое подразумевает анализ их обыденной, повседневной

жизнедеятельности, позволяет увидеть как позитивные, так и негативные черты российского бизнес-слоя, уровень его зрелости и цивилизованности.

Внимание к тематике стиля жизни в мировой социологии в последние годы стало устойчиво расти. Данное обстоятельство важно оценивать не само по себе, а в контексте социальной структуры. Стиль жизни, трактуемый как совокупность устойчиво воспроизводимых образцов поведения, стал способом преодоления трудностей социально-структурного анализа в условиях быстрых социальных перемен [2]. Суть данного способа заключается в переводе исследований на микросоциологический уровень, позволяющий зафиксировать тесную связь социального неравенства и стиля жизни.

На данный момент в обществе происходят неизбежные процессы трансформации социальной структуры. Экономические и политические преобразования, происходящие во всех странах, приводят к распаду традиционных классов и слоев, что несет за собой появление нового неравенства. Дискриминация, бедность, неравенство являются неотъемлемыми атрибутами даже самых высокоразвитых обществ. Все более сложными становятся механизмы преобразования простых различий в социальное неравенство. Все это вносит серьезные изменения в стиль жизни представителей различных классов общества, заставляет исследователей учитывать стилежизненные критерии социальной идентификации в стратификационной структуре.

С целью выявления основных характеристик стиля жизни предпринимателей, связанных с работой, семьей, досугом, было проведено социологическое исследование среди представителей данной профессии. Задача исследования состояла в определении наиболее важных моментов и характеристик стиля жизни российских предпринимателей как специфических субъектов социальной деятельности и социального воспроизводства. В статье представлены результаты исследования стиля жизни предпринимателей. Выборочная совокупность была сформирована методом «снежного кома» (n = 390) среди предпринимателей, проживающих в городе Пензе и Пензенской области.

Среди опрошенных представителей предпринимательского слоя чуть более половины (50,8 %) занимается предпринимательской деятельностью более десяти лет, 22,5 % – от одного года до пяти лет, 13,3 % – от пяти до десяти лет, 13,3 % – менее одного года.

Как было установлено в ходе нашего исследования, почти треть респондентов (32,5 %) имеет высшее образование. Помимо этого, 6,7 % респондентов получили два и более высших образования. Несмотря на это, преобладающее число опрошенных (45 %) окончило только лишь среднее специальное учебное заведение, что свидетельствует о недостаточно высоком уровне образованности и отсутствии стремления к накоплению знаний.

Важнейшей характеристикой стиля жизни предпринимателей является их занятость, ведь главная особенность деятельности бизнес-слоя заключается в непропорциональном распределении времени на деловую активность за счет других сфер – дома, семьи, дружеских отношений, досуга. Так, было выявлено, что у более половины респондентов (64,2 %) трудовой день длится свыше восьми часов: из них восемь-десять часов в день работе отводят 30,8 %, до 12 часов работают 17,5 %, а свыше 12 часов – 15,8 % (рис. 1).

При этом, как показало наше исследование, 74,2 % опрошенных предпринимателей постоянно работают в выходные. Можно было бы предполо-

жить, что всем бизнесменам приходится много работать, чтобы обеспечить высокий уровень дохода себе и своим близким. Однако оказалось, что треть респондентов (33,3 %) предпочитает работать от двух до восьми часов в день, а 2,5 % и вовсе до двух часов.

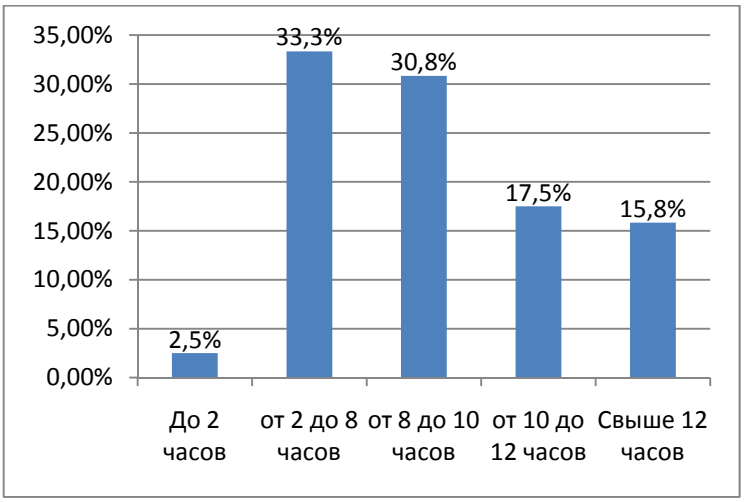


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Сколько времени длится Ваш рабочий день?» (в процентах к опрошенным, $n = 390$)

Данная дифференциация мнений опрошенных предпринимателей относительно времени трудового дня скорее связана с различиями в способах и стиле ведения бизнеса, нежели с внутренними мотивами заниматься трудовой деятельностью, где преобладает стремление к улучшению своего материального положения (66,7 %).

Сегодня социально-экономическая ситуация в России становится все динамичнее: кардинально поменялся рынок труда, появились новые виды бизнеса. Процессы трансформации в различных сферах общества, интенсивное развитие экономики, финансово-экономические кризисы усиливают изменения в трудовой сфере предпринимательского слоя. Эти изменения повлекли за собой изменения ценностно-нравственных и профессиональных ориентаций.

По результатам опроса было выявлено, что доминирующим среди ценностных приоритетов у предпринимателей выступает семья – 60 %, затем идет материальная обеспеченность – 55 %, и на третьем месте располагается здоровье – 51,7 % (табл. 1). Однако такие предпочтения не являются сугубо предпринимательскими, выделяющими предпринимателей как особых, отличных от других субъектов жизнедеятельности. Подобные идентификации практически типичны и для населения в целом, о чем свидетельствует сравнение наших данных с данными других исследований [3].

Необходимо отметить, что вариант «Быть независимым, свободным» находится лишь на четвертом по популярности месте, хотя при ответе на вопрос «Что более всего привлекает Вас в занятии предпринимательством?» большинство респондентов выбрало ответ «Независимость» (60 %), а 40 % – «Отсутствие вышестоящего начальства» (рис. 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что для Вас означает хорошо жить?» (в процентах к опрошенным, *n* = 390)

Вариант ответа	%
1. Иметь хорошую семью	60
2. Быть материально обеспеченным	55
3. Быть здоровым	51,7
4. Любить и быть любимым	25,8
5. Быть независимым, свободным	24,2
6. Иметь хорошую работу	23,3
7. Чувствовать себя защищенным, в безопасности	15,8
8. Иметь власть, занимать высокое положение в обществе	6,7
9. Совсем не работать	3,3
10. Жить не для себя, а для людей	2,5
11. Другое	1,7

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому общее количество ответов превышает 100 %.

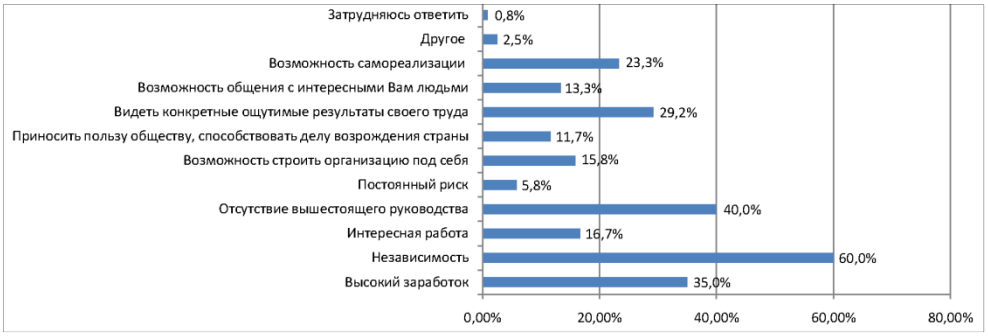


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что более всего привлекает Вас в занятии предпринимательством?» (в процентах к опрошенным, *n* = 390)

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому общее количество ответов превышает 100 %.

Объяснить данную особенность можно тем, что цель жизнедеятельности – это воображаемый, не всегда обоснованный с точки зрения ресурсного обеспечения и способностей субъекта, несколько идеализированный результат деятельности. Деньги, богатство сами по себе малопривлекательны в качестве жизненной цели. Другое дело те блага, которые можно приобрести с их помощью: ту же свободу, ощущение себя хозяином своей судьбы и даже властные полномочия.

Важно отметить, что ценности, привлекающие представителей предпринимательского слоя в их труде, с возрастом изменяются (рис. 3). Если предпринимателей в возрасте от 18 до 25 лет в трудовой деятельности более всего привлекает высокий заработок (42,9 %) и возможность самореализации (50 %), то с увеличением возраста представителей данной профессии происходит смена приоритетов в сторону независимости (38,9 %).

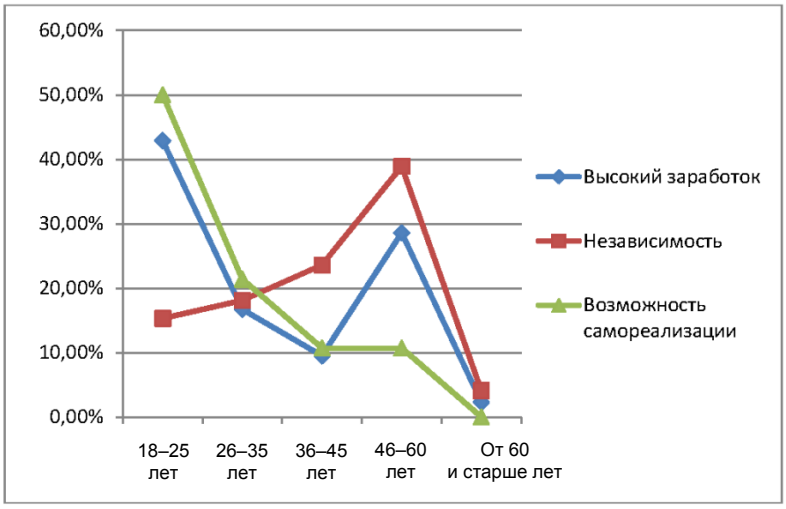


Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что более всего привлекает Вас в занятии предпринимательством?» в зависимости от пола респондента (в процентах к опрошенным, $n = 390$)

Как уже было отмечено выше, напряженный рабочий график, которого придерживаются предприниматели, отрицательно отражается на времени, уделяемом другим сферам жизни. В связи с этим большинством респондентов (74,2 %) была отмечена нехватка свободного времени для реализации своих интересов, причем это связано прежде всего с тем, что работа отнимает слишком много времени.

Говоря о нетрудовой сфере, нужно обратить внимание на высокий процент состоящих в браке среди предпринимателей. Как показало проведенное исследование, более половины респондентов (67 %) состоит в браке. Необходимо обратить внимание на то, что у подавляющего большинства опрошенных (75 %) есть дети.

Эта особенность связана с тем, что на начальной стадии предпринимательской деятельности семья очень часто выступает трудовым коллективом, распад или отсутствие которой экономически не выгоден. С другой стороны, когда речь идет о более крупном бизнесе, которым чаще всего занят один член семьи, а остальные либо вообще не работают, либо их вклад в семейный бюджет чаще всего чисто символический, то в таком случае семья служит убежищем в полной стрессов жизни бизнесмена, дает ощущение спокойствия и надежности. Очевидно, что семейная форма организации личной жизни полнее удовлетворяет потребности предпринимателей и более адекватна особенностям их трудовой деятельности и стиля жизни в целом.

Определенной спецификой обладает и досуг предпринимателей. Это связано с отличным от других социальных групп характером трудовой деятельности, более высокими доходами и другими факторами. Важнейшим из них, безусловно, являются особенности бизнеса как интенсивной и стрессовой профессиональной деятельности. У предпринимателей основной акцент в их образе жизни смещен на работу, все же остальное подчинено ей. Свободное время необходимо предпринимателю для того, чтобы поддержать соответствующую интеллектуальную и физическую форму, необходимую

для напряженной и сложной работы. Неудивительно поэтому, что структура досуговых занятий предпринимателей не отличается большим разнообразием, а предпочтение отдается незамысловатым и пассивным видам отдыха. Подтверждают сказанное выше результаты нашего исследования (рис. 4). Как было установлено, большинство респондентов (76,7 %) предпочитает проводить время дома, немаловажно, что при этом более половины из них (64,1 %) состоит в браке первый раз.

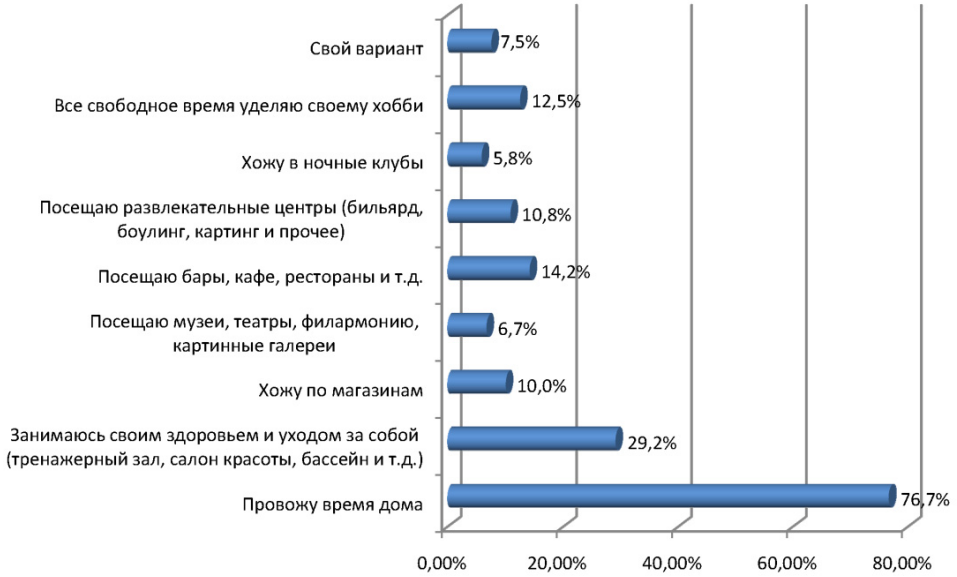


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Чем Вы обычно занимаетесь в свободное от работы время?» (в процентах к опрошенным, $n = 390$)

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому общее количество ответов превышает 100 %.

Вторым по популярности видом досуговой активности у опрошенных выступает занятие своим здоровьем и уходом за собой (29,2 %). Несмотря на это, наше исследование показало, что лишь 5 % предпринимателей постоянно проверяются у врача, а 90 % отметили, что внимание своему здоровью уделяют только по мере возникновения проблем. С уходом за собой, а именно с занятием спортом, ситуация несколько иная: 13,3 % регулярно уделяют внимание спортивным тренировкам, 31,7 % периодически занимаются спортом, а 12,5 % планируют начать регулярные занятия.

Во время своего досуга представители предпринимательского слоя находят время для посещения баров, кафе, ресторанов (14,2 %), а также развлекательных центров (10,8 %). При этом среди респондентов, посещающих увеселительные заведения, преобладают представители мужского пола, которые выбирают бары, кафе, рестораны (88,2 %) и развлекательные центры (84,6 %).

К более культурным и интеллектуальным развлечениям относится посещение музеев, театров, картинных галерей, которые занимают в иерархии обычных досуговых занятий предпринимателей практически последнее место (6,7 %), что свидетельствует о невысоком уровне духовного развития данного слоя общества.

В последнее время все чаще бытует мнение, что одно из преимуществ занятия предпринимательством – это возможность больше и лучше отдыхать. В действительности ситуация складывается таким образом, что отдых для предпринимателей является скорее необходимостью, чем преимуществом. С одной стороны, люди, занимающиеся бизнесом, не обременены вышестоящим начальством и располагают достаточными средствами для отдыха. Однако груз личной ответственности за результат своего труда, да и круговорот дел, в котором ежедневно находятся предприниматели, не позволяют устроить отпуск более одного раза в год практически для половины респондентов (48,3 %), а третья часть (33,3 %) и вовсе не отдыхала уже несколько лет. Немногие представители бизнеса (14,2 %) позволяют отпуск два-три раза в год, и лишь 4,2 % отдыхают более трех раз.

Значимо доминирующих предпочтений касательно места проведения отпуска у респондентов выявлено не было. Однако нам показалось интересным, что предприниматели, имеющие детей (а таких 75 %), останавливают свой выбор на курортах России (31,9 %) либо просто выезжают на природу (30,8 %), в то время как бездетные представители бизнес-слоя (25 %) предпочитают отдыхать за рубежом (44,8 %).

Во многом центральным аспектом стиля жизни является потребительское поведение. Результаты нашего исследования показали, что предпринимателям доставляет наибольшее удовлетворение приобретение машины или другого транспортного средства (38,3 %), недвижимости (34,2 %) и дорогих украшений, одежды (32,5 %). При этом если покупка нового автомобиля остается прерогативой мужской половины предпринимательского слоя (34,8 %), то женщины получают больше удовольствия от приобретения предметов гардероба (30,4 %). Равенство во мнениях вызывает лишь недвижимость, владение которой является параметром, символизирующим принадлежность к состоятельным слоям российского общества (рис. 5).

Говоря о потребительском поведении российских бизнесменов, важно обратить внимание на то, что в современном транзитивном обществе тенденция отделения предпринимательства от других групп общества проявляется, на наш взгляд, ярче всего в престижном потреблении, в среде так называемых «новых русских», которое вызывает острую неприязнь не только у соотечественников, но и у потенциальных зарубежных партнеров в связи с непомерным расточительством [4].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Важнейшей характеристикой стиля жизни предпринимателей является их занятость, которая пронизывает все сферы жизнедеятельности человека, накладывает отпечаток на его личность, сказывается на его отношениях с ближайшим социальным окружением.

Очевидно, что семейная форма организации личной жизни полнее удовлетворяет потребности предпринимателей и более адекватна особенностям их трудовой деятельности и стиля жизни в целом.

Определенной спецификой обладает и досуг предпринимателей. Это связано с отличным от других социальных групп характером трудовой деятельности, более высокими доходами и другими факторами.

Более высокий уровень благосостояния предпринимателей проявляется как в покупках предметов длительного пользования, недвижимости, так и показных вещей, формирующих престижность положения их обладателя.

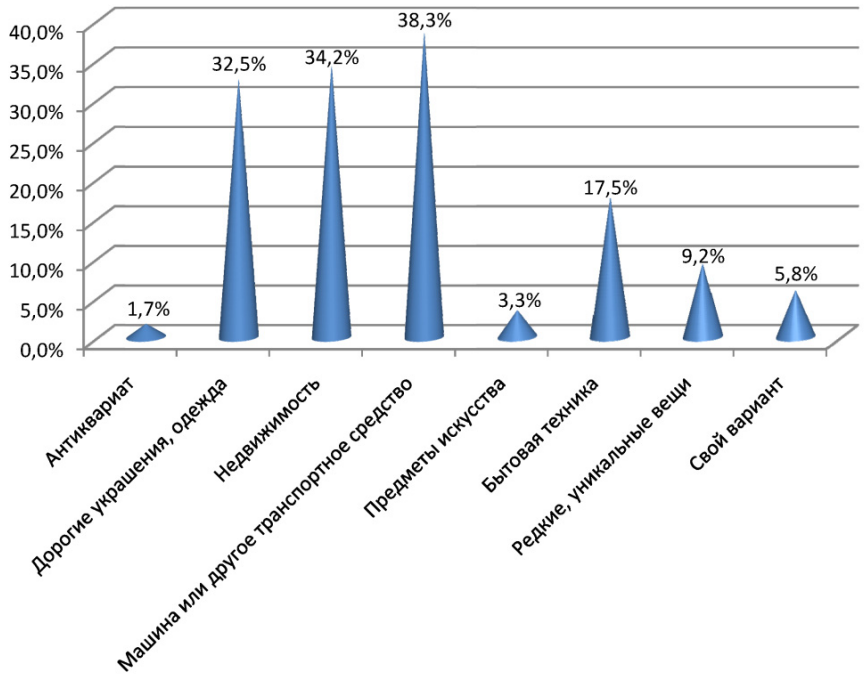


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Чем Вы обычно занимаетесь в свободное от работы время?» (в процентах к опрошенным, n = 390)

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому общее количество ответов превышает 100 %.

Список литературы

1. **Кошарная, Г. Б.** Малое предпринимательство как способ социальной адаптации населения малых городов / Г. Б. Кошарная, Н. А. Юртаев, Л. В. Рожкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2008. – № 3. – С. 12–20.
2. **Рощина, Я. М.** Социология потребления / Я. М. Рощина. – М. : ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 131–164.
3. **Возьмитель, А. А.** Образ жизни в России: динамика изменений / А. А. Возмитель, Г. И. Осадчая // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 17–27.
4. **Кошарная, Г. Б.** Сущность, структура и функции культуры предпринимательства в современном российском обществе: методологический аспект / Г. Б. Кошарная // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 4. – С. 76–84.

References

1. **Kosharnaya, G. B.** Maloe predprinimatel'stvo kak sposob sotsial'noy adaptatsii naseleniya malykh gorodov / G. B. Kosharnaya, N. A. Yurtaev, L. V. Rozhkova // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki. – 2008. – № 3. – S. 12–20.
2. **Roshchina, Ya. M.** Sotsiologiya potrebleniya / Ya. M. Roshchina. – M. : GU-VShE, 2007. – S. 131–164.
3. **Voz'mitel', A. A.** Obraz zhizni v Rossii: dinamika izmeneniy / A. A. Vozmitel', G. I. Osadchaya // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2010. – № 1. – S. 17–27.
4. **Kosharnaya, G. B.** Sushchnost', struktura i funktsii kul'tury predprinimatel'stva v sovremennom rossiyskom obshchestve: metodologicheskiy aspekt / G. B. Kosharnaya //

Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki. – 2010. – № 4. – S. 76–84.

Кошарная Галина Борисовна
доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: k-galina@1yandex.ru

Kosharnaya Galina Borisovna
Doctor of sociological sciences, professor, head of sub-department of sociology and human resource management, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

Киселев Евгений Анатольевич
аспирант, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: kis2008.88@mail.ru

Kiselev Evgeniy Anatol'evich
Postgraduate student, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 316.334.2
Кошарная, Г. Б.
Стиль жизни предпринимателей в современном российском обществе / Г. Б. Кошарная, Е. А. Киселев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 62–70.

УДК 31.316.33

В. П. Кошарный, Л. И. Найденова

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ВУЗА КАК СОЦИАЛЬНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируется содержание понятия «конкурентоспособность вуза» в социологическом аспекте. Рассмотрены критерии и показатели конкурентоспособности региональных вузов.

Ключевые слова: конкурентоспособность высшего учебного заведения, социальный институт, подготовка специалиста, высшее образование.

V. P. Kosharnyy, L. I. Naydenova

UNIVERSITY COMPETITIVENESS AS A SOCIAL-INSTITUTIONAL FEATURE OF THE HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION SYSTEM

Abstract. The article analyzes the concept of «competitiveness of the University» in the sociological aspect. The authors consider the criteria and indicators of competitiveness of the regional higher education institutions.

Key words: ccompetitiveness of higher education institutions, social Institute, training of specialists, higher education.

Регулирование рынка труда и занятости населения выступает одной из важных экономических и социально-трудовых основ социальной политики, а государственная политика в образовании бывает эффективной при изучении и прогнозировании развития рынка образовательных услуг во взаимосвязи с развитием рынка труда. При этом надо сказать, что экономическое и социальное развитие каждого региона (субъекта РФ) имеет свои особенности, которые являются важными факторами для подготовки конкурентоспособных выпускников и регулирования этого процесса.

Образовательную деятельность в высшей школе следует рассматривать как важный системообразующий фактор. Образующейся системой при этом следует считать формирующуюся систему непрерывного образования. Средой для нее, скорее всего, является окружающее единое образовательное пространство, которое складывается с начала 1990-х гг. на разных уровнях:

– на уровне отдельных регионов (субъектов РФ) как мезоуровней (средних уровней, так как еще существуют уровни отдельных крупных городов, отраслей, частных и государственных видов образовательных систем);

– на уровне страны как единой территории со своими институциональными правилами, санкциями, предписаниями (это макроуровень).

Специфика российской системы высшего образования как объекта исследования состоит в том, что ее надо рассматривать в следующих основных плоскостях:

– социальный институт подготовки специалистов – общество;

– социальный институт подготовки специалистов – специалист как личность.

Важными качествами высшего профессионального образования как системного объекта являются структурные, функциональные и системные. Структурные качества определяются как характеристики процессов взаимной адаптации внутренних компонентов системы между собой [1, с. 18].

В применении к системе высшего образования структурными следует считать взаимосвязь следующих процессов, среди которых:

– выбор профессии и формирование профессиональной направленности у молодежи, поступающей в вуз;

– обучение в вузе и развитие качеств и умений, необходимых для успешной профессиональной деятельности;

– становление специалиста как профессионала и как личности после окончания вуза.

Функциональные качества определяются как характеристики процессов взаимной адаптации компонентов системы с внешней средой [1, с. 18]. В нашем случае внешней средой является общество, в котором функционирует система высшего образования. На наш взгляд, взаимная адаптация должна происходить в трех направлениях – в отношении:

– к формирующемуся рынку труда;

– к формирующимся социальным отношениям и к изменениям в социальной структуре;

– к системе ценностей и норм, необходимых для регулирования деятельности социального института образования и для социализации личности будущего специалиста.

Системные качества – это характеристики процессов взаимной адаптации внутренних компонентов системы между собой и системы с внешней средой [1, с. 18]. В системе высшего образования такими качествами могут быть: эффективность системы высшего образования; конкурентоспособность подготовленных специалистов на рынке труда; жизненный цикл специалистов.

От того, насколько выпускник вуза приспособлен к жизни в современных условиях, какие ценности и какую культуру дает ему образование, зависит эффективность системы высшего образования. Успешность подготовки специалистов с высшим образованием можно определить, если сопоставить результаты деятельности этой системы с потребностями общества в ней.

Понятием «социальный институт» обозначается многообразный круг явлений и процессов в обществе. Существующее множество определений социального института исходит из одного аспекта рассматриваемого явления. Нормативный подход рассматривает институт как внешнюю регламентирующую норму, «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему» [2, с. 117]. Информационный подход рассматривает институт как «специфическое знание, которое выработано многими поколениями людей, усвоено ныне живущим поколением и содержит рекомендуемые нормы поведения» [3, с. 11]. Рассмотрение институтов в функциональном ключе предполагает, что всякий социальный институт складывается как устойчивая структура, выполняющая определенные функции – социальные действия. По этому подходу социальный институт как устойчивая форма человеческого поведения – это «объединение людей, выполняющих специ-

фические функции по удовлетворению общих потребностей» [4, с. 68], интересов, т.е. свойственных кому-либо одновременно с другими. Рождение социальных институтов – результат потребностей социальной практики. Э. Дюркгейм считал институтами «все устоявшиеся, типичные отношения в обществе».

Цель социальных институтов достигается при осуществлении связи между ценностью, которую они предоставляют, и потребителем. Таким образом, социальный институт – это исторически устойчивая и воспроизводящаяся форма отношений в обществе, организующая применение (обмен) произведенной общезначимой ценности и функционирующая с помощью цикла социологических алгоритмов [5, с. 71]. Остановимся на этом определении, потому что оно более всего отражает основное назначение социальных институтов – регулирование социальных отношений.

Анализируя конкурентоспособность вуза как социально-институциональное качество системы высшего профессионального образования, следует выделить такие критерии оценки, как: конкурентоспособность выпускников вуза; качество образования и подготовки выпускников вуза; конкурентоспособность вузов на региональном рынке образовательных услуг и в системе высшего профессионального образования.

В отношении к конкурентоспособности молодых специалистов – выпускников вузов следует принять во внимание то, что конкуренцией в данном случае является стремление занять рабочее вакантное место по полученной специальности или в соответствии с привлекательной профессией. Реальными претендентами являются как трудоустроенные, так и сокращенные специалисты, в том числе со стажем работы по полученной специальности. Потенциальными претендентами являются не только высвобожденные, но и будущие специалисты, которые еще пока учатся или только поступают в вузы.

На наш взгляд, к критериям конкурентоспособности специалиста – выпускника вуза можно отнести: возраст, специальность, квалификацию, возможность трудоустройства после окончания вуза, вероятность получить статус безработного.

Системный подход к конкурентоспособности специалиста, как справедливо считают В. Н. Люсев и Л. Н. Плахина, предполагает использование не только аналогий с конкурентоспособностью товара (т.е. результата подготовки), но и учет специфических особенностей личности человека. При этом выделяются четыре основных фактора, формирующих содержание конкурентоспособности специалиста: факторы внешней среды, содержательный, профессионализации личности и индивидуальности [6, с. 84–88].

Для оценки критериев конкурентоспособности желательно периодически исследовать такие показатели:

– конкурсы в различные вузы (по специальностям);

– уровни подготовки специалистов в вузах (по итогам выпусков);

– количественный выпуск специалистов (по специальностям);

– трудоустройство выпускников вузов;

– занятость специалистов (по отраслям);

– высвобождение специалистов в зависимости от возраста и по отраслям;

– возможности переподготовки специалистов по конкретным профессиям и специализациям.

В социологической литературе качество образования исследуется как фактор конкурентоспособности вуза (М. Воскобойникова, Н. Пугачева, И. Чепурышкин и др.), а конкурентоспособность выпускников – как показатель деятельности вуза (Р. А. Фатхутдинов). Исследуются внешние факторы конкурентоспособности вуза (А. Голик).

Федеральный портал «Российское образование» по итогам приемной кампании 2010 г. в порядке эксперимента подготовил рейтинги российских государственных и муниципальных вузов в разрезе специальностей и направлений подготовки бакалавров, основанный на использовании результатов (баллов) Единого государственного экзамена (ЕГЭ), которые были поданы абитуриентами при поступлении в вузы на очные места, финансируемые из бюджета соответствующего уровня. Рейтинги основаны на данных проведенного мониторинга сайтов вузов в период с июля по август 2010 г. Всего в составлении рейтингов были учтены данные ЕГЭ по зачислению в 417 вузов [7].

Таким образом, основным критерием при оценке конкурентоспособности вузов остается образовательная деятельность, которая наполняется новым содержанием при переходе к двухуровневой системе высшего профессионального образования.

Представляется возможным определить конкурентоспособность региональных вузов как интегральную характеристику, которая выражается в способности вузов к сохранению занятых позиций на рынке образовательных услуг, а также через востребованность выпускников вуза на региональном рынке труда. Критериями такой конкурентоспособности могут быть учебная и научная деятельность вуза за годы его существования и соответствие специальностей потребностям регионального рынка труда.

Конкурентоспособность вузов на региональном рынке образовательных услуг возможно представить как двумерные объекты (в соответствии с моделью Мак-Кинси):

$$F(P, S),$$

где P – показатель престижности (рейтинг) вуза в образовательной среде региона, а S – показатель спроса (оценка спроса) на специалистов данной группы специальностей. Эти показатели зависят от множества факторов. В научной литературе описан способ решения таких задач, связанный с определением средних значений [8, с. 39–43].

Представляется целесообразным в оценке конкурентоспособности вузов несколько докладов. Значения по каждому фактору оценивают эксперты (работодатели). При наличии нескольких экспертов значения усредняются. В качестве критериев фактора престижности можно рекомендовать следующие:

1) имидж и репутация вуза в регионе;

2) взаимосвязи с работодателями;

3) уровень квалификации профессорско-преподавательского состава;

4) наличие научных школ, направления научных исследований;

5) возможности прохождения практики и закрепления основ для формирования профессиональной компетентности будущих специалистов;

6) доступность высшего образования для социальных групп, представляющих региональный социум.

В качестве критериев фактора второй группы (оценка спроса на выпускников) можно рекомендовать следующие:

1) оценка качества подготовки по данным группам специальностей;

2) спрос на данную группу специальностей в регионе;

3) востребованность выпускников вуза на региональном рынке труда;

4) уровень связи данной группы специальностей с сектором науки и с высокими технологиями.

Можно предвидеть, что ранжирование вузов и групп специальностей позволит выделить по крайней мере четыре группы вузов на региональном рынке образовательных услуг: «лидеры», «потенциальные лидеры», «нейтральные» и «аутсайдеры». Последние могут быть потенциальными участниками предстоящих объединений вузов в регионах.

Национальное аккредитационное агентство в сфере образования [9] разработало организационно-техническое и информационно-аналитическое обеспечение проведения аккредитационной экспертизы соответствия содержания и качества подготовки обучающихся и выпускников образовательных учреждений и научных организаций федеральным государственным образовательным стандартам или федеральным государственным требованиям в целях содействия Рособрнадзору в осуществлении полномочий по государственной аккредитации образовательных учреждений и научных организаций. Поскольку требования аккредитационной экспертизы содержат количественное и качественное выражение показателей, характеризующих институциональные признаки высшего профессионального образования (в системе непрерывного образования), то процедура аккредитации позволит оценить и конкурентоспособность вуза как социально-институциональное качество.

Анализ научных материалов, посвященных оценке качества образования и конкурентоспособности вузов, позволяет охарактеризовать критерии и показатели, которые описывают социально-институциональную деятельность вуза и являются основными при аттестации и аккредитации вузов.

В последние годы при определении качества образования, получаемого студентами в различных вузах мира, все более популярными становятся рейтинги вузов, в том числе мировые, причем не только глобальные, но и специальные, такие, например, как трудоустройство выпускников. В. Ф. Пугач и М. Э. Жуковская (Институт качества высшего образования Национального исследовательского технологического университета «Московский институт стали и сплавов» (НИТУ «МИСиС»)) проанализировали основания для подбора рейтинговых показателей на материалах двух известных международных рейтингов (Всемирный рейтинг университетов Times Higher Education, Академический рейтинг университетов мира Шанхайского университета), а также Национального рейтинга российских вузов [10]. На основе проведенного анализа авторы делают вывод: главное отличие в методике построения указанных рейтингов заключается прежде всего в разной степени учета научной и преподавательской деятельности вузов. В международных рейтингах «вес» науки кратно больше, чем в российском, а в России большее внимание уделяют преподаванию [10, с. 25]. Следует дополнить этот вывод тем, что, возможно, функция научной деятельности вузов приобретает все меньшее значение, и это отражается и на оценке конкурентоспособности вузов.

В таких условиях критерием конкурентоспособности вузов становится конкурентоспособность образовательных программ, а не только выпускников

вузов, а показателями – уровни этой конкурентоспособности. Но высшее образование в современных условиях обретает массовый характер, при этом стремительно нарастает его институциональное многообразие. Специалисты Института качества высшего образования НИТУ «МИСиС» В. И. Байденко и Н. А. Селезнева отмечают, что процессы массификации и диверсификации ведут к изменениям традиционных представлений о высшем образовании: от него требуют становиться все более чутким к динамичным экономическим и социальным нуждам, причем этот процесс стал глобальным [11, с. 24]. Все большее значение приобретает экономическая (рыночная) природа конкурентоспособности в образовании. Рейтинги и конкурентоспособность образовательных программ – результаты рыночных отношений.

Появляется интересный, малоизученный аспект. Одна из наиболее важных функций института высшего образования – быть каналом вертикальной восходящей мобильности. Но если рыночные отношения начинают регулировать деятельность вузов как социальных институтов в социальной системе общества, то какое назначение при этом отводится социальной мобильности? Будет ли система высшего профессионального образования оставаться каналом именно такой мобильности? Можно предположить, что разные возможности вертикальной восходящей мобильности, обеспечиваемые вузами, могут быть и критериями их конкурентоспособности. И при этом образовательные программы будут строиться на основе требований к формированию таких компетенций, которые содержат готовность быть профессиональными и успешными именно в рыночных отношениях. Можно согласиться с В. И. Байденко, Н. А. Селезневой в том, что создание конкурентоспособных образовательных программ – новое дело для нашей высшей школы, и их подготовка по многим направлениям – реальность не сегодняшнего дня [11, с. 35]. Как отмечается в проекте Концепции экспорта образовательных услуг РФ на период 2011–2020 гг., надо решить задачу внедрения системы обеспечения качества, гарантирующей сопоставимость с системами и процедурами, согласованными в рамках международных организаций и объединений [11, с. 35]. Это означает, что процесс институционализации высшего профессионального образования продолжается. И конкурентоспособными будут те вузы, которые способны быстро воспринять изменения внешней среды и работать по правилам стратегического рыночного управления.

Список литературы

1. Системный подход в инженерной психологии и психологии труда / отв. ред. В. А. Бодров, В. Ф. Венда. – М., 1982.
2. **Седов, Л. А.** Институт социальный / Л. А. Седов // Современная западная социология : словарь. – М. : Изд-во полит. л-ры, 1990.
3. **Корнейчук, Б. В.** Институциональная экономика : учеб. пособие для вузов / Б. В. Корнейчук. – М. : Гардарики, 2007.
4. **Давыдов, А. А.** Системная социология / А. А. Давыдов. – М. : КомКнига, 2006.
5. **Полтавская, Е. И.** О понятии «социальный институт» / Е. И. Полтавская // Социологические исследования. – 2009. – № 9.
6. **Люсев, В. Н.** Управленческие качества выпускника вуза как основа повышения его конкурентоспособности на современном рынке труда / В. Н. Люсев, Т. П. Люсева, Л. Н. Плахина // Перспективы развития систем среднего и высшего профессионального образования в современном обществе : сб. ст. Международ. науч.-практ. конф. – Ч. 2. – Пенза : Пенз. гос. технолог. академия ; Приволж. Дом знаний, 2008.

7. Рейтинг государственных вузов по специальностям и направлениям подготовки на основе баллов ЕГЭ 2010. – URL: http://edu.ru/abitur/act.61/index/php
8. **Краковский, Ю.** Анализ конкурентоспособности и привлекательности регионального вуза (с точки зрения конкретной специальности) / Ю. Краковский // Вестник высшей школы. – 2005. – № 4.
9. Устав Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальное аккредитационное агентство в сфере образования». – URL: http://www.nica.ru/naa/statute
10. **Пугач, В. Ф.** Рейтинги вузов: международный и российский подход / В. Ф. Пугач, М. Э. Жуковская // Высшее образование в России. – 2012. – № 8–9.
11. **Байденко, В. И.** Конкурентоспособные образовательные программы: к формированию концепции / В. И. Байденко, Н. А. Селезнева // Высшее образование в России. – 2011. – № 5.

References

1. Sistemnyy podkhod v inzhenernoy psikhologii i psikhologii truda / otv. red. V. A. Bodrov, V. F. Venda. – M., 1982.
2. **Sedov, L. A.** Institut sotsial'nyy / L. A. Sedov // Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya : slovar'. – M. : Izd-vo polit. l-ry, 1990.
3. **Korneychuk, B. V.** Institutsional'naya ekonomika : ucheb. posobie dlya vuzov / B. V. Korneychuk. – M. : Gardariki, 2007.
4. **Davydov, A. A.** Sistemnaya sotsiologiya / A. A. Davydov. – M. : KomKniga, 2006.
5. **Poltavskaya, E. I.** O ponyatii «sotsial'nyy institut» / E. I. Poltavskaya // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2009. – № 9.
6. **Lyusev, V. N.** Upravlencheskie kachestva vypusknika vuza kak osnova povysheniya ego konkurentosposobnosti na sovremennom rynke truda / V. N. Lyusev, T. P. Lyuseva, L. N. Plakhina // Perspektivy razvitiya sistem srednego i vysshego professional'nogo obrazovaniya v sovremennom obshchestve : sb. st. Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. – Ch. 2. – Penza : Penz. gos. tekhnolog. akademiya ; Privolzh. Dom znaniy, 2008.
7. Reyting gosudarstvennykh vuzov po spetsial'nostyam i napravleniyam podgotovki na osnove ballov EGE 2010. – URL: http://edu.ru/abitur/act.61/index/php
8. **Krakovskiy, Yu.** Analiz konkurentosposobnosti i privlekatel'nosti regional'nogo vuza (s tochki zreniya konkretnoy spetsial'nosti) / Yu. Krakovskiy // Vestnik vysshey shkoly. – 2005. – № 4.
9. Ustav Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo uchrezhdeniya «Natsional'noe akkreditatsionnoe agentstvo v sfere obrazovaniya». – URL: http://www.nica.ru/naa/statute
10. **Pugach, V. F.** Reytingi vuzov: mezhdunarodnyy i rossiyskiy podkhod / V. F. Pugach, M. E. Zhukovskaya // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2012. – № 8–9.
11. **Baydenko, V. I.** Konkurentosposobnye obrazovatel'nye programmy: k formirovaniyu kontseptsii / V. I. Baydenko, N. A. Selezneva // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2011. – № 5.

Кошарный Валерий Павлович
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: dep_ph@pnzgu.ru

Kosharnyy Valeriy Pavlovich
Doctor of philosophy, professor, head of sub-department of philosophy, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

Найденова Людмила Ивановна
доктор социологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Пензенская государственная технологическая академия
(г. Пенза, проезд Байдукова, 1а)

E-mail: linajdenova@yandex.ru

Naydenova Lyudmila Ivanovna
Doctor of sociological sciences, professor, sub-department of psychology and pedagogy, Penza State Technological Academy
(Penza, 1a Baydukova passage)

УДК 31.316.33
Кошарный, В. П.

Конкурентоспособность вуза как социально-институциональное качество системы высшего профессионального образования / В. П. Кошарный, Л. И. Найденова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 71–78.

УДК 316

Т. А. Рассадина

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений притязаний молодежи в России в целом за последние почти три десятилетия, а также изучению их некоторых региональных особенностей.

Ключевые слова: социальные притязания, уровень притязаний, социальные притязания молодежи, изменения социальных притязаний российской молодежи.

T. A. Rassadina

TENDENCIES TOWARDS CHANGES IN SOCIAL ASPIRATIONS OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Abstract. The article is devoted to the analysis of changes in aspirations of the Russian youth integrally in the last 30 years, as well as to the study of certain regional peculiarities of the changes.

Key words: social aspiration, aspiration level, youth social aspirations, changes in social aspirations of modern Russian youth.

Российский социальный транзит зафиксировал революционные изменения реально формулируемых людьми притязаний, неузнаваемо изменивших российского человека. Эти изменения коснулись представителей всех без исключения социальных групп, молодежи особенно. Новое качество притязаний, амбиций личности необходимы современному молодому человеку для того, чтобы адаптироваться в мире и быть успешным. Масштаб потребностей, притязаний, целей сегодня – это показатель масштаба личности, меры возможностей ее самореализации в современной жизни, ее цены. Новые молодежные практики во многом являются реакциями на увеличение риска во всех сферах современной жизни. Ситуации риска стимулируют развитие индивидуализма как основной «достижительской» стратегии. Множатся представления об успехе и приемлемых путях его достижения. Современная российская молодежь стала одним из самых активных и властных социальных субъектов. От ее экономического, политического и культурного выбора во многом зависит развитие общества. Очевидно и другое, что модернизационные процессы в России невозможно осуществить без активных, целеустремленных, мобильных и достаточно притязательных молодых людей.

В целом процессы, происходящие в динамике притязаний молодежи, не имеют аналогов или образцов в прошлых поколениях.

Феномен притязаний непрост, это социальный и психологический феномен.

Понятие «притязание» имеет различные трактовки. Так, согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова это слово имеет три значения: 1) требование, предъявление своих прав на что-нибудь; 2) настойчивое, навязчивое стремление к чему-нибудь; 3) претензия, стремление добиться признания чего-нибудь [1]. В толковом словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова,

Н. Ю. Шведовой термин «притязание» толкуется, с одной стороны, как «стремление получить что-нибудь, предъявление своих прав на что-нибудь», с другой – как «необоснованное стремление добиться признания, одобрения» [2].

В рамках психологической традиции сложился богатый опыт экспериментальных исследований и теоретических обобщений феномена притязаний (формула самооценки У. Джеймса, согласно которой самооценка равняется успеху, поделенному на притязания; введение понятия «уровень притязаний» и предложение методики его исследования К. Левиным и др.). Притязания рассматриваются как одна из важнейших характеристик личности, обусловливающих ее активность, детерминирующих многие эмоциональные процессы, способные не только определять поведение человека, но и формировать черты его характера. Уровень притязаний В. Н. Мясищев представляет как ряд качественно-количественных показателей, которым должна удовлетворять, с точки зрения исследуемого лица, его производительность [3, с. 109]; Б. Г. Ананьевым связывается с оценочными потребностями личности [4, с. 34]; по утверждению В. С. Мерлина, отражает степень оценки, в которой нуждается человек, чтобы быть удовлетворенным [5, с. 61].

Большой интерес к феномену проявили социологи. Так, Э. Дюркгейм, размышляя о справедливом неравенстве, приходит к выводу, что это «представление о справедливости того уровня возможности удовлетворения потребностей, которого достиг человек, будет ограничивать его притязания на неограниченные по своей природе возможности потребления» [6].

Р. Мертон в концепции социальной аномии пишет о непрекращающейся конкурентной борьбе, которая вызывает острое беспокойство индивидов по поводу своего статуса. Одним из способов уменьшения этого беспокойства он называет постоянное снижение уровня притязаний [7].

М. Вебер использует понятие «притязание на законность», позже выделяет понятие «притязание» для обозначения социального статуса, который он определил как «реальные притязания на позитивные или негативные привилегии в отношении социального престижа, на основе трех критериев: образа жизни, формального образования и престижа рождения или профессии» [8].

П. Бергер указывает на наличие у человека «сложной сети мотивов, тысячами нитей связанных со всей институциональной структурой, внутри которой человек проводит свою жизнь, с классом, карьерой, материальными притязаниями, стремлением к власти и престижу…» [9].

П. Штомпка характеризует современную личность как независимую от традиционных авторитетов, внимательную к общественным проблемам, устремленную к будущему, верящую в науку и разум, как индивидуальность «с высоким уровнем образовательных, культурных и профессиональных притязаний» [10, с. 174].

Таким образом, социальные притязания как стремление к достижению цели той степени сложности, на которую человек считает себя способным, является важным компонентом направленности личности.

Отношение к феномену притязаний было и остается разным.

Тысячелетиями человечество жило по заповедям, согласно которым биографии каждого человека во многом повторяли стандарты биографического нормотворчества, принятого в поколениях «отцов». В то же время регулярно воспроизводилось и индивидуальное завышение критериев биографического проекта, оно оседало в культуре, задавало динамику цивилиза-

ции. Установка на возвышение притязаний выражена в одной из песен древнегреческого поэта Пиндара, для которого быть значило прежде «быть заметным». Нереалистические проекты табуировались. Но никакими средствами, разумеется, невозможно было избавиться от нарушающих всякую меру жизненных грез, фантазий, мечтаний, в которых отражались притязания человека.

Раннее христианство с помощью концепции «греховности» пыталось урезать чрезмерные притязания личности, по крайней мере те из них, которые, как тогда казалось, происходили из главного смертного греха – человеческой гордыни: «Не рвись быть Зевсом: у тебя есть все. Смертному – смертное!». Максима, выраженная в этих словах, стала своего рода кодексом жизненного притязания человека западно-христианского мира. К максиме прислушивается и человек традиционный, и человек современный. В модернизационном процессе, несмотря на фундаментальные отличия между субъектностью традиционного и современного типа, существует приблизительно одна и та же нормативная система, регулирующая жизненные притязания.

Даже в Советском Союзе мера «смертному – смертное» имела вполне конкретное содержание, обладала легитимной силой табуирования любых сверхпритязаний. Советский человек должен был отличаться притязательной простотой, аскетическим самоограничением экономических потребностей, признанием зависимости от институтов власти, установкой на малые радости в жизни. Иначе он вступал в противоречие с канонами советской культуры.

В эпоху модернизации формируется феномен ненасытности потребительских запросов современного человека. Во второй половине XX столетия в текст науки прочно вошло понятие «потребительский этос». Потребительские стимулы и запросы в современном обществе растут постоянно. Удовлетворить запросы человека в потреблении в принципе невозможно. Потребительские интересы формируются быстрее социетальных возможностей их удовлетворения. Потребительская ненасытность носит предельно общий характер, имплицитно включает в себя ненасытность любых и всех одновременно потребностей.

Д. Лернер в 1950-х гг. предложил концепцию «революции возрастающих ожиданий», в которой содержится гипотеза о том, что любое общество, переходное от традиционного состояния к современному, неизбежно формирует субъектность внезапно возросших притязаний. Согласно Лернеру, становление современного («модернистского») «Я» неизбежно начинается с преодоления запретов на свободу биографического проектирования.

Мы действительно вступаем в новую эпоху торжества принципа индивидуального планирования собственной жизни. Рефлексирующий постсовременный человек, в принципе, может выбирать для себя буквально все, что он пожелает, включая степень его вовлеченности в социальную жизнь, семейные функции, сексуальную идентичность, этническую принадлежность. Фактически в обществе не осталось никакой сферы, в которой бы табуировалась свобода биографического проектирования. Каждый выбирает свою биографию из широкого спектра возможностей, выбирает свою социальную идентичность, равно как и берет на себя ответственность за риски подобного выбора.

В СССР взлет профессионально-должностных и потребительских притязаний фиксируется с конца 1980-х гг. Объясняется это глубокими изменениями в социально-культурных, экономических и политических основах

жизни бывшего советского общества. Возникали новые ресурсы, которые способствовали реализации новых уровней достижения, отменялись многие социальные ограничения, формировались новые социальные нормы, предписывающие высокий уровень притязаний.

Исследования В. С. Магуна, М. В. Энговатова [11] убедительно продемонстрировали, что на протяжении первой половины 90-х гг. XX в. общий уровень притязаний старшеклассников значительно вырос, причем в Москве этот рост был статистически значимым. Подавляющее большинство выпускников школ соглашалось с тем, что «всегда надо стремиться к большему: чем выше ставишь для себя планку, тем большего достигнешь в жизни и больше получишь от нее», отвергая при этом альтернативные нормы скромности и аскетизма.

В 1995 г. эмпирические исследования зафиксировали, что «революция притязаний» затронула не только столицы, но и провинцию. Формировались и новые социальные нормы, предписывающие высокий уровень притязаний. Прежде всего «вырвались» на свободу и резко усилились индивидуалистически ориентированные потребности людей, поскольку по контрасту с советским обществом происходила общая переориентация системы ценностных доминант с публичной на приватную сферу.

Во второй половине 1990-х гг. произошла стабилизация уровня притязаний молодежи, а частично даже его снижение. Происходит коррекция реальностью. На изменение общественных настроений повлияло множество больших и малых событий. Важнейшее из них – финансовый кризис 1998 г., заставивший как элиты, так и массовые слои населения остро осознать барьеры и ограничения.

Представления молодежи о возможных уровнях достижений изменились мало, но изменениям подверглись представления о возможностях воплощения этих притязаний. Появилось более трезвое осознание барьеров, ограничивающих возможные достижения как общества в целом, так и отдельных его членов. В целом сформировалось представление о гораздо более медленной, чем ожидалось, скорости позитивных изменений, «тяжкой медлительности исторического движения», по формуле российского социолога Л. А. Гордона. Есть инерция социальных процессов в ответ на невиданное доселе социальное ускорение. Вообще есть человеческий предел, собственные ограничения.

Исследования свидетельствуют о том, что в 2000-х гг. в Москве статистически значимых изменений в обобщенном уровне притязаний не произошло, хотя имел место процесс динамичного экономического роста. Вероятно, притязания молодых людей достигли некоторого устойчивого уровня, с которого их могут сдвинуть только какие-то чрезвычайные события. Но даже в моменты, когда уровень притязаний снижался или был умеренным, его возврата к значениям, характерным для «доперестроечной» молодежи, не произошло.

Наряду с этой тенденцией динамики обобщенного индекса притязаний, наблюдались различия в разных городах, а также некоторая разновекторность в изменениях отдельных составляющих притязаний.

Так, общественно ориентированные притязания менялись несколько по-иному. За подобными притязаниями стоят ориентации на общественно значимые достижения. К началу 1990-х гг. эти притязания, вопреки общей тенденции, не повышаются, а снижаются: сокращается доля тех, кто стремит-

ся к публичному признанию («широкому общественному признанию» и «всеобщему почету и уважению, признанию потомков»). Молодежь не особо интересует сфера власти. И наоборот, растет доля тех, кто готов ограничиться признанием и уважением в приватной сфере (со стороны «семьи, близких, друзей» и «большого круга знакомых»), хотя их устойчивый рост в Москве, возможно, свидетельствует о постепенном становлении новых механизмов общественного признания – на основе новых эталонов оценки достижений и новых форм социального вознаграждения за эти достижения.

Вместе с тем социальные условия в новейшую историю России усилили процессы дифференциации молодежной среды в целом и в регионах и, безусловно, отразились на притязаниях молодых людей.

Анализ системы социальных притязаний современной провинциальной российской молодежи показывает доминирование в ней материальных притязаний. Это понятно и объяснимо.

Малообеспеченность в России концентрируется сегодня не столько в слоях, различающихся уровнем своей квалификации, сколько в так называемой «малой России» с ее узким и депрессивным рынком труда, вынуждающим соглашаться на ту работу и на ту зарплату, которую предлагают, и где развитый человеческий капитал в массовом масштабе пока не востребован. Об этом говорят объективные показатели материального положения. Уровень среднедушевого денежного дохода населения в подавляющем большинстве российских регионов в разы отстает от среднероссийских показателей.

По данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) за 2010 г., 35 % москвичей от 18 до 30 лет зарабатывают больше 20 тыс. руб. в месяц. В других городах таких счастливчиков ровно в четыре раза меньше. Доходы ниже 12 тыс. руб. имеют 46 % молодых россиян и только 15 % молодых граждан столицы [12].

Наши исследования, выполненные в Ульяновской и Саратовской областях в 2010 г. [13], показывают, что по субъективным оценкам материального положения семьи самая большая группа – те, кто могут «время от времени покупать какие-то крупные вещи, но только самые необходимые» (51,4 %); «могут позволить себе многое, но роскошь не доступна» – 30,3 %; «могут купить все, что захотят» – 5,8 %; «денег хватает только на еду, но покупать одежду не можем» – указывают 10,1 % респондентов; «денег не хватает даже на еду» – 2,4 % опрошенных.

Исследования, проводимые в регионах, демонстрируют как наиболее распространенные в адаптационных моделях поведения типы «выживающих» и «адаптированных». Для них характерны установки на терпение, постепенные положительные изменения в рамках социального института и минимум творчества. Модель «активная адаптация» используется не более чем пятой частью населения, для нее характерны энергичный поиск возможностей успеха, открытость новому, достижительный характер стратегии поведения.

Материальные притязания молодежи находятся в зависимости от образования, занятости, денежного дохода в семье, гендерной принадлежности и т.п. Любопытны корреляции материальных притязаний с чертами личности: чем выше уровень материальных притязаний молодого человека, тем ярче выражены у него такие качества, как объективность, логичность, критичность, беспристрастность, общительность, склонность к взаимодействию

с другими людьми; чем ниже уровень материальных притязаний, тем более свойственны эмоциональность, субъективность, мягкосердечие, сочувствие и сострадание, замкнутость, узкий круг социальных контактов, тяга к одиночеству, немногословность, сдержанность [14, с. 117–118].

Изучение уровня притязаний как индивидуального, так и коллективного субъекта очень непросто. Ключевой вопрос: каковы конкретные показатели, критерии оценки, характерные для каждого выделенного уровня? Высока субъективность оценок.

Ю. А. Левада в одной из своих статей, выполненных на основе широких исследований, писал, что «нормальным» населению представляется доход в три-четыре раза больше, а «минимальным» (прожиточный минимум) – раза в полтора больше нынешнего. По данным РОМИР от 20 апреля 2012 г., опрошенные утверждают: «…чтобы ни в чем себе не отказывать, нужно зарабатывать 300 тыс. руб. в месяц на семью из трех человек».

Главный ресурс в достижении успеха молодежь видит прежде всего в личной активности и обеспечении конкурентоспособности. Это, безусловно, привлекательная позиция. Нынешнее поколение создало целый арсенал достижительных практик, связанных с получением качественного образования, быстрой профессиональной социализацией уже в годы учебы.

Феномен притязаний тесно связан с процессом их реализации, что выводит на оценку их адекватности–неадекватности. Однако такие оценки давать еще труднее. Адекватность–неадекватность объективно сложно доказывать, тем более в рамках социологических исследований. Слишком много факторов как внешних, так и внутренних влияют на это.

Главное же, пожалуй, заключается в том, что буквально везде модернистский потребительский этос усваивается несравненно быстрее и фундаментальнее «духа демократического капитализма» – трудового этоса, предпринимательских «правил честной игры», этоса политико-демократического соучастия, кредо правового государства и т.п.

Жизнь по принципу «здесь и теперь», трансформация или утрата многих традиционных ценностей, да и просто возрастной максимализм зачастую формируют завышенные, неподкрепленные способностями, возможностями, волей, деятельностью (в том числе, трудовой, учебной) притязания у молодежи. Излишек желаний порождает недостаток умений.

Реакция наблюдателей на рост притязаний молодежи, как правило, тяготеет к тезисам двух типов.

Первый – «Бедные дети! Какое их ждет разочарование!». Конечно, риск разочарований и фрустраций – неизбежная плата за высокие притязания, но не менее очевидно и другое: пока у молодых людей не будет высоких запросов и притязаний, не будет и высоких достижений. Сегодня, скорее, недостаточная амбициозность является серьезным тормозом индивидуального и общественного развития.

Второй тезис – «Побеждает аморализм!». Довольно широко распространено убеждение, что молодые люди, достигающие успеха в реализации собственных притязаний, делают это «не теми» средствами, часто пренебрегая нормами морали.

В целом притязания молодежи, несмотря на их разновекторность и колебания, очевидно, невысокие, особенно в регионах.

Так, в исследовании А. А. Зинина, проведенном среди старшеклассников и студентов, отвечая на вопрос «Какая сумма Вам необходима в месяц для достойного уровня жизни?», сумму выше 14716 руб. указали 50,4 % старшеклассников и 48,0 % студентов. В интервью работающей молодежи в высокой степени типичным оказался ответ: «Моей зарплаты в 15 тысяч рублей вполне достаточно для меня одного... Однако если у меня будет семья и родится ребенок, возможно, и 50 тысяч будет не достаточно» [15].

Почему происходит занижение уровня притязаний? Притязания снижаются в условиях невозможности в полной мере реализовать себя и осуществить желаемое. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), только 3–4 % респондентов в ряде исследований последних лет указали, что их заработки зависят от собственного труда; остальные ссылались на внешние, государственные силы, правительство, начальство, положение предприятия и т.д. Значительная часть населения испытывает неуверенность в завтрашнем дне. Возникает «заколдованный круг» нереализованных возможностей, установок на «гарантии» и готовности довольствоваться «малым». Отсюда и стабильность установки на небольшой, но гарантированный заработок, который неизменно оказывается заметно более предпочтительным, чем хорошо оплачиваемая, но напряженная работа или риск ведения собственного дела. Такой вариант в интервью выбирают около 60 % опрошенных.

Когда люди стремятся повысить свой статус, общественный или потребительский, они не просто отталкиваются от «середины», но обычно имеют перед глазами некоторый «повышенный» образец (интересов, благосостояния и пр.). Носителем такого образца выступает либо отечественная элита, либо, особенно в процессах модернизации, влиятельная зарубежная «середина».

В современных российских условиях элита слаба, не способна задать образцы, которые были бы востребованы обществом. Наша элита (по крайней мере ее наиболее близкая к среднему человеку часть, «социальная элита», т.е. образованные люди массовых профессий – специалисты) действует в том же «заколдованном кругу». А элита «далекая» (в смысле удаленности от среднего уровня по претензиям, возможностям и доступу к благам) уже по одному этому положению все-таки по-прежнему вызывает скорее массовое раздражение, чем стремление следовать ее образцу жизни. Однако федеральные исследования (М. К. Горшков неоднократно об этом сообщал), да и региональные показывают, что за последние годы наши сограждане как будто привыкли относиться к людям состоятельным, недавно разбогатевшим довольно терпимо, хотя и с завистью.

Человек «простой» (точнее, «упрощенный»), ограниченный в своих притязаниях и реакциях, был и остается массовой опорой социальной инерции. Именно он занимает самую стабильную, наименее рискованную «нишу» на нашем общественном поле.

Для работающей молодежи наиболее характерен ритуализм как тип адаптационного поведения в терминологии Р. Мертона. Полагаю, что это действительно очень типично для провинции. Многие предпочитают «не высовываться». Командно-административные авторитарные методы управления, широко распространенные в провинции, угроза безработицы и увольнения сковывают стремления молодых людей к продвижению вперед, вверх в общественной иерархии. К сожалению, эти образцы в провинции нередко

перенимает и инициативная молодежь. Рутинный распорядок воспроизводится. Круг вновь замыкается.

Американский ученый Д. Дэвис высказал гипотезу о тесной связи между ростом притязаний населения и социальной революцией. Он полагал, что повышение притязаний и запросов людей (вкупе с падением уровня удовлетворения этих потребностей) является одной из важных психологических причин, ведущих к социальной революции.

Исследование социальных притязаний как объективно-субъективного феномена, имеющего массу проявлений даже в строго заданных сферах, отнесение претензий к различным уровням, определение факторов, их формирующих, возможностей реализации, их оценка – процесс непростой. Но логика развития обобщенного уровня притязаний молодых людей, а также притязаний в отдельных сферах позволяет предположить, что, вероятно, кардинальных изменений в регионах, по крайней мере в ближайшее время, все-таки не предвидится.

Список литературы

1. **Ушаков, Д. Н.** Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков ; под ред. Т. Никитиной. – М. : Альта-Принт, Дом. XXI век, 2009. – 1248 с.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
3. **Мясищев, В. Н.** Психология отношений. Избр. психол. труды / В. Н. Мясищев ; под ред. А. А. Бодалева. – М. : Ин-т практ. психол., 1995. – 356 с.
4. **Ананьев, Б. Г.** Избранные психологические труды : в 2 т. / Б. Г. Ананьев. – М. : Педагогика, 1980. – Т. 1. – 230 с.
5. **Мерлин, В. С.** Проблемы экспериментальной психологии личности / В. С. Мерлин. – Пермь, 1968. – 102 с.
6. **Дюркгейм, Э.** О разделении общественного труда: Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1991. – 572 с.
7. **Мертон, Р.** Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности. – М. : Прогресс, 1966. – С. 299–313.
8. **Вебер, М.** Основные понятия стратификации // А. И. Кравченко. Социология Макса Вебера. Труд и экономика. – М. : На Воробьевых, 1997. – С. 162–180.
9. **Бергер, П.** Социология как способ времяпрепровождения / П. Бергер. – М., 2010. – URL: http://socioline.ru/pages/p-berger-sotsiologiya-kak-sposob-vremyaprepro vozhdeniya
10. **Штомпка, П.** Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
11. **Магун, В. С.** Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи (1985–2005 годы) / В. С. Магун, М. В. Энговатов // Отечественные записки. – 2006. – № 3. – С. 76–96.
12. Молодежь московская особая. – М., 2011. – URL: http://www.mk.ru/social/article/2011/06/01/594099-molodezh-moskovskaya-osobaya.html
13. **Рассадина, Т. А.** Человек в условиях «общества риска»: социологические этюды о российской провинции : моногр. / Т. А. Рассадина. – Ульяновск : УлГУ, 2012. – 204 с.
14. **Багдасарьян, Н. Г.** Послевузовские ожидания студенческой молодежи / Н. Г. Багдасарьян, А. А. Немцов, Л. В. Квансузян // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 117–118.
15. **Зинин, А. А.** Социальные притязания современной молодежи в региональном социуме : дис. … канд. соц. наук / Зинин А. А. – Саранск, 2012.

References

1. **Ushakov, D. N.** Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka / D. N. Ushakov ; pod red. T. Nikitinoy. – M. : Al'ta-Print, Dom. XXI vek, 2009. – 1248 s.
2. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. S. I. Ozhegova, N. Yu. Shvedovoy. – M. : ITI Tekhnologii, 2006. – 944 s.
3. **Myasishchev, V. N.** Psikhologiya otnosheniy. Izbr. psikhol. trudy / V. N. Myasishchev ; pod red. A. A. Bodaleva. – M. : In-t prakt. psikhol., 1995. – 356 s.
4. **Anan'ev, B. G.** Izbrannye psikhologicheskie trudy : v 2 t. / B. G. Anan'ev. – M. : Pedagogika, 1980. – T. 1. – 230 s.
5. **Merlin, B. C.** Problemy eksperimental'noy psikhologii lichnosti / V. S. Merlin. – Perm', 1968. – 102 s.
6. **Dyurkgeym, E.** O razdelenii obshchestvennogo truda: Metod sotsiologii / E. Dyurkgeym. – M. : Nauka, 1991. – 572 s.
7. **Merton, R.** Sotsial'naya struktura i anomiya / R. Merton // Sotsiologiya prestupnosti. – M. : Progress, 1966. – S. 299–313.
8. **Veber, M.** Osnovnye ponyatiya stratifikatsii // A. I. Kravchenko. Sotsiologiya Maksa Vebera. Trud i ekonomika. – M. : Na Vorob'evykh, 1997. – S. 162–180.
9. **Berger, P.** Sotsiologiya kak sposob vremyapreprovozhdeniya / P. Berger. – M., 2010. – URL: http://socioline.ru/pages/p-berger-sotsiologiya-kak-sposob-vremyaprepro vozhdeniya
10. **Shtompka, P.** Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy / P. Shtompka. – M. : Aspekt Press, 1996. – 416 s.
11. **Magun, V. S.** Dinamika prityazaniy i izmenenie resursnykh strategiy molodezhi (1985–2005 gody) / V. S. Magun, M. V. Engovatov // Otechestvennye zapiski. – 2006. – № 3. – S. 76–96.
12. Molodezh' moskovskaya osobaya. – M., 2011. – URL: http://www.mk.ru/social/article/ 2011/06/01/594099-molodezh-moskovskaya-osobaya.html
13. **Rassadina, T. A.** Chelovek v usloviyakh «obshchestva riska»: sotsiologicheskie etyudy o rossiyskoy provintsii : monogr. / T. A. Rassadina. – Ul'yanovsk : UlGU, 2012. – 204 s.
14. **Bagdasar'yan, N. G.** Poslevuzovskie ozhidaniya studencheskoy molodezhi / N. G. Bagdasar'yan, A. A. Nemtsov, L. V. Kvansuzyan // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2003. – № 6. – S. 117–118.
15. **Zinin, A. A.** Sotsial'nye prityazaniya sovremennoy molodezhi v regional'nom sotsiume : dis. … kand. sots. nauk / Zinin A. A. – Saransk, 2012.

Рассадина Татьяна Анатольевна
доктор социологических наук, доцент, профессор, кафедра связей с общественностью, Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42)

Rassadina Tat'yana Anatol'evna
Doctor of sociological sciences, associate professor, sub-department of public relations, Ulyanovsk State University
(Ulyanovsk, 42 L.Tolstogo str.)

E-mail: t.rassadina@mail.ru

УДК 316

Рассадина, Т. А.

Тенденции изменений социальных притязаний современной российской молодежи / Т. А. Рассадина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 79–87.

УДК 316.346.32-053.9

Е. В. Щанина

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Аннотация. В статье анализируется трудовая деятельность пожилых людей. На основе результатов проведенного исследования выявлено, что продолжение трудовой деятельности зависит от уровня образования, семейного положения, условий труда, уровня изменения физиологических функций организма и психического склада, реакции окружающих людей. Подчеркивается, что занятость пожилых людей носит ограниченный характер, поскольку их возможности в выборе трудовой деятельности значительно сужены предвзятым отношением к пожилому человеку. Кроме того, возможность трудиться находится в прямой зависимости от состояния здоровья.

Ключевые слова: трудовая активность, занятость, пожилые люди, факторы трудовой активности, социальная активность.

E. V. Shchanina

BASIC FACTORS OF LABOUR ACTIVITY OF ELDERLY PEOPLE

Abstract. The article analyzes labour activity of elderly people. On the basis of research results it has been discovered that the duration of labour activity depends on the education level, marital status, labour conditions, change of physiological functions of the organism and psychological constitution, reaction of people around. It is emphasized that the employment of elderly people is limited due to a small range of employment possibilities to choose, which is caused by prejudices about elderly people. In addition, labour possibilities directly depend on the level of health.

Key words: labour activity, employment, elderly people, factors of labour activity, social activity.

Проблема применения опыта и способностей людей, достигших старшего возраста, до сих пор не решена в современном обществе. Главной причиной драмы пожилого человека является невостребованность – нереализуемый потенциал, ощущение или опасение собственной ненужности.

Активность пожилых людей сгруппирована в двух основных направлениях: выполнение полезной работы и удовлетворение различного рода интересов. Оба эти направления взаимосвязаны и способствуют сохранению позитивной самооценки, устраняют чувство ненужности, одиночества, при условии, что им сопутствует материальное обеспечение, соответствующее реальному прожиточному минимуму, т.е. все полагающиеся выплаты обеспечивают удовлетворение основных потребностей пожилого человека [1, с. 32].

По мнению Е. И. Холостовой, активизация пожилых людей должна идти по многим направлениям одновременно, воздействовать на сферы умственной и физической деятельности человека, в то же время обеспечивая ему ощущение собственной безопасности и полезности, а также доброжелательного отношения окружающих [2, с. 167].

Трудовая деятельность является главным направлением социальной активности. Для людей, любящих свою профессию, наряду с возможностью дополнительного заработка, работа укрепляет чувство своей общественной значимости, упорядочивает всю жизнь. С другой стороны, трудовая деятельность, как правило, характерна для людей, желающих иметь дополнительный доход.

Анализ причин трудовой активности пожилых людей предполагает рассмотрение условий их жизнедеятельности (социально-экономических, социального положения, потребностей, интересов и т.д.).

В 2011 г. нами проведено социологическое исследование с целью выявления проблем и потребностей пожилых людей города Пензы. По целевой выборке было опрошено 300 респондентов (по 75 в каждом районе города).

Результаты исследования позволили выявить ряд факторов, влияющих на трудовую активность пожилых людей в современном обществе. Таких факторов множество, но ведущая роль, определяющая положение пожилых людей, принадлежит, безусловно, социально-экономическому фактору. В нашем исследовании свое материальное положение пожилые люди определили следующим образом: «обеспеченный, материальных трудностей не испытываю» – 6 %, «среднего достатка» – 30 %, «ниже среднего достатка» – 60 %, «бедный» – 3 %, «нищий» – 1 %.

Оценка материального положения зависит от демографических и социальных показателей. В проведенном нами социологическом исследовании мужчины-пенсионеры более высоко оценивают свое материальное положение: в группе пожилых людей, относящих себя к обеспеченным и лицам среднего достатка, их 67 и 56 % соответственно против 33 и 44 % женщин; оценивают свое материальное положение ниже среднего 34 % мужчин и 65 % женщин. В бедности и на уровне нищеты живут 37 % мужчин и 63 % женщин. 16 % респондентов отметили, что им удается отложить на «черный день» (среди них 40 % мужчин и 60 % женщин).

Следует отметить, что группа с более высоким материальным достатком состоит в основном из лиц 55–64 лет и старше 75 лет. Объясняется это тем, что в первом случае (55–64 лет) один из супругов (чаще мужчина) или оба супруга еще работают, у пожилых людей второй группы (75 лет и старше) в силу естественных причин происходит значительное снижение потребностей. Наиболее тяжелое материальное положение, по сравнению с другими возрастными группами, у пожилых людей в возрасте 65–74 лет. Это связано, во-первых, с падением уровня доходов в связи с прекращением трудовой деятельности и, во-вторых, с увеличением доли одиноких пожилых людей из-за смерти одного из супругов.

Материальная обеспеченность имеет прямую зависимость от состава семьи. Те пожилые люди, кто проживает вдвоем или с детьми, имеют более высокие доходы и достаток, а те, кто остался один или проживает с другими родственниками, – скромный достаток.

Одним из факторов, влияющих на продолжение трудовой деятельности пожилого человека, является размер пенсии, а также размер пенсии, соотнесенный с величиной прожиточного минимума. Величина прожиточного минимума пенсионера в 2000 г. составила 962 руб. в целом по Российской Федерации (табл. 1). Согласно данным, представленным в табл. 1, в период с 2000 по 2012 г. происходило устойчивое удорожание прожиточного мини-

мума пенсионера. В целом за данный период величина прожиточного минимума возросла более чем в пять раз.

Таблица 1

Динамика величины прожиточного минимума и среднего размера назначенных пенсий в Российской Федерации и Пензенской области

Показатель		**Год**			
		2000	**2005**	**2010**	**2012**
Величина прожиточного минимума пенсионера, руб.	Российская Федерация	962	2450	4521	5229
	Пензенская область	Нет данных	2195	4174	4493
Средний размер назначенной пенсии, руб.	Российская Федерация	823,4	2538,2	7820	9176
	Пензенская область	801,2	2375,5	7001,23	8418,02

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: www.gks.ru

Как показало наше исследование, на вопрос анкеты «*Укажите свои доходы*» ответы респондентов распределились так: для большинства пожилых людей основной источник существования – это пенсия, причем для 21 % это единственный источник, однако с возрастом этот показатель увеличивается в силу естественных причин. Наряду с пенсией основными источниками дохода являются заработная плата (31 % респондентов), возделывание земельного участка (13 % респондентов), помощь родных (6 % респондентов).

Состояние здоровья – один из серьезных факторов в пожилом возрасте, влияющих на трудовую активность пожилого человека. Как показал опрос, состояние здоровья удовлетворительное у 70 % постоянно работающих пожилых людей и 32 % неработающих. Работа «поддерживает» категорию работающих пожилых людей в более высоком тонусе [3, с. 99]. Что касается возрастных особенностей, то прямая зависимость здесь существует: с увеличением возраста состояние здоровья ухудшается. Переломный момент приходится на возрастную группу 65–74 лет, поскольку именно в этом возрасте в основном прекращается трудовая деятельность, так как пожилые люди начинают реально оценивать свое самочувствие и здоровье.

Исследования показали, что материальная обеспеченность пожилых людей зависит в основном от их занятости трудом. Действующее пенсионное законодательство позволяет работающим пожилым людям получать пенсию в полном размере, поэтому трудовая активность пожилых людей вырастает.

По данным Пенсионного фонда, на 1 октября 2012 г. в России продолжали официально работать 37,4 % пенсионеров, получающих пенсию по старости, тогда как на 1 января 2012 г. – 36,4 %. Данные существенно выше полученных Росстатом годом ранее: в 2011 г. 23 % россиян продолжали работать в среднем шесть лет после назначения пенсии.

Рост числа работающих пенсионеров связан как с улучшением здоровья нации (по данным Минтруда, за последние пять лет средняя продолжительность жизни выросла с 67 лет до 70,3 года; возраст выхода на пенсию

низок), так и с необходимостью дополнительных доходов. По данным Росстата на октябрь, средний размер назначенной пенсии – 9176 руб., или 34,9 % от средней по стране зарплаты. По данным ПФР, с апреля 2012 г. средний размер пенсии по старости составляет 9817 руб. [4].

Трудовая деятельность человека в течение жизни определяет занимаемое им место в обществе, степень престижности, уровень благополучия, удовлетворенность или неудовлетворенность своей деятельностью. Важным моментом является и привычка к постоянной занятости. В процессе старения человек вынужден сдавать свои позиции, уступать или передавать свои ролевые функции молодым людям. Установлено, что в некоторых сферах экономическая эффективность пожилых трудящихся в 2,6 раза ниже, чем у работников в возрасте 30–39 лет, когда наблюдается наивысшая эффективность труда [5, с. 163].

В настоящее время актуальность вопроса экономической эффективности трудовой деятельности пожилых людей возрастает в связи с увеличением численности пожилых людей. Многие из числа лиц «третьего» возраста имеют образование, огромный опыт работы, они профессионалы своего дела, и если рационально и в полном объеме использовать этот ресурс, то это будет только способствовать экономическому благополучию страны.

В зависимости от состояния здоровья, уровня дохода, престижа профессии и других факторов пожилые люди могут продолжать свою трудовую деятельность и оставаться в составе социально-профессиональной структуры общества, объединяющей людей по профессиональному признаку. Они представлены во всех социально-профессиональных группах и принадлежат к разным социальным слоям.

Продолжение труда или возвращение к нему имеет среди пожилых людей специфику (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «*Почему Вы работаете?*»
(в процентах к опрошенным, $N = 200$)

Варианты ответов	**%**
1. Необходимо поддержать материальную обеспеченность своей семьи	44
2. Недостаточный размер пенсии	33
3. Оказание помощи, необходимой детям и внукам	25
4. Ощущение себя нужным и полезным человеком	15
5. Любовь к своей профессии	14
6. Ощущение себя лучше физически	7
7. Не хочу расставаться с товарищами, коллективом	4

Примечание. Сумма ответов больше 100 %, так как респонденты могли выбрать до трех вариантов ответов.

Занятость пожилых людей по своей сути носит ограниченный характер, поскольку их возможности ограничены в выборе трудовой деятельности. Во-первых, как ранее было отмечено, возможность трудиться находится в прямой зависимости от состояния здоровья. Во-вторых, существует предвзятое (неадекватное) отношение к пожилому человеку.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что представителей старшего поколения по их отношению к трудовой деятельности

можно разделить на следующие группы: 1) работающие – 55 %; 2) неработающие и не предполагающие работать ни при каких условиях – 26 %; 3) неработающие, но желающие работать при определенных условиях – 18 %; 4) неработающие, но активно ищущие работу – 1 %. Наибольший интерес представляют третья и четвертая группы пожилых людей.

Полученные в ходе нашего исследования данные свидетельствуют о том, что мужчины в большей мере, чем женщины, заняты трудом: 69 % мужчин и 46 % женщин получают пенсию и работают; 31 % мужчин и 54 % женщин получают пенсию и не работают. Однако занятость пожилых людей, как мужчин, так и женщин, различается по возрастным категориям (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «*Работаете ли Вы в настоящее время?*» по возрастным группам (в процентах к опрошенным, $N = 200$)

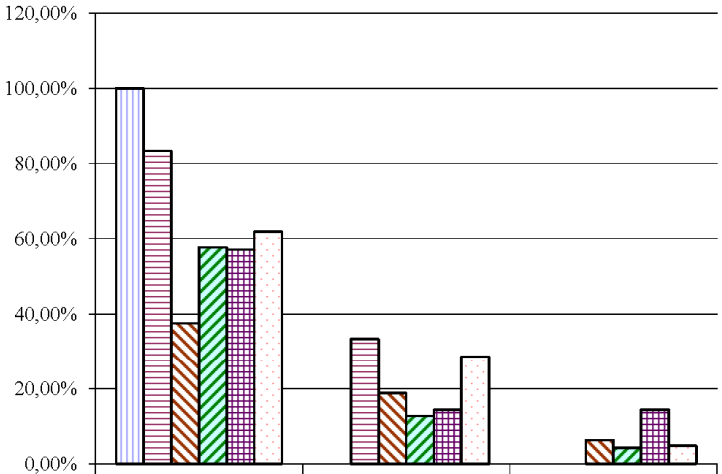
Варианты ответов	**Возраст**		
	55–64 лет	**65–74 лет**	**75 лет и старше**
1. Получаю пенсию и постоянно работаю	66 %	23 %	17 %
2. Получаю пенсию и иногда подрабатываю	8 %	2 %	3 %
3. Получаю пенсию и не работаю	26 %	75 %	80 %
Итого	100 %	100 %	100 %

Возможность трудовой занятости находится в прямой зависимости от состояния здоровья пожилых людей: среди тех, кто имеет хорошее здоровье, 88 % получают пенсию и постоянно работают; 12 % получают пенсию и не работают; при вполне удовлетворительном состоянии здоровья 72 % постоянно работают; 28 % не работают; среди тех, кто оценивает свое состояние здоровья как, скорее, плохое, 43 % постоянно работают; 57 % не работают; а среди тех, кто оценивает свое состояние здоровья как плохое, 3 % работают, а 97 % не работают.

В общей же массе желающих продолжать профессиональную деятельность обнаруживается сочетание мотивов материального и социального характера, изолированно эти мотивы встречаются редко.

По результатам нашего исследования выявлена зависимость ведущих мотивов продолжения профессиональной деятельности от тяжести, напряженности и характера выполняемого труда. 100 % опрошенных респондентов, занятых низкоквалифицированным физическими трудом, чаще говорят о материальных причинах, побудивших их работать, чем занятых трудом средней тяжести (90 %) и легким (88 %). В группе работников умственного труда у лиц, занятых трудом более напряженным, социально обусловленные мотивы продолжения профессиональной деятельности встречаются чаще, чем у лиц, занятых трудом умеренной напряженности. У работников напряженного умственного труда на первое место выступает увлеченность своей работой (58 % опрошенных), ощущение себя нужным и полезным человеком (42 %), стремление сохранить престиж благодаря выполняемой работе или занимаемой должности (56 %).

В ходе нашего исследования было также выявлено, что на продолжительность трудовой деятельности влияет уровень образования. Наиболее длительный срок отмечен у пожилых людей с высоким уровнем образования (рис. 1).



	55-64 лет	65-74 лет	75 лет и старше
неполное среднее	100,00%	0,00%	0,00%
среднее общее	83,30%	33,30%	0,00%
среднее специальное	37,50%	18,75%	6,25%
высшее	57,75%	12,68%	4,20%
два и более дипломов о высшем образовании	57,14%	14,29%	14,29%
ученая степень	61,90%	28,57%	4,76%

Рис. 1. Продолжительность трудовой деятельности
в зависимости от образования

Как показали результаты исследования, фактором, влияющим на трудовую активность, помимо недостаточного размера пенсии, является и семейное положение пожилых людей. По результатам нашего исследования, среди работающих семейные люди составляют 74 %, так как им приходится поддерживать материальную обеспеченность не только собственной семьи, но и оказывать помощь семьям детей и внуков. Среди неработающих только 55 % пожилых людей имеют семьи.

Специфика трудовой активности пожилых людей состоит в том, что среди работающих пожилых людей лишь 30 % сохранили свой профессиональный статус, т.е. продолжают работать на своих прежних местах (из их числа 40 % составляют преподаватели, 22 % – врачи, 10 % – служащие, 8 % – бухгалтеры, 8 % – младший медицинский персонал, 6 % – инженеры, 4 % – парикмахеры, 2 % – рабочие, остальные же были вынуждены изменить характер и место работы).

Среди одиноких пожилых людей 40 % не работают. Однако с увеличением возраста их трудовая активность снижается в силу естественных причин.

Таким образом, занятость пожилых людей обусловлена рядом факторов, но главным образом их трудовая активность связана с тем, что работа является одним из главных источников улучшения материального положения.

Отношение стареющего работника к снижению своей профессиональной работоспособности зависит от уровня изменения его физиологических функций и психического склада, от реакции окружающих людей. При снижении трудоспособности люди с высокоразвитым чувством ответственности считают себя в долгу перед обществом и особенно перед семьей. Для дости-

жения возможного оптимума в физическом и профессиональном отношении следует предусмотреть и определенное снижение психического потенциала, а также воспитание у стареющего работника представлений и практических навыков активного, здорового образа жизни в пенсионном периоде.

Помимо увеличения нервно-эмоционального компонента в престижных профессиях, возрастают требования и к квалификационному уровню работающих, который зависит от продолжительности необходимой профессиональной подготовки.

На фоне высокой сознательности, дисциплинированности, развитого чувства долга и ответственности стареющим работникам присущи такие черты, как самоуважение, забота о своей репутации, амбициозность, уверенность в себе, поддерживаемая собственным опытом и знаниями. Возникает явное несоответствие самооценки трудоспособности и результатов трудовой отдачи. В связи с этим появляется эмоциональная неустойчивость, раздражительность, возбудимость, неспособность быстро ориентироваться в сложной производственной обстановке, хотя производственные требования к стареющим трудящимся остаются неизменными. Это вынуждает их покидать производство, переходить на другие виды труда с потерей заработка и квалификации, составлять большинство в упадочных профессиях, отраслях и секторах экономики [6, с. 156]. В ходе нашего исследования было установлено, что из числа работающих пожилых людей в своей предпенсионной профессиональной группе остались 44 %, а 56 % перешли в другие профессиональные группы. В производствах, связанных с внедрением новых технологических процессов, компьютеризацией, расширением информативного поля деятельности, практически нет места лицам предпенсионного возраста, а их переподготовка требует больших материальных и финансовых затрат. Вместе с тем в определенной части случаев наблюдается противоположная тенденция, характерная для групп работников умственного труда, среди них 100 % остались в своих предпенсионных профессиональных группах. Это указывает на возможность использования накопленных опыта и знаний, в том числе и в процессе руководящей работы, в целях наставничества и оказания консультативной помощи.

К другим формам трудовой активности пожилых людей относится выращивание сельхозпродукции на дачных участках, разведение скота, птицы, изготовление поделок на продажу (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «*Как Вы пытаетесь улучшить свое материальное положение?*» (в процентах к опрошенным, $N = 200$)

Вариант ответа	**%**
1. Выращивание сельхозпродуктов	44
2. Нахождение приработка	40
3. Разведение скота, птицы	4
4. Изготовление поделок на продажу	1
5. Никак	21
6. Свой вариант	1

Примечание. Сумма ответов больше 100 %, так как респонденты могли выбрать до трех вариантов ответов.

Как видно из приведенных данных, основным источником улучшения материального положения является обеспечение себя сельхозпродукцией, которая выращивается на дачных участках. Это является для пожилых людей экономически выгодным в связи с тем, что местная администрация предоставляет льготные цены на проезд на дачи в летний сезон. Надо отметить, что во всех указанных предпринимаемых мерах по улучшению жизнеобеспечения более активны мужчины. Вместе с тем 21 % пожилых людей остается в силу различных причин пассивными в решении вопросов выживания.

Результаты социологического исследования показали, что 19 % пожилых людей адаптировались к новым рыночным условиям, но 55 % все же сожалеют о прежнем времени. Около 40 % пожилых людей в Пензенской области, по их мнению, остаются за чертой бедности и не способны предпринимать какие-либо меры к улучшению своего положения. Все это свидетельствует об остроте проблемы социальной защиты лиц старшего поколения.

В заключение следует подчеркнуть, что занятость пожилых людей обусловлена прежде всего возрастом (количеством прожитых лет) и состоянием здоровья человека. Кроме того, пожилые люди имеют большой профессиональный опыт, так как данную группу населения составляют люди, имеющие стаж профессиональной, в том числе высококвалифицированной, работы не менее 25 лет (мужчины) и 20 лет (женщины).

К факторам, побуждающим пожилых людей работать, относится возможность улучшить личное благосостояние за счет заработной платы, необходимость поддерживать членов их семей, потребность трудиться, пока позволяет здоровье, потребность в общении с коллективом, увлеченность работой, осознание ее как гражданского долга (реализация потенциальных притязаний).

Привлечение старшего поколения к активному участию в трудовой деятельности должно учитывать весь комплекс мотиваций пожилых людей и предусматривать создание приемлемых для них условий труда.

Ниша на рынке труда, которую занимают пожилые люди, – отрасли здравоохранения, науки – требует, с одной стороны, высокого образования при существующей низкой оплате либо, с другой стороны, предлагает непрестижные рабочие места. Средний заработок пенсионеров значительно ниже, чем у других работников, занятых в той же отрасли (исключение составляют лишь общественное питание и здравоохранение, образование, наука).

Рынок труда и занятость пожилых людей нуждаются в мерах государственного регулирования, которое должно содействовать решению задач по повышению эффективности занятости и повышению уровня жизни пожилых людей. Государство должно способствовать реализации экономической активности пожилых работников, адаптации их к рыночной экономике.

Проблема занятости пожилых людей, ее особенности имеют важное значение для выработки приоритетов и ориентиров при проведении социально-экономической политики, в том числе и при проведении пенсионной реформы.

Список литературы

1. **Кошарная, Г. Б.** Проблемы социальной защиты граждан пожилого возраста / Г. Б. Кошарная, Е. В. Щанина // Власть. – 2006. – № 8. – С. 31–36.
2. **Холостова, Е. И.** Социальная работа с пожилыми людьми / Е. И. Холостова. – 3-е изд. – М. : Издат.-торг. корпорация «Дашков и К°», 2004. – 296 с.

3. **Гудков, Н. В.** Динамика изменения положения пожилых людей в российском обществе (на примере Ивановской области) / Н. В. Гудков // Оказание социальных услуг гражданам пожилого возраста: стратегия перемен / отв. ред. И. Н. Бондаренко. – М. : ЦБНТИ МСЗН РФ, 2004. – С. 90–101.
4. Почти 40 % пенсионеров продолжают работать // Ведомости : электрон. журн. – URL: http://www.vedomosti.ru/
5. **Римашевская, Н. М.** Старшее поколение как фактор формирования гражданского общества и экономического развития России / Н. М. Римашевская, В. Г. Доброхлеб // Пожилые люди: социальная политика и развитие социальных услуг / сост. Н. С. Дегаева, В. Ю. Меновщиков, Г. В. Сабитова. – М. : ГосНИИ семьи и воспитания, 2003. – С. 163–180.
6. **Яцемирская, Р. С.** Социальная геронтология / Р. С. Яцемирская, И. Г. Беленькая. – М. : ГИЦ ВЛАДОС, 1999. – 224 с.

References

1. **Kosharnaya, G. B.** Problemy sotsial'noy zashchity grazhdan pozhilogo vozrasta / G. B. Kosharnaya, E. V. Shchanina // Vlast'. – 2006. – № 8. – S. 31–36.
2. **Kholostova, E. I.** Sotsial'naya rabota s pozhilymi lyud'mi / E. I. Kholostova. – 3-e izd. – M. : Izdat.-torg. korporatsiya «Dashkov i K°», 2004. – 296 s.
3. **Gudkov, N. V.** Dinamika izmeneniya polozheniya pozhilykh lyudey v rossiyskom obshchestve (na primere Ivanovskoy oblasti) / N. V. Gudkov // Okazanie sotsial'nykh uslug grazhdanam pozhilogo vozrasta: strategiya peremen / otv. red. I. N. Bondarenko. – M. : TsBNTI MSZN RF, 2004. – S. 90–101.
4. Pochti 40 % pensionerov prodolzhayut rabotat' // Vedomosti : elektron. zhurn. – URL: http://www.vedomosti.ru/
5. **Rimashevskaya, N. M.** Starshee pokolenie kak faktor formirovaniya grazhdanskogo obshchestva i ekonomicheskogo razvitiya Rossii / N. M. Rimashevskaya, V. G. Dobrokhleb // Pozhilye lyudi: sotsial'naya politika i razvitie sotsial'nykh uslug / sost. N. S. Degaeva, V. Yu. Menovshchikov, G. V. Sabitova. – M. : GosNII sem'i i vospitaniya, 2003. – S. 163–180.
6. **Yatsemirskaya, R. S.** Sotsial'naya gerontologiya / R. S. Yatsemirskaya, I. G. Belen'kaya. – M. : GITs VLADOS, 1999. – 224 s.

Щанина Екатерина Владимировна
кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет (г. Пенза, ул. Красная, 40)

Shchanina Ekaterina Vladimirovna
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of sociology and human resource management, Penza State University (Penza, 40 Krasnaya str.)

E-mail: siup@pnzgu.ru

УДК 316.346.32-053.9

Щанина, Е. В.

Основные факторы трудовой активности пожилых людей / Е. В. Щанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 88–96.

УДК 330.101.541

О. С. Кошевой, С. Г. Фролов

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО СОЧЕТАНИЯ ДОЛИ СРЕДНЕДУШЕВЫХ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В СОСТАВЕ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА

Аннотация. В статье представлен подход к определению рационального сочетания валового регионального продукта и среднедушевых денежных доходов населения, основанный на расчете коэффициента эластичности. Результаты получены с использованием официальной статистической информации по макропоказателям субъектов Приволжского федерального округа за период с 2000 по 2011 г.

Ключевые слова: валовой региональный продукт, среднедушевые доходы, темп роста, темп прироста, коэффициент эластичности.

O. S. Koshevoy, S. G. Frolov

DETERMINATION OF RATIONAL COMBINATION OF THE SHARE OF AVERAGE PER CAPITA INCOME OF POPULATION AS A PART OF GROSS REGIONAL PRODUCT

Abstract. The article presents an approach to the definition of a rational combination of the gross regional product and per capita income of the population, based on the calculation of the elasticity coefficient. The results were obtained using the official statistics on macroeconomic indicators of the subjects of the Volga Federal District, for the period from 2000 to 2011.

Key words: money incomes of population, per capita money income, Gross Domestic Product, gross regional product, elasticity coefficient, rate of increase, growth rate.

В процессе разработки и выполнения программ развития регионов, особенно имеющих социальную направленность, зачастую наибольшее внимание уделяется развитию производственной сферы как основы повышения валового регионального продукта (ВРП) и как следствие доходов и уровня жизни населения конкретной территории. При этом в формируемых за счет средств регионального бюджета мероприятиях зачастую не определено и не указывается, насколько же реально возможности повышения валового регионального продукта повлияют на увеличение средств, остающихся в регионе у населения и направленных на решение социальных задач в интересах проживающего в нем населения.

Одним из показателей, характеризующих уровень жизни и экономического благополучия населения региона, является показатель среднедушевых доходов. Так как создание предпосылок роста доходов населения и развития

экономики региона, характеризующегося увеличением валового регионального продукта, развитием производств, является одной из ключевой задач региональной политики, то целью настоящего исследования явилось определение рационального соотношения уровня среднедушевых доходов населения и уровня ВРП региона.

Для реализации цели исследования предлагается воспользоваться подходом, описанным в работе [1]. В данной работе предложен показатель, называемый коэффициентом эластичности внешнеторгового оборота, определяемый как отношение показателя темпов роста (прироста) внешнеторгового оборота (экспорта) страны за определенный период к показателю темпа роста (прироста) промышленного производства (валового внутреннего продукта) страны за тот же период времени [1, с. 173].

По аналогии с данным показателем можно ввести в рассмотрение показатель эластичности среднедушевых доходов, являющийся отношением среднего темпа роста среднедушевых доходов населения региона к среднему темпу роста ВРП.

Результаты расчетов с использованием официальных статистических данных за период с 2000 по 2010 г. [2] приведены в табл. 1.

Из данных табл. 1 видно, что наиболее эластичной по доходам является Кировская область, которой соответствует первый ранг. Наименее эластичными являются республика Марий Эл, Саратовская область и Чувашская Республика.

Строго формально, исходя лишь из численного значения коэффициента эластичности, можно утверждать, что в Кировской области положение в социальной сфере является наиболее предпочтительным, чем в других субъектах Приволжского федерального округа (ПФО). Однако реальная ситуация в Кировской области в социально-экономической сфере несколько иная и далеко не лучше, чем в других субъектах округа. Высокое значение коэффициента эластичности в Кировской области объяснятся лишь тем, что темп прироста ВРП в Кировской области является самым низким в ПФО (14-е место), а темп прироста среднедушевых доходов достаточно высоким (четвертое место). Следовательно, увеличение среднедушевых доходов, скорее всего, не обеспечено реальным состоянием и увеличением производства.

Полученный вывод свидетельствует о том, что использовать коэффициент эластичности среднедушевых доходов для анализа и прогнозирования ситуации в социально-экономической сфере следует крайне осторожно и, возможно, только совместно с детальным рассмотрением всей структурной картины изменения ВРП по секторам.

Более объективным подходом является одновременный анализ темпов прироста среднедушевых доходов и темпов прироста ВРП. При совпадении либо близости рангов этих показателей можно говорить о более объективной ситуации в социально-экономической сфере региона. Так, в частности, для республики Мордовии, Самарской области, Пермского края, Пензенской области, Удмуртской Республики наблюдается либо полное совпадение, либо близость рангов в пределах региона по обоим исследуемым показателям. А полученные ранги значения коэффициента эластичности в целом отражают текущее состояние региона в социально-экономической сфере.

Таблица 1

Результаты расчета коэффициента эластичности

	$\overline{T}_p$ **по доходам, %**	**Ранг по доходам**	$\overline{T}_p$ **по ВРП, %**	**Ранг по ВРП**	**Коэффициент эластичности,** $Э = \frac{\overline{T}_{p_доход}}{\overline{T}_{p_ВРП}}$	**Ранг по коэффициенту эластичности**
Республика Башкортостан	26,1	3	18,0	10	1,45	2
Республика Марий Эл	25,6	7	22,1	1	1,158	14
Республика Мордовия	25,9	5	19,5	5	1,328	7
Республика Татарстан	25,9	5	18,4	9	1,407	3
Удмуртская Республика	23,7	11	17,4	12	1,362	5
Чувашская Республика	25,5	8	20,8	2	1,226	12
Пермский край	23,6	12	17,7	11	1,333	6
Кировская область	26,0	4	16,6	14	1,566	1
Нижегородская область	25,4	9	20,0	4	1,270	11
Оренбургская область	25,0	10	19,5	5	1,282	10
Пензенская область	26,3	2	20,2	3	1,302	9
Самарская область	22,8	13	17,3	13	1,318	8
Саратовская область	22,8	13	19,3	7	1,181	13
Ульяновская область	26,4	1	19,1	8	1,382	4

Основным недостатком использования коэффициента эластичности по доходам является то обстоятельство, что методы прогнозирования, основанные на использовании средних темпов роста, являются достаточно грубыми и не всегда надежными при увеличении периода прогнозирования. Применение данных методов в среднесрочном и долгосрочном прогнозировании нецелесообразно, поскольку они не учитывают вариацию исследуемого показателя, и, кроме того, в основе построения прогнозных оценок на периоде прогнозирования лежит принцип равномерного изменения исследуемого показателя [3, с. 502; 4, с. 89]. Более точно описать структуру ряда динамики можно с использованием аппроксимации уровня ряда с использованием аналитического описания. Предварительные исследования показывают, что наиболее точно ряды динамики по среднедушевым доходам и ВРП описываются в виде степенной функции. Пример аппроксимации для Пензенской области показан на рис. 1 и 2.

Результаты расчета с использованием показателей аппроксимации представлены в табл. 2.

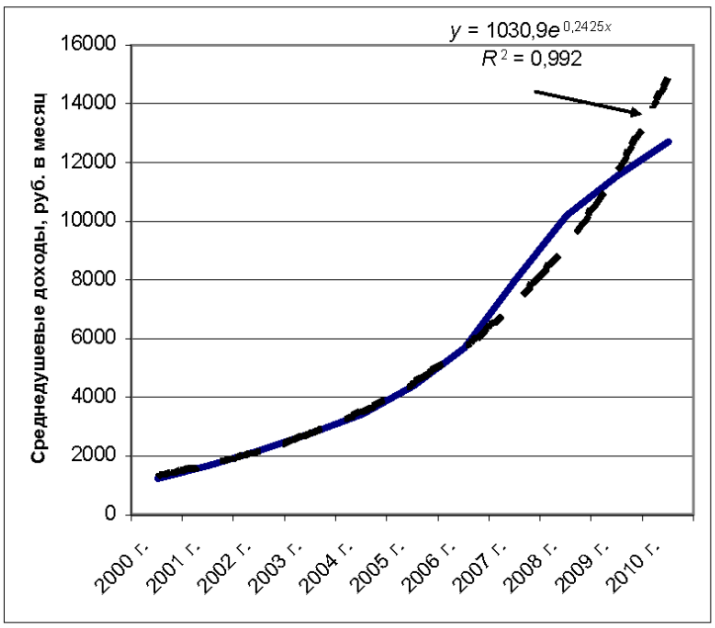


Рис. 1. Динамика изменения среднедушевых доходов населения Пензенской области

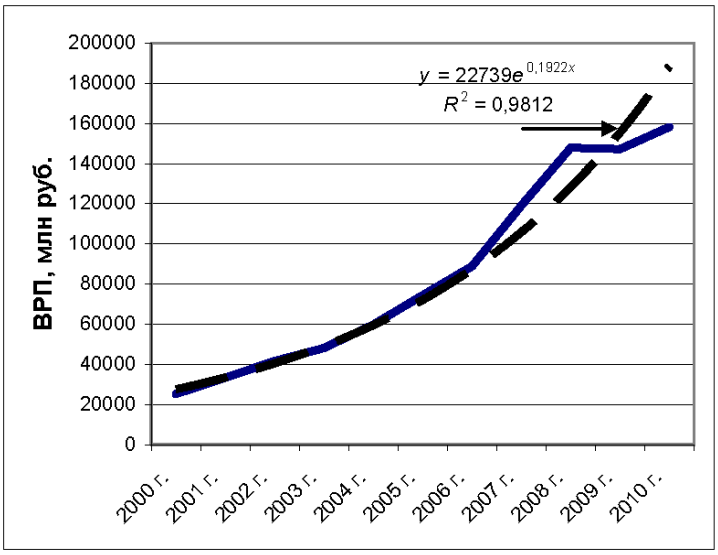


Рис. 2. Динамика изменения ВРП Пензенской области

Анализ будем выполнять также на основе близости рангов по обоим показателям аппроксимации в пределах региона. Из табл. 2 видно, что совпадение либо близость рангов наблюдается для Республики Марий Эл, Республики Татарстан, Удмуртской Республики, Пермского края, Нижегородской и Самарской областей. При этом ранги регионов по показателю отношения аппроксимации более реально отражают истинное положение региона в социально-экономической сфере в общем перечне субъектов ПФО.

Таблица 2

Результаты расчетов с использованием показателей аппроксимации

	Показатель степени по доходам	**Ранг по доходам**	**Показатель степени по ВРП, %**	**Ранг по ВРП**	**Отношение показателей степени по доходам к показателям степени по ВРП**	**Ранг по отношению**
Республика Башкортостан	0,2387	2	0,1825	8	1,308	2
Республика Марий Эл	0,2383	3	0,2010	3	1,186	11
Республика Мордовия	0,2279	9	0,1850	5	1,232	10
Республика Татарстан	0,2354	5	0,1845	6	1,276	6
Удмуртская Республика	0,2181	12	0,1692	11	1,289	5
Чувашская Республика	0,2300	6	0,2024	2	1,136	13
Пермский край	0,2192	11	0,1684	12	1,302	4
Кировская область	0,2290	7	0,1615	14	1,418	1
Нижегородская область	0,2288	8	0,1827	7	1,252	9
Оренбургская область	0,2261	10	0,2064	1	1,095	14
Пензенская область	0,2425	1	0,1922	4	1,262	8
Самарская область	0,2124	13	0,1673	13	1,270	7
Саратовская область	0,2042	14	0,1788	10	1,142	12
Ульяновская область	0,2357	4	0,1810	9	1,302	3

Исходя из того, что три региона (Удмуртская Республика, Пермский край и Самарская область) определены на основании двух вышеизложенных подходов как наиболее рациональные, определяем средние значения темпов роста среднедушевых доходов и ВРП именно для этих регионов и считаем их наиболее близкими к оптимальным. Тогда имеем рекомендуемое среднее значение среднего темпа роста среднедушевого дохода 23,7 %, среднее значение среднего темпа роста ВРП 17,5 % (эластичность равна 1,35).

В целом по итогам выполненного исследования следует отметить, что в экономике регионов ПФО присутствует опережающий рост денежных доходов населения над ростом валового регионального продукта, что с точки зрения экономики в длительной перспективе является депрессивным, а именно перекачка всей созданной прибавочной стоимости в доходы. Поэтому, принимая во внимание рациональное сочетание роста доходов населения и ВРП, при прогнозировании, программировании и оценке результативности реализации региональных мероприятий следует применять коэффициент эластичности, руководствуясь наименьшими значениями темпов роста влияющих показателей, используемых для расчета коэффициента эластичности.

Применение коэффициента эластичности позволит упростить грубую оценку результатов реализации программ на этапе их составления или в ретроспективе покажет снижение действенности прилагаемых в регионе усилий с точки зрения макроситуации в стране или при межрегиональном сравнении.

Особенностью данного метода является его универсальность, применимость для различных субъектов РФ, обладающих большими экономико-географическими различиями.

Для более объективного решения поставленной задачи следует учитывать и особенности формирования денежных доходов населения (разницу в источниках) и структуру ВРП (долю производственной сферы).

Список литературы

1. **Сельцовский, В. Л.** Экономико-статистические методы анализа внешней торговли / В. Л. Сельцовский. – М. : Финансы и статистика, 2004.
2. Сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru
3. Статистика: показатели и методы анализа : справ. пособие / Н. Н. Бондаренко, Н. С. Бузыгина, Л. И. Василевская [и др.] ; под ред М. М. Новикова. – Мн. : Современная школа, 2005.
4. **Садовникова, Н. А.** Анализ временных рядов и прогнозирование : учеб. пособие, руководство по изучению дисциплины, практикум, тесты, учеб. программа / Н. А. Садовникова, Р. А. Шмойлова ; Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики. – М., 2004. – Вып. 2.

References

1. **Sel'tsovskiy, V. L.** Ekonomiko-statisticheskie metody analiza vneshney torgovli / V. L. Sel'tsovskiy. – M. : Finansy i statistika, 2004.
2. Sayt Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki. – URL: http://www.gks.ru
3. Statistika: pokazateli i metody analiza : sprav. posobie / N. N. Bondarenko, N. S. Buzygina, L. I. Vasilevskaya [i dr.] ; pod red M. M. Novikova. – Mn. : Sovremennaya shkola, 2005.
4. **Sadovnikova, N. A.** Analiz vremennykh ryadov i prognozirovanie : ucheb. posobie, rukovodstvo po izucheniyu distsipliny, praktikum, testy, ucheb. programma / N. A. Sadovnikova, R. A. Shmoylova ; Mosk. gos. un-t ekonomiki, statistiki i informatiki. – M., 2004. – Vyp. 2.

Кошевой Олег Сергеевич
доктор технических наук, профессор, кафедра государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: olaa1@yandex.ru

Koshevoy Oleg Sergeevich
Doctor of engineering sciences, professor, sub-department of public administration and regional sociology, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

Фролов Сергей Геннадьевич
начальник отдела сводных статистических работ Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области (Пензастат)
(г. Пенза, ул. Пушкина, 28)

E-mail: frolov020@mail.ru

Frolov Sergey Gennad'evich
Manager of the consolidated statistical works department, Territorial office of the Federal service of state statistics in Penza region (Penzstat)
(Penza, 28 Pushkina str.)

УДК 330.101.541

Кошевой, О. С.

Определение рационального сочетания доли среднедушевых денежных доходов населения в составе валового регионального продукта / О. С. Кошевой, С. Г. Фролов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 97–103.

УДК 332.72:63:54

Л. Н. Семеркова, Н. Ю. Улицкая

АКСИОЛОГИЯ МАРКЕТИНГА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ

Аннотация. В статье рассматривается теория ценности в маркетинге сельскохозяйственных земель. Анализируется структура ценности земли-товара и виды ценности, а также факторы, влияющие на потребительскую ценность земли-товара. Рассматриваются потребители сельских территорий, приводится дифференцирование их по отношению к ценностям земли и целям ее использования. Авторами аргументируется приложение системно-функционального, ценностного и институционально-средового подходов к комплектованию маркетингового инструментария.

Ключевые слова: ценность, земля-товар, потребители, создание ценности, продвижение земли, маркетинг сельскохозяйственных земель.

L. N. Semerkova, N. Yu. Ulitskaya

AXIOLOGY OF AGRICULTURAL LAND MARKETING

Abstract. The article deals with the theory of value in the marketing of agricultural land. The authors analyze the structure of the value of land, the value and types of goods, as well as the dependence of the value of the preferences of consumers in rural areas, their segmentation, according to their generations, to the ground and purpose of its use. The researchers substantiate marketing tools based on the value-oriented and institutional approaches.

Key words: value, surface-to-product, consumers, value creation, promotion of land, marketing of agricultural land.

Еще в XVII в. Ульям Пети [1] говорил о том, что земля – мать богатства, тем самым выделяя ее особую значимость для производственных видов деятельности и общества в целом. И Россия, обладая наибольшей площадью земельных ресурсов, из которых около 23 % составляют сельскохозяйственные угодья, по данной аналогии, казалось бы, должна быть самой богатой страной в мире. Однако, как известно, в нашей стране продолжительное время происходит увеличение площадей неиспользуемых сельскохозяйственных земель, а большинство сельских территорий находится в депрессивном состоянии. И поэтому Правительство Российской Федерации стремится решить данную проблему, осознав безальтернативную ценность сельских просторов для российского общества.

Вопросам использования земельных ресурсов России за последнее время был посвящен целый ряд федеральных мероприятий, в ходе которых в основном происходило обсуждение неэффективности системы землепользования. По заключению авторитетных экспертов [2–4], рынок земли в России не развит по следующим основным причинам:

– невысокое качество сельскохозяйственных земель для потенциальных сельскохозяйственных потребителей (преобладание почв средней и низкой продуктивности, суровые природно-климатические условия, удаленность земельных участков от центров переработки и сбыта продукции и неразвитость логистической инфраструктуры);

– недостаточная обоснованность существующих методик проведения государственной кадастровой оценки земель сказывается на эффективности налогообложения: земля все еще не стала полноценным источником доходов в бюджеты разных уровней;

– недостаток сформированных рыночных предложений сельскохозяйственной земли из-за отсутствия достоверных сведений о количественно-качественных характеристиках земель, закрытости информации о земельных участках, незавершенности процесса разграничения государственной и муниципальной земельной собственности, определения территорий, подлежащих резервированию для государственных нужд, несовершенства правового регулирования оборотоспособности земли негативно влияет на потребительский спрос;

– ценность сельскохозяйственных земель значительно снизилась из-за наличия большого их количества (в результате приватизации) у ненадлежащих собственников, которыми она не востребована.

Возникает логичный вопрос: а какую же ценность несет в себе сельскохозяйственная земля для потребителей? Ведь для всего общества она, несомненно, благо, а вот для одного субъекта может иметь большое значение, а для другого никакой ценностью не обладать. Попытаемся далее в этом разобраться.

Рассматривая проблему ценностных отношений, необходимо особо отметить, что ничто не способно так повлиять на сложившуюся ситуацию на рынке земли в России, как маркетинг, который построен на концепциях философии, социологии, психологии, экономики, менеджмента и институционализма. Маркетинговый подход к созданию ценности основывается на трех принципах [5]:

– потребитель имеет альтернативу выбора предложения, которое он считает самым ценным, между конкурирующими продавцами и конкурентоспособными товарами;

– потребителям необходимы не товары как таковые, а их способность удовлетворить человеческие либо производственные потребности;

– производитель и продавец заинтересованы в создании стабильных, основанных на взаимном доверии отношениях между собой, с потребителями, которые способствуют формированию круга лояльных потребителей, а также третьими заинтересованными в создании и продвижении ценности лицами, организациями.

С точки зрения авторов, именно ценностно-ориентированный маркетинг сельскохозяйственных земель способен наиболее эффективно развивать потенциал сельских территорий за счет формирования рыночной привлекательности земли – позиционирования и продвижения на рынке потребителей сельских территорий. Данный современный подход к созданию ценностного отношения к сельскохозяйственной земле позволяет решить следующие задачи:

– идентифицировать ценность сельскохозяйственной земли: выяснить, какой набор свойств земли-товара потребители хотели бы получить и сколько они готовы были бы за это заплатить [6];

– организовать такой процесс создания ценности земли-товара, при котором взаимодействие продавцов с потребителями осуществлялось бы по разнообразным поводам: определению затрат, предоставлению услуг, определению

ценности, создаваемой при координации усилий потребителей, посредников, производителей, продавцов и множества других заинтересованных сторон [7].

Ученые справедливо полагают, что ценность товара состоит из набора элементов, которыми он должен обладать, чтобы быть ценным для потребителя. Так, Тайити Оно определил ценность товара как совокупность его характеристик и цены и диалога производителя с заинтересованными потребителями, акцентируя внимание потребителей не на предприятии и оборудовании, а на «нуждах» товара [8, с. 9]. Из исследований В. Паретто и М. Лоренца следует, что ценность товара состоит из ряда показателей, ранжируемых от наиболее значимых до «прочих» факторов [8, с. 21–23]. Ю. М. Соболев понимает под структурой ценности товара комплекс основных и вспомогательных элементов [8, с. 48–49]. Г. Тагути предложил разделять переменные, влияющие на характеристики товара, на две группы: факторы, ответственные за основной отклик (номинал), и факторы, ответственные за разброс [8, с. 60]. С точки зрения Ч. Байтуэйя, товар имеет функции более высокого и более низкого уровней [8, с. 61–62]. Любопытной, по мнению авторов, является теория привлекательности качества, предложенная Н. Кано [8, с. 64–65]. Из теории следует, что ценность товара не что иное, как «профиль качества», состоящий из следующих элементов: базового (основного) качества («обязательные» характеристики товара); требуемого (ожидаемого) качества («количественные» характеристики товара); привлекательного (опережающего) качества («сюрпризные» характеристики товара, вызывающие восхищение потребителя). Под несколько иной интерпретацией данную теорию можно проследить у Ф. Котлера [5, с. 257–259] в его «уровнях товара», составляющих покупательскую ценность. Дополнением этой теории может служить метод структурирования функции качества Е. Акао и С. Мидзуно: качество товара определяется ими уровнем выполнения функций [8, с. 78–79]. Наибольший интерес у авторов исследования вызвал функциональный анализ Л. Д. Майлза. Он классифицировал функции товара следующим образом: общеобъектные, подразделяющиеся на главные (полезные) и дополнительные (полезные и нейтральные) функции; внутриобъектные, подразделяющиеся на основные (полезные) и вспомогательные (полезные, нейтральные, вредные) функции [8, с. 103, 105].

Общеизвестно, что сельскохозяйственная земля выполняет многообразные функции, при этом ее характеристики при выполнении разных функций имеют различную значимость. Так, при выполнении производительной функции в сельском хозяйстве наиболее важным становится ее плодородие, а при выполнении роли территории проживания населения – местоположение. Мы применили проведенное исследование структуры ценности к определению функционального содержания ценности сельскохозяйственной земли как товара. Распределив землю-товар по ее четырем базовым функциям (для сельского хозяйства, населения, несельскохозяйственного производства и природоохранных рекреационных целей), мы выделили главные и дополнительные элементы ее ценности (плодородие, местоположение, природная среда и инфраструктура), что отражено в табл. 1.

Совершенное распределение элементов ценности сельскохозяйственной земли в зависимости от выполняемой функции позволяет отслеживать взаимосвязь и взаимозависимость ее характеристик при различных видах и способах использования, что очень важно иметь в виду при потребительском выборе.

Таблица 1

Функциональное распределение элементов ценности сельскохозяйственной земли

Функции	Характеристика главного элемента функции	Характеристика дополнительных элементов функции
1. Фактор, средство производства сельскохозяйственной продукции	***Плодородие*** (производительная возможность) обусловлено физиологией почвы, может улучшаться или ухудшаться в процессе земледелия. Эффективность и рентабельность сельскохозяйственного производства в первую очередь зависит от качественного состояния почв	Местоположение влияет на издержки сельскохозяйственного производства
		Природная среда бывает благоприятной и неблагоприятной для сельскохозяйственной деятельности, влияет на издержки производства
		Инфраструктура – неотъемлемая часть сельскохозяйственной организации, влияет на удобство, дает дополнительные преимущества
2. Территориальный базис для местожительства	***Местоположение*** (постоянство в пространстве) обусловлено недвижимым характером, фиксированным расположением (приближенным, удаленным) около населенных пунктов, производственных и иных центров, транспортных путей; геополитическое положение; системы расселения	Инфраструктура является территорией под застройку, объектом привлечения населения при возможности перевода в другие категории или виды разрешенного использования
		Природная среда может быть благоприятной или неблагоприятной для жизни и здоровья человека
		Плодородие влияет постольку, поскольку используется в приусадебном хозяйстве как источник доходов домовладения
3. Территориальная основа расположения производства	***Инфраструктура*** – возможность использования земли как резерва развития производства, площади объектов строительства, производства и иных несельскохозяйственных видов деятельности	Местоположение влияет на издержки несельскохозяйственного производства
		Природная среда может оказывать влияние на некоторые виды производств
		Плодородие практически не учитывается
4. Место под рекреационные процессы	***Природная среда*** – жизненное пространство для флоры и фауны, где протекают экологические процессы; среда обитания человека	Плодородие влияет на биологическое разнообразие территории
		Местоположение зависит от географических характеристик
		Инфраструктура дает возможность организации пространства

Кроме того, ценность бывает различных видов. Это также вносит дифференцированный вклад в рыночный выбор потребителя, что было обосновано Шетом, Ньюманом и Гроссом [9] в процессе исследования поведения потребителей. Согласно концепции пяти видов ценности (функциональной, эмоциональной, социальной, эпистемической и условной), авторами была предпринята попытка их описать, адаптировав к потребительскому выбору сельскохозяйственной земли (табл. 2).

Таблица 2

Виды ценностей сельскохозяйственной земли
по Шету, Ньюману и Гроссу

Вид ценности	**Характеристика ценности**
1. Функциональная	Является средством и местом производства сельскохозяйственной продукции, базисом для строительства и иных видов деятельности; имеет различия в плодородии (лучшее, среднее, худшее) и местоположении (выгодное, невыгодное)
2. Социальная	Положительные или отрицательные стереотипы уклада сельской жизни – землепашец, землемер, крестьянин, агроном, помещик и пр.; латифундия, надел, усадьба, поле, луг; деревня, село, барщина; семейная традиция, обычай и т.п.
3. Эмоциональная	Способность возбуждать чувства или вызывать аффективные реакции – фактор релаксации, психоэмоциональной разгрузки, радость от работы и нахождения на земле и т.д.
4. Эпистемическая	Способность возбуждать любопытство, удовлетворять стремление к знаниям – объект приложения знаний и умений человека, предмет экспериментов и пр.
5. Условная	Деградация, количественно-качественное сокращение площадей побуждает к экологизации земледелия; рост населения и уменьшение пригодных для проживания мест вызывает рост спроса и цен и т.п.

В ходе исследования сложилось авторское видение ценности сельскохозяйственной земли-товара. Она заключается в том, что это естественная способность земли осуществлять и сочетать различные функции, имея при этом такой набор объективно-субъективных характеристик, которые могут удовлетворять потребности человека и (или) производства в определенный период времени. Анализ структуры и видов ценности сельскохозяйственной земли позволил нам сформулировать ее специфические особенности как товара:

1) на характеристики и стоимость земли-товара ключевое влияние оказывает местоположение;

2) такие элементы ценности земли-товара, как природная среда, плодородие и местоположение, не зависят от воли человека;

3) сельскохозяйственная земля подвергается различным воздействиям со стороны сельской территории, являясь ее неотъемлемой частью, поэтому правильнее всего считать сельскохозяйственную землю товаром сельской территории, а праводержателей – продавцами.

Раскрыв суть ценности земли-товара, следует также проанализировать ее зависимость от объективно-субъективных потребностей субъектов рынка

сельскохозяйственных земель, для чего необходимо обратиться к механизмам сегментирования. Традиционный подход к сегментированию конечных потребителей в качестве критериев разделения рассматривает индивидуальные характеристики покупателей, ситуации использования, предпочтения, отношение к покупке и т.д. Для рынков B2B отдельно выделяют признаки географии, отрасли, сферы деятельности, формы собственности, численности персонала и т.д. [5]. Но, с точки зрения авторов исследования, сегментирование становится эффективным в том случае, если максимально учитывать изменения в системе ценностей и жизненных приоритетов разных групп потребителей. Наиболее интересной в этом отношении является новая теория поколений, представленная Н. Хоувом и В. Штраусом [10], где учитываются фундаментальные изменения в мире, которые являются внешними факторами, формирующими ценностное сознание поколений. На основе данного психографического сегментирования были проанализированы особенности ценностного отношения к сельскохозяйственной земле трех поколений с различными ценностными ориентирами в жизни (табл. 3).

Учитывая все многообразие субъектов рынка сельскохозяйственных земель, авторы пришли к выводу, что для обеспечения их элементарной дифференциации необходимо осуществить их группировку по отношению к сельскохозяйственной деятельности и целям использования земель, в которую следует включить продавцов, покупателей, профессиональных участников рынка, посредников и органы власти (табл. 4).

Из табл. 4 видно, что продавцами сельскохозяйственной земли могут быть сельскохозяйственные организации всех форм собственности и категорий хозяйствования, а также собственники участков индивидуального жилищного строительства и органы власти. Покупателями могут выступать совершенно далекие от сельского хозяйства субъекты, для которых земля-товар интересна как территория под несельскохозяйственные нужды. По целям использования земли продавцы и покупатели могут быть отнесены к деловому рынку и потребительскому рынку.

В создании ценности земли-товара принимают участие также и сторонние группы влияния, к которым отнесены профессиональные участники рынка и посредники: специализированные кредитные учреждения, банки, специализированные структуры власти, оценщики, риелторы, агентства, кадастровые инженеры и пр., влияющие на земельные отношения. Они призваны помогать при операциях с землей. По своим целям они могут носить договорной и коммерческий характер, т.е. без возникновения переуступки прав требования и с возникновением (кредитные, ссудные отношения). Органы власти могут очень сильно влиять на создание ценностных отношений, особенно если их целями становятся не коммерческие вопросы, а социальные – создание программ по развитию сельских территорий, бесплатное предоставление земельных участков нуждающимся группам граждан и пр.

Приведенное группирование субъектов рынка, безусловно, не является исчерпывающим и универсальным. Тем не менее оно может дать результативную помощь в исследовании рыночного поведения потребителей сельских территорий и помочь в дальнейшем развитии парадигмы маркетинга сельскохозяйственных земель.

Таблица 3

Распределение ценностных ориентиров сельскохозяйственной земли между группами поколений (согласно теории поколений Н. Хоува и В. Штрауса)

Группы поколения	**Характеристика**	**Ценность сельскохозяйственной земли**
«Беби-бумеры», годы рождения – 1943–1963	Ценности формировались до 1973 г. На мировоззрение и психологию оказали влияние: советская «оттепель», полет в космос, СССР как мировая супердержава, «холодная война», единые стандарты обучения в школах. Их черты: оптимизм, заинтересованность в стабильности и материальном благополучии, коллективизм и командный дух, дружба, честность, уверенность в собственных силах, осторожность, приверженность семейным традициям; ценят функциональность товара	Многофункциональность, потенциалы использования, отличные количественно-качественные показатели, чистота юридического пакета прав на землю-товар, возможность работать и жить «на земле» – быть к ней ближе, гарантия прибыльности капиталовложения
«X» (неизвестное поколение), годы рождения – 1963–1983	Ценности формировались до 1993 г. На мировоззрение и психологию оказали влияние: распад СССР, перестройка, приватизация, безработица, рост диспропорций между социальными слоями, переход к рынку. Их черты: готовность к изменениям, возможность выбора, техническая грамотность, индивидуализм, стремление учиться в течение всей жизни, неформальность взглядов, поиск эмоций, прагматизм, надежда на себя, стремление к лидерству, равноправие полов, уверенность в себе, благополучие и стабильность; ценят время и деньги, потраченные на приобретение товара	Выгодное местоположение, доступная цена, достаточное количество открытой информации о земле-товаре, возможность выгодной перепродажи, возможность альтернативного использования, реализация властных полномочий, реализация себя в земледелии и т.п.
«Y» (поколение миллениума), годы рождения – 1984–2000	Ценности формируются. На мировоззрение и психологию оказали влияние: распад СССР, терроризм и военные конфликты, развитие цифровых технологий (мобильные телефоны, смартфоны, Интернет, компьютерные технологии, роботостроение), рыночная экономика, инфляция. Их черты: гражданский долг и моральная ответственность, чувство собственного достоинства и свобода, наивность и готовность подчиняться; ценят экологичность, информативность, сервисное обслуживание при приобретении товара	Экологическое и природное благополучие, сохранение природы для будущего, развитость транспортной, инженерной и социальной инфраструктур, наличие информации об истории места, особый подход к процессу подведения и осуществления сделки, простор регулирующих и регламентирующих процессов купли-продажи

Таблица 4

Характеристика потребителей сельских территорий

Основания	Группы участников			
	Продавцы	**Покупатели**	**Профессионалы и посредники**	**Органы власти**
По отношению	Сельскохозяйственные (организации, КФХ, ЛПХ, садоводы, огородники и т.д.)	Сельскохозяйственные (организации, КФХ, ЛПХ, садоводы, огородники и т.д.)	Сельскохозяйственные («Россельхозбанк», «Агробанк» и пр., агрономы, кадастровые инженеры, оценщики)	Сельскохозяйственные (отделы администраций по сельскохозяйственному вопросу, территориальные подразделения Министерства сельского хозяйства и пр.)
	Несельскохозяйственные (ИЖС, органы власти и т.п.)	Несельскохозяйственные (инвесторы, строительство, промышленность, энергетика, туризм, население и т.п.)	Несельскохозяйственные (суды, банки, кредитные учреждения, Росреестр, девелоперы, риелторы, агентства и пр.)	Несельскохозяйственные (суды, главы образований и их аппарат, структурные подразделения Минрегионразвития, Росреестр, Минимущество и т.д.)
По целям	B2B (организации, индивидуумы, продающие в коммерческих целях)	B2B (организации, индивидуумы, покупающие для деловых целей)	Договорные (риелторы, агентства, оценщики и пр.)	Коммерческие (для получения дохода)
	«Дилетанты», случайные продавцы, физические лица	Конечные (физические лица, семьи, домохозяйства)	Коммерческие (банки и кредитные учреждения)	Социальные (для решения социальных вопросов)

В ходе анализа ценности нами сделан вывод о том, что потребности в сельскохозяйственной земле имеют нарастающий характер, при этом сущность потребностей в земле и способы их удовлетворения развиваются и изменяются с течением времени. Поскольку ценностные системы формируются и трансформируются вместе с развитием общества и связаны с изменениями в различных сферах человеческой жизни, ценность сельскохозяйственной земли не является константой. Так, невостребованные земли могут внезапно приобрести большую ценность вследствие того, что на них будет построен животноводческий комплекс, способствующий развитию сельского хозяйства и вовлечению земель в оборот. Или же ценность земельного участка снизится, если будет размещен полигон отходов, скотомогильник и т.п. Таким образом, на ценность сельскохозяйственной земли, помимо ее внутренних параметров, влияет совокупность факторов: маркетинговая среда (объективные факторы) и индивидуальные оценки потребителей (субъективные факторы), имеющие различные уровни распространения (рис. 1).

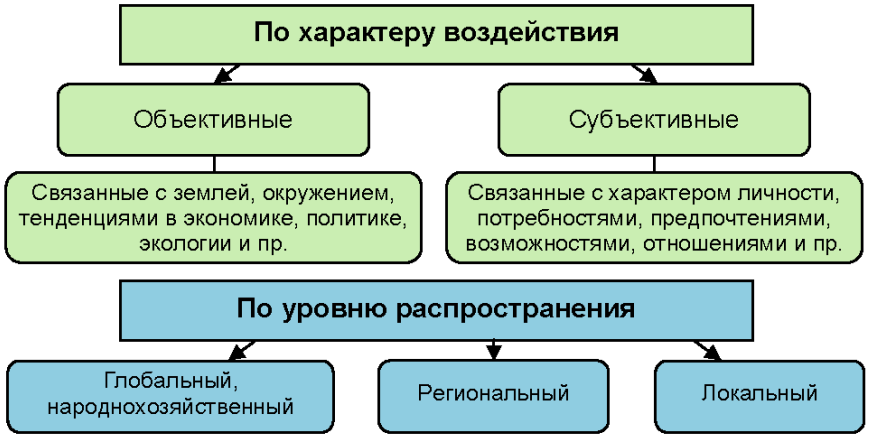


Рис. 1. Классифицирование факторов, оказывающих влияние на ценность земли-товара (составлено авторами)

Идентифицировав ценность земли-товара, следует теперь эту ценность сформировать и предоставить потребителю, для чего в маркетинге существует значительное количество технологий. Довольно успешные механизмы управления ценностью товара были предприняты автором цепочки создания ценности товара для потребителей М. Портером [11], который представляет ее в виде первичных видов деятельности и их поддерживающих, направленных на стимулирование покупателя за это заплатить. Данный процесс создания ценности товара очень популярен в маркетинге, однако, по мнению авторов, наиболее совершенными и отвечающими современным требованиям ценностно-ориентированного маркетинга являются методики Д. Нортона и Р. Каплана [12], выделивших четыре управляемые категории: финансы, потребителей, внутренние процессы, инновации и обучение, – а также методики Кроуфорда и Мэтью [13], предложивших пять возможных вариантов позиций, среди которых товар, цена, доступность, обслуживание, добавляющие ценности товару, и опыт работы с потребителями. Данные методики создания ценности товара отличаются от исходной модели М. Портера тем, что категории факторов выходят за пределы проблем, волнующих конечного потребителя, – можно представить проблемы, которые волнуют не только потребителя, но и другие стороны. Следовательно, при организации деятельности по созданию и продвижению ценности земли-товара необходимо учитывать весь круг заинтересованных сторон: при эффективном процессе создания ценности и потребитель, и другие заинтересованные стороны получают ценность. При обеспечении ценности для множества заинтересованных сторон будут определяться различные виды ценности и показателей: финансовые, показатели потребительской удовлетворенности, показатели выходов подпроцессов, обучающие, улучшающие процесс или среду.

Для выявления полного круга заинтересованных в создании ценности земли-товара сторон нельзя обойтись без институционально-средового подхода, так как территориальная среда земли-товара обусловлена политикой и поведением субъектов, с другой стороны, параметры самой среды существенным образом влияют на поведение ее субъектов. На эту систему можно воздействовать регулированием институционального фактора, как предлагает

Т. В. Мещеряков [14], что разрешит проблему создания заманчивой институциональной среды, привлекая на сельскую территорию ее потенциальных потребителей в виде населения, туристов, рабочей силы, бизнесменов, инвесторов.

Следовательно, создание и продвижение ценности сельскохозяйственной земли-товара должно осуществляться посредством гармоничного сочетания инструментов, характерных для объектов, сред, процессов и проектов, в связи с чем трансформацию претерпевает маркетинг-микс, что отражено на рис. 2.

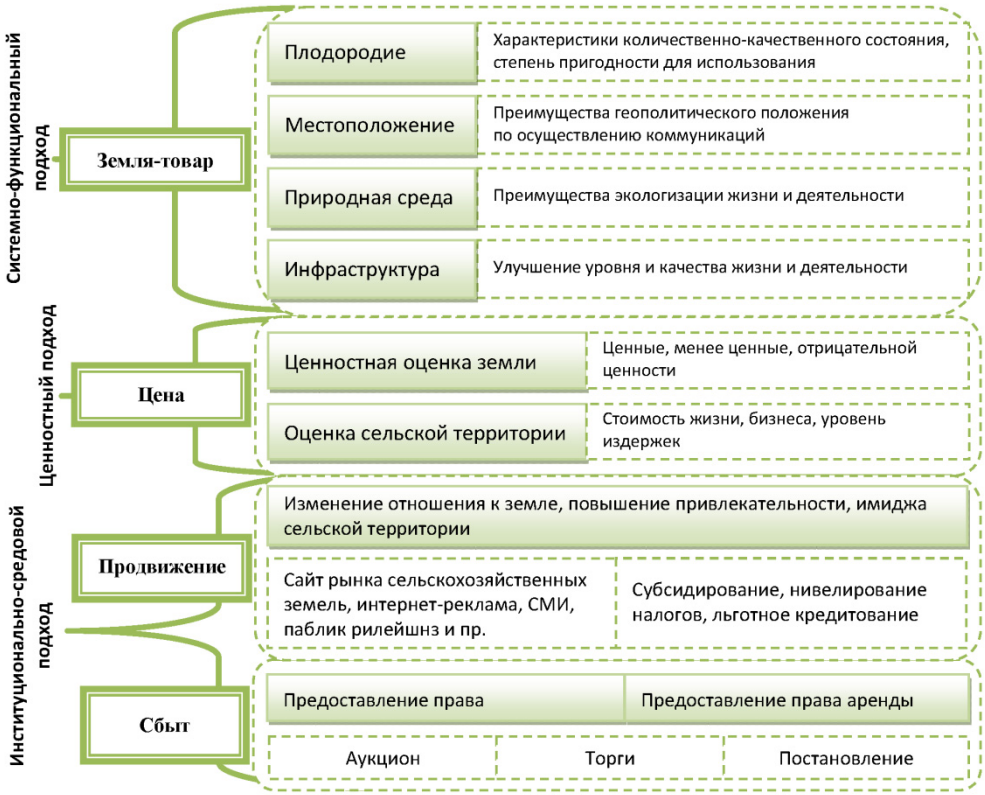


Рис. 2. Инструменты маркетинга сельскохозяйственных земель (составлено авторами)

Авторами определены также направления совершенствования маркетинговой деятельности в сельских территориях нашей страны в ходе планирования и реализации предложений земли-товара на рынках:

1) вовлечение потребителей сельских территорий в процесс создания ценности земли-товара;

2) применение маркетингового подхода на всех уровнях организации ценностных отношений, к которому относятся маркетинговое планирование при разработке предложения земли-товара; маркетинговые аспекты управления ценностью земли-товара при ее позиционировании; маркетинговые технологии при продвижении земли-товара на рынке;

3) комплексное использование маркетинговых технологий (коммуникации, креативные технологии, событийный маркетинг и др.) при продвиже-

нии предложения земли-товара на рынке сельскохозяйственных земель либо иных категорий земель;

4) совершенствование обслуживания покупателей земли-товара во всех точках соприкосновения, среди которых сельская администрация, маркетинговый центр, регистрационная палата и т.п., и повышение квалификации продавцов земли-товара со стороны государственных и муниципальных кадров;

5) максимизация потребительской привлекательности предложения земли-товара с учетом местоположения, плодородия, состояния природной среды и уровня развития инфраструктуры, а также особенностей местной институциональной среды.

Таким образом, подводя итог нашему исследованию аксиологического видения маркетинга сельскохозяйственных земель, особый акцент хотелось бы сделать на том, что только ценностно-ориентированные отношения способны изменить негативную ситуацию на рынке сельскохозяйственных земель. Единственный эффективный инструмент такого качественного изменения – маркетинг сельскохозяйственных земель, имеющий не только экономическую направленность решения вопроса, но и, первостепенно, социальную (ориентирован на снижение общественной напряженности в сельской местности). Маркетинг, ориентированный на ценности, будучи наиболее гибким инструментом управления социально-экономическим развитием объектов, субъектов и процессов, является незаменимым помощником в политике для сельских органов власти, в бизнесе – для сельскохозяйственных и несельскохозяйственных предприятий в сельской местности, в жизни – для сельского населения, пытающегося организовать свою жизнедеятельность наиболее благоприятным образом.

Список литературы

1. Антология экономической классики : в 2 т. – М. : Экономика, 1991, 1992.
2. Земля – ключевой ресурс экономики : интервью оренбургского губернатора. – URL: – http://www.nisse.ru/business/interview/interview_1307.html (дата обращения: 12.10.2012).
3. Медведев о приватизации земель. – URL: http://www.dp.ru/a/2012/07/27/Medvedev_o_privatizacii_z/
4. Путин призвал обеспечить доступ граждан к данным о свободных землях. – URL: http://www.ria.ru/trend/land_resources_09102012/
5. **Котлер, Ф.** Маркетинг менеджмент : [пер. с англ.] / Ф. Котлер, К. Л. Келлер. – СПб. : Питер, 2007. – 480 с.
6. **Липсиц, И. В.** Ценность товара: от чего она зависит и как ее определить / И. В. Липсиц. – URL: http://oldsuvenir.segment.ru (дата обращения: 12.10.2012).
7. **Николаев, А. М.** Предприятие как система создания ценности / А. М. Николаев. – URL: m-economy.ru›art.php?nArtId=2665 (дата обращения: 10.10.2012).
8. Сборник методов поиска новых идей и решений управления качеством / сост. В. В. Ефимов. – Ульяновск : УлГТУ, 2011. – 194 с.
9. **Sheth, J. N.** Why We Buy What We Buy: A Theory of Consumption Values / J. N. Sheth, B. I. Newman, B. L. Gross. // J. of Bus. Res. – 1991. – № 22.
10. **Strauss, W.** The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny / W. Strauss, N. Howe. – N. Y. : Broadway Books, 1997.
11. **Porter, M. E.** Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance / M. E. Porter. – N. Y. : Free Press, 1985.

12. **Нортон, Д.** Сбалансированная система показателей: От стратегии к действию / Д. Нортон, Р. Каплан. – М. : Олимп-Бизнес, 2010. – 320 с.
13. **Crawford, F.** The Myth of Excellence: Why Great Companies Never Try to Be the Best at Everything / F. Crawford, R. Mathews. – N. Y. : Crown Business, 2001.
14. **Мещеряков, Т. В.** Концепция и инструментарий управления маркетингом территории в условиях креативной экономики (теория и методология) : автореф. дис. … докт. эконом. наук / Мещеряков Т. В. – СПб., 2011.

References

1. Antologiya ekonomicheskoy klassiki : v 2 t. – M. : Ekonomika, 1991, 1992.
2. Zemlya – klyuchevoy resurs ekonomiki : interv'yu orenburgskogo gubernatora. – URL: – http://www.nisse.ru/business/interview/interview_1307.html (data obrashcheniya: 12.10.2012).
3. Medvedev o privatizatsii zemel'. – URL: http://www.dp.ru/a/2012/07/27/Medvedev_o_privatizacii_z/
4. Putin prizval obespechit' dostup grazhdan k dannym o svobodnykh zemlyakh. – URL: http://www.ria.ru/trend/land_resources_09102012/
5. **Kotler, F.** Marketing menedzhment : [per. s angl.] / F. Kotler, K. L. Keller. – SPb. : Piter, 2007. – 480 s.
6. **Lipsits, I. V.** Tsennost' tovara: ot chego ona zavisit i kak ee opredelit' / I. V. Lipsits. – URL: http://oldsuvenir.segment.ru (data obrashcheniya: 12.10.2012).
7. **Nikolaev, A. M.** Predpriyatie kak sistema sozdaniya tsennosti / A. M. Nikolaev. – URL: m-economy.ru›art.php?nArtId=2665 (data obrashcheniya: 10.10.2012).
8. Sbornik metodov poiska novykh idey i resheniy upravleniya kachestvom / sost. V. V. Efimov. – Ul'yanovsk : UlGTU, 2011. – 194 s.
9. **Sheth, J. N.** Why We Buy What We Buy: A Theory of Consumption Values / J. N. Sheth, V. I. Newman, B. L. Gross. // J. of Bus. Res. – 1991. – № 22.
10. **Strauss, W.** The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny / W. Strauss, N. Howe. – N. Y. : Broadway Books, 1997.
11. **Porter, M. E.** Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance / M. E. Porter. – N. Y. : Free Press, 1985.
12. **Norton, D.** Sbalansirovannaya sistema pokazateley: Ot strategii k deystviyu / D. Norton, R. Kaplan. – M. : Olimp-Biznes, 2010. – 320 s.
13. **Crawford, F.** The Myth of Excellence: Why Great Companies Never Try to Be the Best at Everything / F. Crawford, R. Mathews. – N. Y. : Crown Business, 2001.
14. **Meshcheryakov, T. V.** Kontseptsiya i instrumentariy upravleniya marketingom territorii v usloviyakh kreativnoy ekonomiki (teoriya i metodologiya) : avtoref. dis. … dokt. ekonom. nauk / Meshcheryakov T. V. – SPb., 2011.

Семеркова Любовь Николаевна
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга, коммерции и сферы обслуживания, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: penzamarketing@mail.ru

Semerkova Lyubov' Nikolaevna
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of marketing, commerce and service sector, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

Улицкая Наталья Юрьевна
преподаватель, кафедра кадастра недвижимости и права, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства (г. Пенза, ул. Г. Титова, 28)

E-mail: terramarket58@yandex.ru

Ulitskaya Natal'ya Yur'evna
Lecturer, sub-department of real estate cadastre and law, Penza State University of Architecture and Construction (Penza, 28 G. Titova str.)

УДК 332.72:63:54
Семеркова, Л. Н.
Аксиология маркетинга сельскохозяйственных земель / Л. Н. Семеркова, Н. Ю. Улицкая // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 104–116.

УДК 338.246.2

Ю. Д. Бахтеев, Ю. Ю. Частухина, О. В. Казаченко

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КООПЕРАТИВНЫХ РЫНКОВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА НА СЕЛЕ И ПОВЫШЕНИЯ ЕГО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены перспективные направления вертикальной потребительской кооперации малых форм хозяйствования АПК в форме сельскохозяйственных кооперативных рынков. Обоснована необходимость государственной поддержки этого направления кооперации, приведены конкретные расчеты, обосновывающие эффективность организации потребительского кооперативного рынка на территории Пензенской области.

Ключевые слова: АПК, малые формы хозяйствования, сельскохозяйственный кооперативный рынок, потребительская кооперация.

Yu. D. Bakhteev, Yu. Yu. Chastukhina, O. V. Kazachenko

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF AGRICULTURAL COOPERATIVE MARKETS AS A MEANS OF DEVELOPMENT OF SMALL SCALE BUSINESS IN RURAL AREA AND ITS COMPETITIVENESS INCREASE

Abstract. The article considers perspective directions of vertical consumers' cooperative society of small forms of managing of the agrarian and industrial complex in the form of the agricultural cooperative markets. The authors substantiate the necessity of the state support of this direction of cooperation and introduce the concrete calculations proving efficiency of the organization of the consumer cooperative market in territory of Penza region.

Key words: agrarian and industrial complex, small forms of managing, the agricultural cooperative market, consumers' cooperative society.

В настоящее время в развитии экономики Пензенской области происходят интенсивные качественные позитивные изменения, выражающиеся в осознанном стремлении к интегрированию хозяйственной деятельности малых форм аграрного бизнеса в рамках общей организационной формы. Уровень концентрации экономики повышается благодаря формированию более сильных социально-экономических и производственных систем, рассредоточенных по области, – потребительских кооперативов. Широкое распространение получила сбытовая кооперация. На конец 2011 г. насчитывалось 73 кооператива по сбыту сельскохозяйственной продукции [1].

Одна из главных задач деятельности сбытовых кооперативов – это обеспечить малому бизнесу на селе эффективную реализацию продукции, в том числе через розничные рынки. Сегодня через стихийные розничные рынки проходит до 48 % от объема розничных продаж картофеля, 44 % плодоовощной продукции, почти 40 % мяса и птицы, 20 % яиц [2].

С принятием Федерального закона «О розничных рынках» сельскохозяйственные и сельскохозяйственные кооперативные рынки выделены в отдельную категорию, что расширяет возможности для доступа сельхозпроиз-

водителей в этот сегмент розничной торговли [3]. В соответствии с законом кооперативы получили возможность выступать в качестве управляющей рынком компании и при этом вести на рынке торгово-закупочную деятельность, что создает определенные преимущества для членов кооператива по осуществлению самостоятельной торговли на рынке, позволяет производителям централизовать сбыт продукции на рынке через кооператив. Во исполнение закона принят ряд нормативных документов на федеральном и региональном уровнях.

В то же время анализ имеющейся информации о планах создания рынков и их деятельности показывает недостаточную активность региона по организации сельскохозяйственных кооперативных рынков, а также неэффективность деятельности организованных и действующих в связи с отсутствием кооперативных начал рынков.

Так, организованные в области сельскохозяйственные кооперативные рынки имеют статус сельскохозяйственных потребительских кооперативов, их членами, как и полагается по закону, являются не менее пяти физических и (или) двух юридических лиц. При этом ни на одном из действующих кооперативных рынков не реализуется 50 и более процентов продукции членов кооператива. Более того, кооперативные рынки являются обыкновенными коммерческими организациями, закупающими сельскохозяйственную продукцию от своего имени у малых, а чаще всего у крупных сельхозтоваропроизводителей и перепродающими ее с соответствующей наценкой. Организация таких рынков не решает проблемы монопсонии закупщиков, даже, напротив, усугубляет ее. Малый бизнес в некоторых районах области вовсе потерял возможность выбора каналов реализации своей продукции, так как на территории одного или нескольких соседних муниципальных образований действует только один централизованный сельскохозяйственный кооперативный рынок, где реализуется цельное молоко, творог, яйца, мясо в убойном весе, овощи и плодово-ягодная продукция. В некоторых районах проблема усугубляется административным давлением глав муниципальных образований, препятствующих развитию малого сельского бизнеса, если его представители отказываются реализовывать определенные объемы произведенной ими продукции на такие рынки.

Считаем организацию таких рынков не просто неправильной, но и противозаконной, так как не выполняются положения Закона «О сельскохозяйственной кооперации» [4], согласно которому основным принципом потребительской кооперации должна быть добровольность участия в ней, а также то, что в организациях, имеющих статус потребительских кооперативов, не менее 50 % услуг должно оказываться их членам. Следовательно, учредителями кооперативных рынков (или управляющих ими компаний) должны являться организации, чья продукция реализуется через данный рынок.

Нами разработаны схема организации такого рынка, а также подробный бизнес-план функционирования на пять лет, выполненный с применением современного программного средства бизнес-планирования и оценки инвестиционных проектов Project Expert.

Схема создания эффективной системы сельскохозяйственных кооперативных рынков в форме потребительских кооперативов предполагает организацию двух, а затем и трех уровней потребительских кооперативов, каждый из которых имеет свои функции. Положительный опыт формирования трех-

уровневой системы кооперации существует на сегодня у сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов. Использование этого опыта позволит наладить работу системы сельскохозяйственных рынков на началах потребительской кооперации (рис. 1).

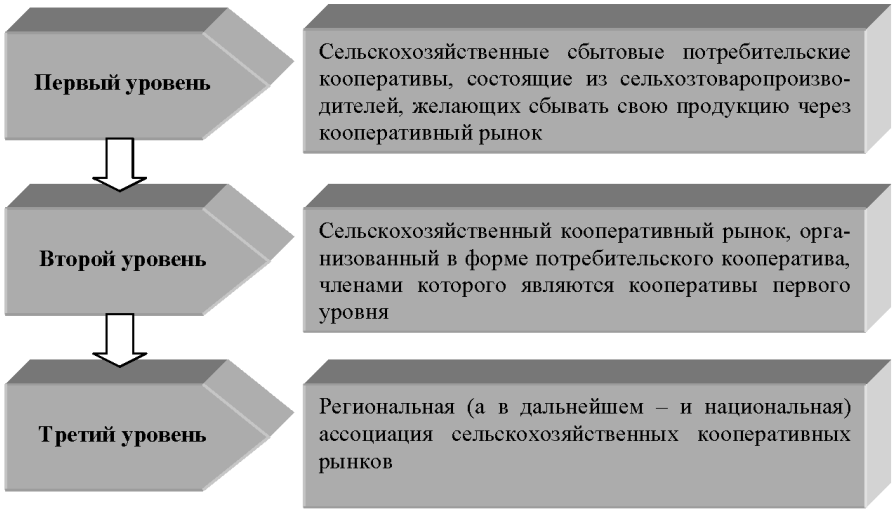


Рис. 1. Трехуровневая система развития системы сельскохозяйственных кооперативных рынков

Организация сельскохозяйственного кооперативного рынка предполагает на первом этапе создание новых, а также привлечение функционирующих сбытовых, перерабатывающих и обслуживающих потребительских кооперативов, чья деятельность соответствует концепции создания и функционирования рынка.

Принципиальная схема организации сельскохозяйственного кооперативного рынка, на наш взгляд, должна выглядеть следующим образом (рис. 2).

Приведенная схема предполагает соблюдение всех принципов и законных основ организации потребительских кооперативов. Кооперативы первого уровня будут состоять из физических и юридических лиц, преимущественно представителей малого сельского бизнеса – ЛПХ, К(Ф)Х, индивидуальных предпринимателей, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции. Они в первую очередь заинтересованы в участии в кооперативах, так как последние обеспечат им гарантированный сбыт продукции по гарантированным ценам. Параллельно будут развиваться обслуживающие кооперативы, однако их членами являются также члены кооперативов первого уровня или сами сбытовые кооперативы. Это обеспечит некоммерческий характер деятельности обслуживающих кооперативов, так как их члены сами будут регулировать ценовую и затратную политику последних.

В составленном нами бизнес-плане приведены натурально-вещественные и стоимостные показатели плановой деятельности сельскохозяйственного кооперативного рынка в городе Пензе. Первоначально планируется организовать торговлю на рынке продовольствием, впоследствии, при условии развития организации, возможна торговля прочими товарами, основу которых составляет сельскохозяйственное сырье или продукты его переработки [5].

Рис. 2. Организационная схема
сельскохозяйственного кооперативного рынка

Паевые фонды кооперативов, участников кооперативного продовольственного рынка, планируется образовать имуществом и денежными средствами участников потребительских кооперативов. Совокупная стоимость имущества членов кооперативов должна составить не менее 20 млн руб. Денежные средства будут внесены в сумме 3,9 млн руб. (на начальном этапе организации рынка для осуществления организационных мероприятий и формирования части оборотного капитала). Таким образом будет соблюден допустимый норматив ликвидности: в анализе финансового состояния будущего получателя кредита он составит 20–25 % (планируется получение инвестиционного кредита в сумме 80 млн руб. и оборотного – 15 млн руб.).

На весь период расчетов принимается действующая в настоящее время ставка рефинансирования – 8,25 %, от которой зависит величина субсидий по уплачиваемым процентам за кредит.

В первый год работы кооперативного рынка планируются инфляции в соответствие с реальным ростом цен на продовольствие, производственных издержек, зарплаты. В последующем цель кооперативов – сохранить сущест-

вующие цены на продовольствие, при этом максимально соблюдая интересы членов кооперативов – ЛПХ населения, К(Ф)Х, предприятий. То есть закупочные цены и цены реализации будут расти ровно в той мере, чтобы кооперативный рынок окупал себя, не стремясь к получению сверхприбыли.

Налогообложение будет осуществляться по упрощенной системе. Для этого обслуживающие кооперативы, ведущие бухгалтерский учет в них, должны следить за объемами реализации, чтобы те соответствовали величине выручки, допустимой для работы кооперативов на упрощенной системе налогообложения. В противном случае (при превышении выручки) будут созданы дополнительные кооперативы. Кооператив второго уровня – собственно рынок – взимает с кооперативов, торгующих на рынке, арендную плату, необходимую и достаточную для оплаты прямых и общехозяйственных расходов рынка. Его финансово-хозяйственная деятельность планируется таким образом, чтобы прибыль была нулевой (или минимальной). Таким образом, кооператив второго уровня также функционирует на упрощенной системе налогообложения. Учетной политикой кооперативов всех уровней базой для целей налогообложения принимаются доходы, уменьшенные на величину расходов. Ставка налогообложения – 15 %.

Список продуктов, рассматриваемых в составленном бизнес-плане, включает: молоко, творог, сливочное масло, сметану, мясо свиней, овец и крупного рогатого скота, мясо птицы, яйца, овощи, фрукты, ягоды, прочую продукцию. Реализация овощей и цены на овощи планируются по-разному (в летний и осенне-зимне-весенний периоды).

Инвестиционные затраты кооперативного рынка составят:

– изготовление проектно-сметной документации – 2,4 млн руб.;

– строительство торгового павильона – 50 млн руб.;

– приобретение и устройство грузовых лифтов и эскалаторов – 2,1 млн руб.;

– строительство электроподстанции – 10,5 млн руб.;

– покупка холодильного оборудования – 13,5 млн руб.;

– обустройство торговых мест (прилавки, коммуникации) – 3,5 млн руб.;

– прочие затраты организационного периода – 0,3 млн руб.

Если в системе розничной торговли средняя торговая наценка составляет 20 % и она образует прибыль торговой организации, то на сельскохозяйственном кооперативном рынке такая наценка стремится к минимуму. Цены рынка отличаются от среднерыночных незначительно – на 3–5 %, поэтому минимальная наценка позволяет поднять закупочные цены для членов кооператива. Таким образом, организация рынка будет способствовать развитию производства в малых формах бизнеса, так как закупочные цены будут значительно повышать порог рентабельности сельхозтоваропроизводителей.

Закупочные цены на продукцию, реализуемую нечленами кооператива, ниже на 10–12 %. Это будет стимулировать ЛПХ, К(Ф)Х и индивидуальных предпринимателей, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции, вступать в сбытовые кооперативы.

В процессе детальных расчетов по бизнес-плану определены следующие показатели проекта организации сельскохозяйственного кооперативного рынка за пять лет (табл. 1).

Таблица 1

Показатели эффективности организации
сельскохозяйственного кооперативного рынка за 2013–2017 гг.

Показатель	**Значение**
Общая стоимость проекта	118,9 млн руб.
Требуемые финансовые ресурсы:	98,9 млн руб.
в том числе: собственные средства пайщиков	3,9 млн руб.
заемные средства (кредит)	80 млн руб.
Стоимость имущества пайщиков	20 млн руб.
Окупаемость проекта	45 месяцев
Чистая дисконтированная стоимость	32,4 млн руб.
Средняя норма рентабельности по проекту	26,77 %
Внутренняя норма доходности проекта	13,01 %
Темпы инфляции по реализуемой продукции	Не более 5 % в год

Организация сельскохозяйственного кооперативного рынка призвана решить еще одну важную функцию – способствовать формированию положительного имиджа продукции малых форм хозяйствования путем создания единой торговой марки. В настоящее время активизирован процесс унификации сельскохозяйственной продукции путем присвоения торговых марок. По существу, торговая марка – обещание продавца постоянно предоставлять покупателю специфический набор качеств, ценностей и услуг [6]. Лучшие марки гарантируют качество. Они представляют собой комплексные шестиуровневые символы, среди которых:

1) характеристики. К ним мы относим ассоциации потребителя с определенным продуктом (например, «Деревенские продукты» – это мясная и молочная продукция ИП Тоцкого, «Аленушка» – кисломолочная продукция ИП Патрина, «Зареченский продукт» – овощи, ягоды и консервы из них ИП Ковальского);

2) выгоды. Торговая марка указывает на то, что потребитель получает не только продукцию с определенным набором характеристик, но и функциональные и (или) эмоциональные блага (надежную упаковку, высокие вкусовые качества продукции, отмеченные дипломами и знаками региональных и федеральных специализированных конкурсов и выставок сельскохозяйственной продукции);

3) ценности. Торговая марка отражает систему ценностей фермеров, которые стремятся к высокотехнологичному, экологически чистому производству, гарантирующему безопасность жизни и здоровья покупателям;

4) культура. Торговая марка свидетельствует о культуре фермерского производства (организованность поставок, возможность сохранения потребительских качеств выпускаемой продукции в течение гарантийного срока, состав продукции с минимальным набором консервантов или их полным отсутствием);

5) индивидуальность. Продукция одного фермерского хозяйства отличается в части свойств от продукции конкурентов;

6) потребитель. Производство товаров под одной торговой маркой ориентируется на определенный тип покупателя [7].

На наш взгляд, нецелесообразно и нерационально присваивать торговые марки продукции каждого фермерского хозяйства. В то же время возможно создание единого бренда сельскохозяйственного кооперативного рынка, например «Сурский фермер». Алгоритм получения возможности использования бренда при реализации своей продукции предложен на рис. 3.

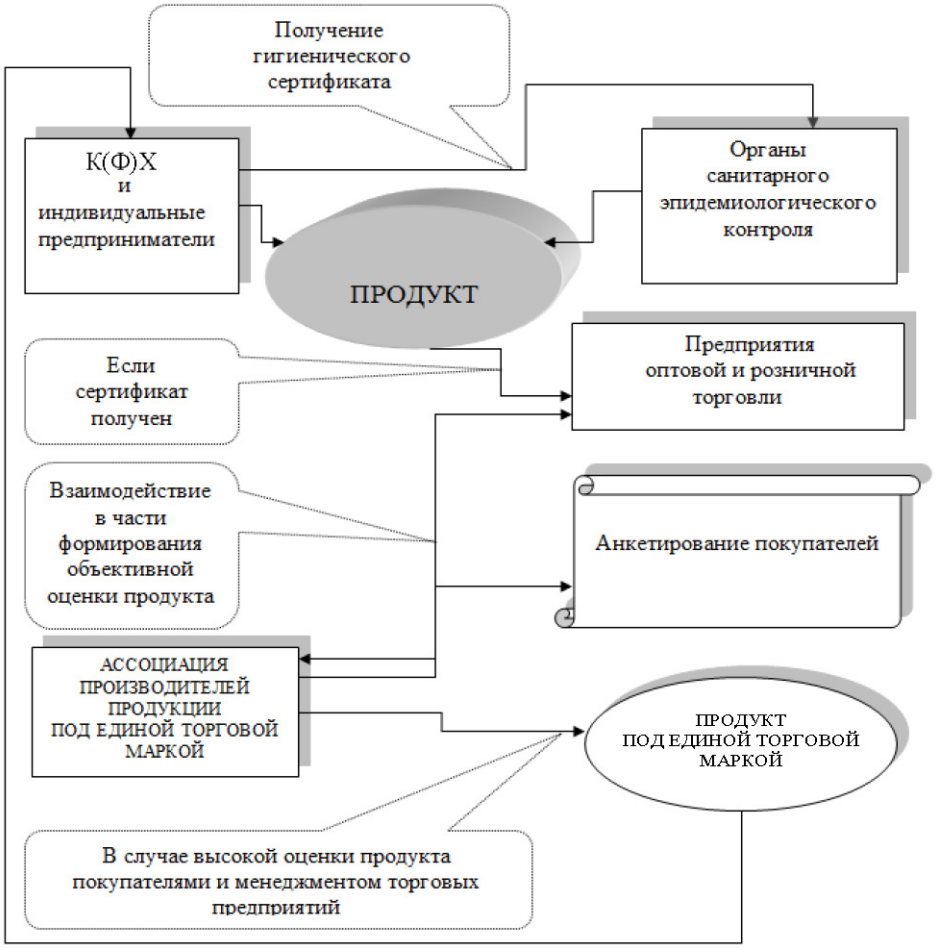


Рис. 3. Алгоритм производства продукции под единой маркой

На современном этапе развития мелкого сельскохозяйственного производства предоставление торговой марки членам кооперативов, реализующим продукцию на сельскохозяйственном кооперативном рынке, должно быть бесплатным, а ее разработка и продвижение должны осуществляться в рамках региональной поддержки аграрного сектора экономики.

Так как срок жизни торговой марки может значительно превышать жизненный цикл товаров и самих сельхозтоваропроизводителей, что особенно актуально в настоящее время, то его можно отнести к основному фирменному активу сельскохозяйственного кооперативного рынка.

Отметим, что торговая марка отражает лояльность определенной группы покупателей, т.е. основой марочного капитала является потребительский капитал. В связи с этим независимо от количества новых членов кооперати-

вов и продуктов, поставляемых ими на рынок за счет уже имеющихся товаров, можно формировать долгосрочную стоимость покупательской лояльности, или, другими словами, управлять маркой.

Проблемой малого предпринимательства является не только отсутствие денежных средств на создание высокотехнологичного производства, но и невозможность присоединения к имеющимся каналам сбыта с аналогичной выпускаемой продукцией. Это связано с тем, что оптовые и розничные продавцы предпочитают работать с крупными торговыми марками производителей, которые облегчают обращение с товарами, гарантируют определенный стандарт качества, усиливают предпочтения покупателей и упрощают идентификацию поставщиков. Использование единой товарной марки и участие в качестве членов кооперативов, являющихся пайщиками сельскохозяйственного кооперативного рынка, позволит фермерам воспользоваться уже имеющимся каналом сбыта, в целом снизив издержки на реализацию.

Список литературы

1. Закон РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-I «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 23.04.2012 г. № 37-ФЗ).
2. Федеральный закон «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30 декабря 2006 года № 271-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 01.07.2011 № 169-ФЗ).
3. Постановление Правительства РФ от от 19.05.2007 г. № 297 «Об утверждении перечня сельскохозяйственной продукции, продажа которой осуществляется на сельскохозяйственном рынке и сельскохозяйственном кооперативном рынке».
4. **Казаченко, О. В.** Динамика развития личных подсобных хозяйств населения Пензенской области / О. В. Казаченко, Г. В. Пронина // Экономика и менеджмент в XXI веке : сб. ст. международ. науч.-практ. конф. – Пенза, 2012. – С. 69–77.
5. **Лисин, М. Н.** Тенденции развития малого агробизнеса в Пензенской области / М. Н. Лисин // Экономика и менеджмент в XXI веке : сб. ст. V Международ. науч.-практ. конф. / под ред. В. Д. Дорофеева, Ю. Ю. Частухиной. – Пенза : ИП Тугушев С. Ю., 2012. – С. 123–126.
6. **Петраиева, Г. А.** Кооперация и агропромышленная интеграция АПК / Г. А. Петраиева [и др.]. – М. : КолосС, 2005.
7. Развитие системы сельскохозяйственной потребительской кооперации на региональном уровне : моногр. / под общ. ред. И. В. Палаткина, А. А. Кудрявцева. – Пенза, 2011.

References

1. Zakon RF ot 19 iyunya 1992 g. № 3085-I «O potrebitel'skoy kooperatsii (potrebitel'skikh obshchestvakh, ikh soyuzakh) v Rossiyskoy Federatsii» (s izmeneniyami i dopolneniyami ot 23.04.2012 g. № 37-FZ).
2. Federal'nyy zakon «O roznichnykh rynkakh i o vnesenii izmeneniy v Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii» ot 30 dekabrya 2006 goda № 271-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami ot 01.07.2011 № 169-FZ).
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot ot 19.05.2007 g. № 297 «Ob utverzhdenii perechnya sel'skokhozyaystvennoy produktsii, prodazha kotoroy osushchestvlyaetsya na sel'skokhozyaystvennom rynke i sel'skokhozyaystvennom kooperativnom rynke».
4. **Kazachenko, O. V.** Dinamika razvitiya lichnykh podsobnykh khozyaystv naseleniya Penzenskoy oblasti / O. V. Kazachenko, G. V. Pronina // Ekonomika i menedzhment v KhKhI veke : sb. st. mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. – Penza, 2012. – S. 69–77.

5. **Lisin, M. N.** Tendentsii razvitiya malogo agrobiznesa v Penzenskoy oblasti / M. N. Lisin // Ekonomika i menedzhment v XXI veke : sb. st. V Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. / pod red. V. D. Dorofeeva, Yu. Yu. Chastukhinoy. – Penza : IP Tugushev S. Yu., 2012. – S. 123–126.
6. **Petraieva, G. A.** Kooperatsiya i agropromyshlennaya integratsiya APK / G. A. Petraieva [i dr.]. – M. : KolosS, 2005.
7. Razvitie sistemy sel'skokhozyaystvennoy potrebitel'skoy kooperatsii na regional'nom urovne : monogr. / pod obshch. red. I. V. Palatkina, A. A. Kudryavtseva. – Penza, 2011.

Бахтеев Юсеф Джафярович
доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: bachteev63@mail.ru

Bakhteev Yusef Dzhafyarovich
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of management, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

Частухина Юлия Юрьевна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра менеджмента, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: chastuhina@mail.ru

Chastukhina Yuliya Yur'evna
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of management, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

Казаченко Ольга Владимировна
аспирант, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: olga.wl.k.1507@mail.ru

Kazachenko Ol'ga Vladimirovna
Postgraduate student, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 338.246.2
Бахтеев, Ю. Д.
Формирование и развитие системы сельскохозяйственных кооперативных рынков как направление развития малого бизнеса на селе и повышения его конкурентоспособности / Ю. Д. Бахтеев, Ю. Ю. Частухина, О. В. Казаченко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 117–125.

УДК 339.138

Е. А. Неретина, А. Б. Макарец

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАРКЕТИНГА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ВУЗА

Аннотация. В статье проведено обоснование возможностей и ограничений использования российскими вузами маркетинга в социальных медиа (Social Media Marketing) для продвижения образовательных услуг, а также обобщен сравнительно небольшой опыт их использования в России.

Ключевые слова: маркетинг, социальные медиа, маркетинг в социальных медиа, образовательные услуги, потребители, клиенты, продвижение, ограничения, социальные сети, сообщества, отношения.

E. A. Neretina, A. B. Makarets

POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF USING MARKETING IN SOCIAL MEDIA FOR UNIVERSITY'S EDUCATIONAL SERVICES PROMOTION

Abstract. The article substantiates the opportunities and limitations of using marketing in social media by Russian universities for promotion of educational services. The authors summarize experience of its application.

Key words: marketing, Social Media, Social Media Marketing, SMM, educational services, customers, clienteles, promotion, contingencies, Social Networks, community, relations.

В современном маркетинге важная роль отводится концепции общественного интереса, акцентирующей внимание на социальных и культурных аспектах взаимодействия людей. Неслучайно Скот Макнили назвал современную эпоху эрой участия, а Филипп Котлер – эрой творческого общества и духовного маркетинга [1, с. 21].

В настоящее время социальные медиа становятся неотъемлемой частью жизни общества. Понятие «*социальные медиа*» определяется как сервис для обмена информацией и ведения дискуссий. «Социальные сети» также характеризуют как среду, где пользователи создают сообщества по интересам с целью общения. «Всемирная паутина» инициировала образование в своей среде специфических сообществ пользователей Интернетом, которых объединяют схожие интересы в сети. На сегодняшний день таких сообществ по всему миру насчитывается огромное множество, а их членами являются десятки и сотни миллионов людей.

Коммуникационный потенциал социальных медиа как удобной платформы практической реализации концепций маркетинга взаимоотношений привел к появлению нового направления в маркетинге – Social Media Marketing (SMM), которое определяют как формирование общественного мнения и продвижение брендов, товаров и услуг и в социальных сетях, блогах, на форумах, в тематических сообществах, на сервисах медиаконтента, в том числе с использованием технологий скрытого, партизанского и вирусного маркетинга. Как правило, он проводится не на собственном интернет-

портале, а на сторонних ресурсах Веб 2.0. Основная задача SMM состоит в привлечении внимания к собственному бренду пользователей социальных сетей посредством ненавязчивого размещения в них информации о своих товарах и услугах.

Социальные медиа позволяют выстраивать долгосрочные отношения с потребителями, формировать системы лояльности клиентов, управлять репутацией компании, повышать объемы продаж и решать многие другие задачи бизнеса. Первоначально ресурсы социальных медиа стали использовать компании, работающие на B-2-C рынках, сегодня, по мнению экспертов, они начинают играть большую роль на B-2-B рынках и в сфере услуг.

Значительный потенциал использования маркетинга в социальных медиа (Social Media Marketing, SMM) имеется в области продвижения образовательных услуг высших учебных заведений. Потребители образовательных услуг все чаще используют социальные медиа для того, чтобы получить сервисное обслуживание вместо традиционных каналов, таких как телефон и электронная почта. Такая форма коммуникации инициирована молодым поколением, которому удобно решать проблемы, искать информацию и озвучивать жалобы, не выходя из своей виртуальной среды обитания. Молодые люди обращаются в социальные сети за поддержкой и ожидают ответной реакции. Следует отметить более высокую эффективность и восприимчивость коммуникационного воздействия на современное поколение молодежи посредством новых телекоммуникационных технологий в силу его естественного отношения к новой технологической реальности в эпоху глобальных коммуникаций. В этой связи К. Новосельский отмечает: «…носителями и “промоутерами” новых технологий в большинстве случаев оказываются не обучающие, а обучаемые! Достаточно понаблюдать, как медленно и с каким противодействием среднее и старшее поколение воспринимает неизбежные переходы – от бумажных книг (писем, газет, авиабилетов, денег и т.д.) к электронным, от стационарных телефонов к мобильным, от стабильной работы к фрилансерской» [2, с. 157]. Известный зарубежный маркетолог Исса Савабини дает следующую характеристику влияния современных телекоммуникационных технологий на студентов: «…бесконечный мир всегда находится с ними – внутри их гаджета. Это является неотъемлемой частью их жизни, как процесс дыхания. Именно так они связаны с гиперсоциальной средой, общаются со своими друзьями, познают окружающий мир – Web всегда с ними. Эти молодые люди оперативно получают ответы на все вопросы. Если есть вопрос – ответ внутри их гаджета. Им не нужно идти в библиотеку. Во «Всемирной паутине» они смогут найти все, что им заблагорассудится…» [3].

Исследование Мэтта Сильвермана в области использования социальных медиа американскими и английскими университетами в период 2008–2011 гг. [4], рейтинги университетов ТОП-20 (от USA Today [5]) и ТОП-100 (от StudentAdvisor [6]) позволяют сделать вывод о том, что зарубежные высшие учебные заведения активно применяют маркетинг в социальных медиа, в полной мере мобилизуя потенциал современных новшеств.

Использование социальных сетей намного облегчает решение задач в области маркетинга образовательных услуг, так как вся многомиллионная аудитория разбивается на сообщества по интересам, где четко прослежива-

ются целевые сегменты. Продвижение образовательных услуг в социальных сетях позволяет точечно воздействовать на целевую аудиторию, выбирать площадки, где эта аудитория представлена и наиболее подходящие способы коммуникации с ней. SMM может развиваться по целому ряду направлений, представленных на рис. 1.

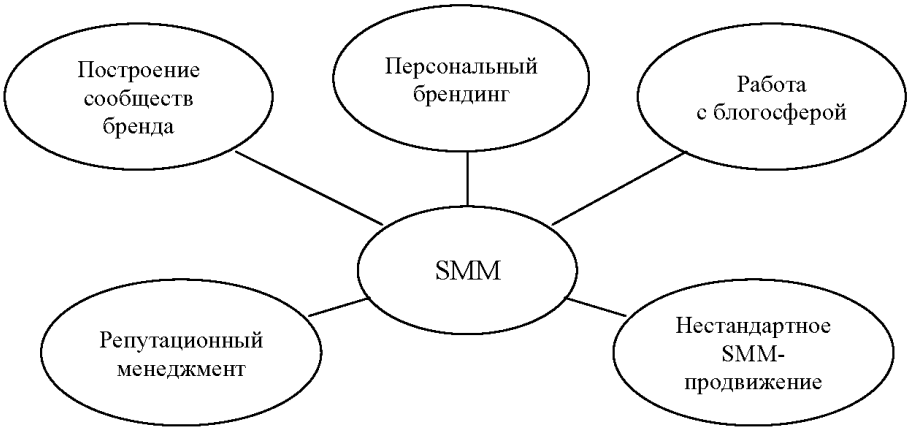


Рис. 1. Направления развития маркетинга в социальных медиа (SMM)

Следовательно, для практической работы по продвижению образовательных услуг вуза необходимо сделать подборку конкретных сообществ (или организовать их) и работать с ними по представленным на рис. 1 направлениям для продвижения образовательных услуг вуза.

SMM образовательных услуг включает в себя комплекс действий, направленных на решение следующих задач:

– отслеживание в социальных сетях положительных и отрицательных откликов и, соответственно, поощрение первых и нивелирование вторых;

– управление рекомендациями и мнениями целевой аудитории, корректировка нежелательных стереотипов;

– осуществление конкурсов и (или) акций, целями которых является оповещение целевой аудитории о новых образовательных услугах или направлениях деятельности вуза, увеличение известности бренда;

– повышение лояльности целевой аудитории к вузовскому бренду;

– налаживание обратной связи с потребителями для улучшения образовательных услуг и (или) условий образовательного процесса;

– увеличение посещаемости вузовского интернет-портала.

Решение этих задач должно осуществляться на принципах честности, открытости и прозрачности со стороны вуза, прямого общения с пользователями и желания услышать их.

К основным типам социальных медиа, используемых в настоящее время отечественными высшими учебными заведениями, относятся:

1. Общетематические контактные социальные сети (Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники», «МойМир», сеть профессиональных контактов «МойКруг»). Число пользователей крупнейшей социальной сети Facebook, которые как минимум ежемесячно заходят на сайт, 4 октября 2012 г. достигло 1 млрд. Если бы Facebook был страной, то она заняла бы третье

по численности населения место в мире. Facebook был впервые использован студентами Гарварда, а в настоящее время используется всеми возрастными группами населения. Средний возраст пользователей составляет 35 лет и старше. Суточная активная аудитория в сентябре 2012 г. составила 572 млн человек – столько пользователей фиксируется следящей сетью Facebook ежедневно. Около 500 млн человек в месяц используют мобильное приложение Facebook.

В России Facebook активно используется с 2008 г., но значительно уступает по месячной аудитории (согласно данным TNS Web Index) аналогичным местным сервисам, таким как «ВКонтакте», «Одноклассники» и «МойМир». Около 89 % российских интернет-пользователей имеют аккаунты в социальных сетях. По данным на середину октября 2012 г., количество активных аккаунтов в социальной сети «Одноклассники» (прошедших подтверждение через мобильный телефон) превысило 70 млн человек. Число активных пользователей «ВКонтакте» составляет более 120 млн. По данным на сентябрь 2012 г.[1], ежедневная аудитория «ВКонтакте» – около 38 млн человек, и именно площадка данной социальной сети является наиболее осваиваемой высшими учебными заведениями. Большинство российских вузов уже имеют в Facebook, «ВКонтакте» и Twitter официальные страницы или неофициальные тематические страницы (рис. 2). В качестве примера представлены официальные страницы Московского университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ) в Facebook, «ВКонтакте» и Twitter (рис. 3).

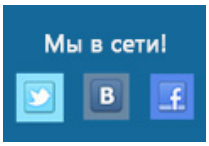


Рис. 2. Ссылки на официальные страницы вузов
в социальных сетях

Рис. 3. Официальные страницы Московского университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ) в Facebook, «ВКонтакте» и Twitter

С 2012 г. в официальных отечественных рейтингах вузовских сайтов стало учитываться наличие официальных страничек высших учебных заведений в социальных сетях.

[1] Википедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%CA%EE%ED%F2%E0%EA%F2%E5

2. Специализированные образовательные социальные сети. К данному типу можно отнести такие всероссийские сети, как Федеральная социальная сеть работников образования «Наша сеть» (http://nsportal.ru/), Всероссийская школьная образовательная социальная сеть «Дневник.ру» (http://dnevnik.ru/), инфосистема для поступающих в вузы по результатам ЕГЭ «ЕГЭметр» (http://www.egemetr.ru). Из проектов содействия международной мобильности студентов следует отметить «Первую социальную сеть франко-российских образовательных программ» (http://www.unifr.org/).

Многие российские университеты на базе своих интернет-порталов реализуют подсистемы социальных сервисов. Примером может служить проект создания социальной сети Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Он выполнен в рамках научно-исследовательской работы по внедрению программных продуктов серии IBM Connections (промышленная платформа для создания корпоративных социальных сетей) в интернет-портал Новгородского государственного университета и введен в эксплуатацию весной 2012 г. Потребность в данном проекте была инициирована самими пользователями, которым стали необходимы новые социальные сервисы, широко используемые в публичных социальных сетях (сообщества, вики, форумы, совместная работа, закладки и др.). Разработчики считают, что, используя различные социальные приложения, можно улучшить условия работы и учебы, повысить качество и эффективность образования и научных исследований. Кроме того, наличие университетской социальной сети является дополнительным аргументом в пользу выбора для абитуриентов, так как современные школьники активно используют публичные социальные сети. Поступив в университет, они смогут комфортно работать с социальными сервисами в процессе обучения в вузе.

В ряду успешных проектов по созданию региональных специализированных социальных сетей стоит разработка Томского университета систем управления и радиоэлектроники «Мой ТУСУР» – социальной сети для школьников Томской области и соседних регионов, а также студентов, выпускников, сотрудников, преподавателей и всех, кто причастен к жизни университета[1].

Особый интерес представляет опыт продвижения образовательных услуг в социальных медиа Казанского (Приволжского) федерального университета. В апреле 2010 г. была запущена региональная социально-образовательная сеть для школьников «Буду студентом!». Цель проекта – выявление наиболее способных школьников региона, привлечение их к исследовательской работе на более ранних этапах, ориентирование школьников на поступление именно в Казанский (Приволжский) федеральный университет. Внутри сети школьникам доступны следующие сервисы:

– тематические форумы по интересам, которые ведут преподаватели университета. На этих форумах рассказывается о факультетах, ведется обсуждение по различной тематике (аналоги кружков);

– тестирование по предметам ЕГЭ и задачам интернет-олимпиад. Этот сервис позволяет школьникам оценить свои способности, а создателям сети отслеживать наиболее талантливых учеников для индивидуальной работы с ними. Таким образом, формируется портфолио школьников;

[1] Социальная сеть «Мой ТУСУР». – URL: http://my.tusur.ru

– психологическое профориентационное тестирование. Оно помогает школьникам и их родителям выбрать наиболее подходящий профиль обучения;

– блоги преподавателей.

Помимо перечисленных сервисов, сеть позволит информировать о событиях и мероприятиях, предназначенных для школьников [7, с. 493].

3. Блогосфера (микроблоги, коллективные и персональные блоги, автономные блоги – Twitter, «Живой Журнал», LiveInternet, Blogs@Mail.ru, «Гайдпарк» и др.) представляет собой сообщество людей, ведущих блоги. Блог-площадки, являясь бесплатными интернет-сервисами для дневников и блогов, предоставляют пользователям возможность настраивать доступ к своему блогу, хранить фотографии, пользоваться инструментами публикации. Блогеры – это, как правило, социально активные люди, проживающие в разных странах и проявляющие интерес к самым различным темам. Среди владельцев дневников выделяют лидеров мнений (*option leaders*) – людей, влияющих на свое окружение.

Актуальным для вузов является научное академическое сообщество в блогосфере. Концепция «академического блога» зародилась в США и сейчас постепенно распространяется по академическим сообществам других стран. Академическая блогосфера за рубежом определяется термином «невидимый колледж», и количество научных и образовательных блогов в настоящее время измеряется десятками тысяч.

Микроблоги являются разновидностью традиционных блогов, и самым популярным является Twitter (от англ. *twit* – «щебетать», «болтать»). Он представляет социальный сервис из системы микроблогов, позволяющий пользователям отправлять короткие текстовые заметки, причем отправляются они не конкретному человеку, а всем людям, которые желают принимать эти сообщения. Согласно данным Semiocast – французской компании, исследующей аудиторию мировых социальных медиа, на 1 августа 2012 г. насчитывалось 517 млн пользователей Twitter во всем мире, из них 140 млн в США [8]. К услугам данного микроблога прибегают и около 5 млн россиян. Свою страничку в «Твиттере» имеет премьер-министр РФ Д. А. Медведев, активным участником сообщества является министр образования и науки РФ Дмитрий Ливанов[1]. В настоящее время Twitter-площадка активно используется многими отечественными вузами (см. рис. 2, 3).

Для отечественной практики в маркетинге образовательных услуг более характерно использование вузами автономных блогов (*standalone*) – блогов, которые ведутся представителями администрации вуза (в том числе ректорами), программное обеспечение и содержимое которых находится на вузовском интернет-портале и под управлением его владельца. Это позволяет вузам более оперативно и эффективно работать с информацией в процессе взаимодействия с профессиональным сообществом, коллегами, студентами и абитуриентами.

4. Социальные сервисы медиаконтента (видеосайты YouTube, RuTube, Видео@mail, сервис подкастов[2] Smotri, фотосервисы «Яндекс.Фотки», Picasa,

[1] Аккаунт в «Твиттере» Дмитрия Ливанова. – URL: https://twitter.com/Dmitry Livanov

[2] Звуковые или видеофайлы в стиле радио и телепередач в Интернете (вещание в Интернете).

Flikr) также активно используются отечественными университетами. Так, на YouTube по запросу «НИЯУ МИФИ» выдается наличие 1500 тематических видеоматериалов – от официальных рекламных материалов, видеорепортажей с мероприятий университета, цикл профориентационных промороликов с опытами по физике и химии, видеолекции университетских преподавателей и визитирующих зарубежных профессоров, а также видео студенческой общественной жизни. На данном социальном ресурсе пользуются популярностью видеоматериалы-интервью с ректорами ведущих отечественных университетов, в том числе записи выпусков телепрограммы «Слово ректора». Руководители высших учебных заведений активно используют возможности этой информационной площадки, позволяющей рассказать о своем вузе, донести до многочисленной аудитории свое мнение, проекты, новости и видение проблем, связанных с развитием высшего образования и науки.

Кроме того, в рамках SMM также могут быть использованы такие площадки социальных медиа, как различные форумные среды (одна из старейших форм социальных медиа), сервисы социальных новостей (News2, SMI2, Vaau, Pisali, Digg), геосоциальные сервисы, сервисы вопросов-ответов («Ответы Google», «Ответы Mail»), сервисы социальных закладок (Memori, «БобрДобр», MoeMesto, MisterWong) и, безусловно, среда Wiki как площадка свободного обучения в Интернете.

Репутация компании в значительной мере зависит от того информационного поля, которое сформировалось вокруг нее. Вузы должны отслеживать информацию, которая распространяется в социальных сетях, оценивать ее и своевременно принимать корректирующие или поддерживающие действия. В рамках репутационного менеджмента вузы также могут использовать персональный брендинг, касающийся особенно их руководства (ректор, проректоры, деканы факультетов), а также известных ученых и педагогов [9, с. 177].

Безусловно, маркетинг в социальных медиа должен быть неразрывной составной частью стратегии развития вуза. Креативные коммуникации в социальных медиа не должны быть экспромтом. SMM требует четкой постановки целей и задач, а также оценки эффективности проводимых мероприятий. Вузы, желающие эффективно использовать SMM, должны прежде всего понять, почему пользователи социальных сетей должны заинтересоваться их брендом, их маркетинговыми мероприятиями и их образовательными услугами.

Принимая решения об использовании маркетинга в социальных медиа, руководству вуза необходимо также иметь представление не только о возможностях, которые открываются перед ними при внедрении SMM (вирусная природа, экономичность, эффективность, повышение доверия потребителей образовательных услуг и др.), но и об ограничениях в его использовании. SMM дают возможность собрать многомиллионную аудиторию пользователей и тем самым обеспечить, на первый взгляд, дешевизну маркетинговых коммуникаций. Однако не следует при этом забывать, что SMM – это не столько затраты денежных средств, сколько времени. Систематический мониторинг ситуаций в социальной сети требует много времени.

Внедрение SMM – это долговременный процесс выстраивания отношений с потребителями на тех сайтах и сервисах, где они находятся. Специалисты вуза должны постоянно создавать качественный информационный контент и быть активной частью сообщества социальной сети. Реальная практика

свидетельствует о том, что компании, как правило, получают отдачу от SMM лишь через несколько месяцев или даже через год. К тому же существенным сдерживающим фактором для российских компаний и вузов является отсутствие специалистов в области SMM. По мнению экспертов и специалистов кадровых агентств, в России едва ли найдется хотя бы 300 высококвалифицированных маркетологов, занимающихся SMM, а исследования Headhanter[1] показывают, что только в Москве за два последних года количество вакансий SMM-специалистов возросло в 20 раз. Отечественные вузы пока не осуществляют подготовку специалистов данного профиля.

В качестве ограничивающего фактора нередко выступает сложность внедрения SMM. Фактически же реализация SMM не является сложным процессом при соответствующей подготовке. Главной проблемой при ее разработке является изменение характера взаимодействия с клиентами. Вуз должен перейти к персонифицированным отношениям с потребителями образовательных услуг, предусматривающими прямое общение и эффективную обратную связь. К тому же сам потребитель должен рассматриваться как личность, индивидуальность.

Безусловно, маркетинг в социальных медиа с точки зрения компании, функционирующей в сфере бизнеса, должен приносить доход и возврат на инвестиции (ROI). Однако на данном этапе развития Интернета оценить финансовые результаты проведения маркетинговых компаний в социальных медиа невозможно. Вуз как некоммерческая организация не ориентирован на получение прибыли, поэтому он может использовать другие, качественные метрики (например, в виде подходов, представленных в работе [10]) для оценки результативности SMM: мнения о бренде, его узнаваемость, удовлетворенность потребителей образовательными услугами, их лояльность, желание клиентов активно участвовать в его делах и отстаивать интересы вуза в социальном окружении.

Таким образом, маркетинг в социальных медиа – относительно новое направление налаживания вузами России коммуникаций с потребителями образовательных услуг. Оно открывает перед ними принципиально новые возможности для двустороннего взаимодействия с потребителями и обеспечения быстрой обратной связи. В то же время при принятии решения о внедрении SMM руководство вуза должно учитывать ограничения и возможные риски, связанные с этой сферой деятельности.

Список литературы

1. **Котлер, Ф.** Маркетинг 3:0: от продуктов к потребителям и далее – к человеческой душе / Ф. Котлер. – М. : Эксмо, 2011. – 240 с.
2. **Новосельцев, К. И.** Мировые университеты в эпоху глобальных коммуникаций / К. И. Новосельцев // Известия УрГЭУ. – 2008. – № 3 (22). – С. 156–159.
3. **Sawabini, Issa.** College Students Expect Novelty from Mobile Marketers. August 24, 2012 / Issa Sawabini. – URL: http://www.emarketer.com/Article.aspx?R =1007936
4. **Silverman, Matt.** How Higher Education Uses Social Media [INFOGRAPHIC] February 3, 2012 / Matt Silverman. – URL: http://mashable.com/ 2012/02/03/higher-education-social-media/
5. 20 colleges making good use of social media. June 27, 2011. – URL: http://www.usatodayeducate.com/staging/index.php/the-20-colleges-making-the-best-use-of-social-media

[1] Интернет-портал «Работа и вакансии». – URL: http://hh.ru/

6. **Tsouvalas, Dean.** Top-100 Social media colleges / Dean Tsouvalas. – URL: http://www.studentadvisor.com/top-100-social-media-colleges
7. **Последова, Г. Р.** Социально-образовательная сеть Казанского университета «Буду студентом!» для школьников / Г. Р. Последова, М. Ф. Насрутдинов // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции – RCDL 2011 : тр. 12 Всерос. науч. конф. (Казань, 13–17 октября 2011 г.). – Казань, 2011. – С. 492–493.
8. Twitter reaches half a billion accounts, more than 140 millions in the U.S. July 30, 2012. – URL: http://semiocast.com/publications/2012_07_30_Twitter_reach es_half_a_ billion_accounts_140m_in_the_US
9. **Неретина, Е. А.** Имидж вуза в системе продвижения образовательных услуг / Е. А. Неретина, А. Б. Макарец // Маркетинг и общество : сб. ст. III Международ. науч.-практ. конф. 15–16 мая 2008 г. – Казань : Изд-во КГФЭИ, 2008. – С. 176–179.
10. **Макарец, А. Б.** Методика оценки качества маркетинговых коммуникаций вузовских веб-сайтов / А. Б. Макарец // Открытое образование. – 2009. – № 4. – С. 46–57.

References

1. **Kotler, F.** Marketing 3:0: ot produktov k potrebitelyam i dalee – k chelovecheskoy dushe / F. Kotler. – M. : Eksmo, 2011. – 240 s.
2. **Novosel'tsev, K. I.** Mirovye universitety v epokhu global'nykh kommunikatsiy / K. I. Novosel'tsev // Izvestiya UrGEU. – 2008. – № 3 (22). – S. 156–159.
3. **Sawabini, Issa.** College Students Expect Novelty from Mobile Marketers. August 24, 2012 / Issa Sawabini. – URL: http://www.emarketer.com/Article.aspx?R =1007936
4. **Silverman, Matt.** How Higher Education Uses Social Media [INFOGRAPHIC] February 3, 2012 / Matt Silverman. – URL: http://mashable.com/ 2012/02/03/higher-education-social-media/
5. 20 colleges making good use of social media. June 27, 2011. – URL: http://www.usatodayeducate.com/staging/index.php/the-20-colleges-making-the-best-use-of-social-media
6. **Tsouvalas, Dean.** Top-100 Social media colleges / Dean Tsouvalas. – URL: http://www.studentadvisor.com/top-100-social-media-colleges
7. **Posledova, G. R.** Sotsial'no-obrazovatel'naya set' Kazanskogo universiteta «Budu studentom!» dlya shkol'nikov / G. R. Posledova, M. F. Nasrutdinov // Elektronnye biblioteki: perspektivnye metody i tekhnologii, elektronnye kollektsii – RCDL 2011 : tr. 12 Vseros. nauch. konf. (Kazan', 13–17 oktyabrya 2011 g.). – Kazan', 2011. – S. 492–493.
8. Twitter reaches half a billion accounts, more than 140 millions in the U.S. July 30, 2012. – URL: http://semiocast.com/publications/2012_07_30_Twitter_reach es_half_a_ billion_accounts_140m_in_the_US
9. **Neretina, E. A.** Imidzh vuza v sisteme prodvizheniya obrazovatel'nykh uslug / E. A. Neretina, A. B. Makarets // Marketing i obshchestvo : sb. st. III Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. 15–16 maya 2008 g. – Kazan' : Izd-vo KGFEI, 2008. – S. 176–179.
10. **Makarets, A. B.** Metodika otsenki kachestva marketingovykh kommunikatsiy vuzovskikh veb-saytov / A. B. Makarets // Otkrytoe obrazovanie. – 2009. – № 4. – S. 46–57.

Неретина Евгения Алексеевна
доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой маркетинга,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(г. Саранск, ул. Большевистская, 68)

E-mail: ch.marketing@econom.mrsu.ru

Neretina Evgeniya Alekseevna
Doctor of economic sciences, professor,
head of sub-department of marketing,
Mordovia State University
named after N. P. Ogaryov
(Saransk, 68 Bolshevistskaya str.)

Макарец Андрей Бронеславович
старший преподаватель, кафедра прикладной информатики, Саровский физико-технический институт Научно-исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт», (Нижегородская область, г. Саров, ул. Духова, 6),
соискатель, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
(г. Саранск, ул. Большевистская, 68)

E-mail: makarets@sarfti.ru

Makarets Andrey Broneslavovich
Senior lecturer, sub-department of applied informatics, Sarov applied-physics institute, Nuclear research university «Moscow Engineering Physical Institute» (Nizhny Novgorod region, Sarov, 6 Dukhova str.),
Applicant, Mordovia State University named after N. P. Ogaryov
(Saransk, 68 Bolshevistskaya str.)

УДК 339.138

Неретина, Е. А.

Возможности и ограничения использования маркетинга в социальных медиа для продвижения образовательных услуг вуза / Е. А. Неретина, А. Б. Макарец // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 126–135.

УДК 330.45:519.8

Г. А. Резник, А. А. Малышев

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФАКТОРОВ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье освещаются методологические подходы к исследованию факторов, влияющих на устойчивость эколого-экономической системы. Выявлены принципы и обоснованы факторы внешней и внутренней среды, влияющие на устойчивость эколого-экономической системы, такие как географическое положение, природные условия, демографическая ситуация, инновации, инвестиции, экологизация производства, традиции экологической культуры. Эколого-экономическая система рассматривается как комплекс четырех подсистем (экономической, экологической, социальной, институциональной). Проанализирована устойчивость каждой из подсистем эколого-экономической системы. Усовершенствован методологический подход к исследованию устойчивости эколого-экономической системы путем включения в анализ ее функционирования институциональной подсистемы.

Ключевые слова: эколого-экономическая система; устойчивость эколого-экономической системы; факторы, влияющие на устойчивость эколого-экономической системы; методологические подходы исследования факторов, влияющих на устойчивость эколого-экономической системы.

G. A. Reznik, A. A. Malyshev

METHODOLOGICAL APPROACHES TO RESEARCH OF FACTORS OF ECOLOGICAL-ECONOMIC SYSTEM STABILITY

Abstract. The article describes methodological approaches to research of the factors influencing stability of the ecological-economic system of a region. The authors reveal the principles and substantiate the factors of the external and internal environment influencing stability of the ecological-economic system, such as: geographical location, environment, demographic situation, innovations, investments, ecologization of production, tradition of ecological culture. The ecological-economic system is considered as a complex of four subsystems (economic, ecological, social, institutional). Stability of each of subsystem of the ecological-economic system is also analyzed. The researchers have modified the methodological approach to research of stability of ecological-economic system by inclusion of an institutional subsystem in the analysis of its functioning.

Key words: ecological-economic system; stability of ecological-economic system; factors influencing stability of ecological-economic system; methodological approaches to research of factors, influencing stability of ecological-economic system.

Впервые концепция устойчивого развития была выдвинута в докладе «Пересмотр международного порядка», сделанном Римскому клубу группой ученых под руководством Я. Тинбергена в 1980 г. [1, с. 112]. В этом докладе ученые пришли к выводу, что экономическая система не может стабильно развиваться без учета интересов социальной и экологической систем. Использование традиционных экономических механизмов снижало эффективность хозяйствования на перспективу. Таким образом, возникла необходимость создания стратегии устойчивого развития.

Сегодня в литературе насчитывается более 60 определений устойчивого развития. Наиболее распространенными определениями устойчивого развития стали трактовки следующих исследователей: С. Биле и Л. Столерю [2, с. 8], Е. В. Корчагиной [3, с. 8], В. Н. Лексина и А. Н. Швецова [4, с. 19], Д. А. Мунро [5, с. 16], О. Л. Мокеевой [6, с. 3], Г. Г. Шалминой [7, с. 10] и др.

Однако наиболее распространенным до сих пор является определение, данное в докладе комиссии Г. Х. Брундтландом: «Устойчивое развитие – длительное непрерывное развитие, обеспечивающее потребности живущих сегодня людей без ущерба удовлетворению потребностей будущих поколений» [8, с. 79].

Под устойчивостью системы обычно понимают способность системы самостоятельно поддерживать равновесие между компонентами внутренней среды под влиянием внешних воздействий. Иными словами, система устойчива, если при неблагоприятных внешних условиях она способна выполнять свои функции на необходимом уровне [8, с. 88]. Такими условиями среды выступают факторы, влияющие на устойчивость эколого-экономической системы.

В экономике и экономических исследованиях фактор обычно понимается как «движущая сила экономических, производственных процессов, оказывающая влияние на результат производственной, экономической деятельности» [9, с. 195].

Имеющийся отечественный и зарубежный опыт позволяет выделить пять основных подходов к рассмотрению устойчивости эколого-экономической системы и факторов, влияющих на нее: ресурсный, технократический, геоэкологический, общефилософский и эколого-экономический.

Ресурсный подход подразумевает рассмотрение возможностей и резервов Земли в поддержании процессов социально-экономического развития человечества разнообразными видами ресурсов. В связи с этим, как правило, выделяют фактор «природные ресурсы», влияющий на экономику и окружающую среду. Данный подход был разработан в России в начале 1980-х гг. При этом следует отметить имеющуюся степень биологической регуляции, при которой имеется некоторый предел (около 1 %) самовосстановления природы в ходе воздействия на нее факторов внешней среды (деятельность человека).

Согласно технократическому подходу устойчивость эколого-экономической системы зависит от рациональности использования научно-технического прогресса, т.е. развитие научных и производительных сил человечества способствует обеспечению устойчивого развития, а научно-техническая революция является гарантией увеличения потенциала устойчивости эколого-экономической системы [10, с. 79–91]. Однако противоречие данного подхода состоит в том, что научно-технический прогресс является самостоятельным фактором, нарушающим устойчивость эколого-экономической системы.

Геоэкологический подход использует принцип единства эколого-экономической системы и противоречия целей и задач устойчивости компонентов системы. С этой точки зрения устойчивость эколого-экономической системы характеризуется на трех уровнях: глобальном, региональном и локальном [8, с. 37–63; 11, с. 48–57]. Ученые, использующие данный подход в своих исследованиях, среди факторов, определяющих устойчивость эколого-экономической системы, выделяют следующие: географическое положение, природные, демографические и экономические возможности развития.

С точки зрения общефилософского подхода взаимодействие подсистем эколого-экономической системы рассматривается с точки зрения отношения парадигмы общественного развития к природным ценностям. Именно данный подход определяет качественные показатели эколого-экономической системы [12, с. 17–30]. С этой точки зрения важнейшими факторами устойчивости являются традиции экологической культуры общества, определяющие духовно-интеллектуальный и нравственный потенциал развития эколого-экономической системы.

Наконец, эколого-экономический подход использует законы эколого-экономического равновесия, разработанные Н. Ф. Газизуллиным. Он опирается на следующие методологические предпосылки:

– становление и образование новых горизонтальных и вертикальных связей в составе эколого-экономической системы;

– переход природопользования из научного направления в неотъемлемую часть общественного производства, обеспечивающий устойчивость эколого-экономической системы;

– стремление обеспечения устойчивого развития, основанного на устойчивости природно-ресурсного потенциала [13, с. 93].

Таким образом, данный подход подразумевает экологическую устойчивость как основной фактор развития эколого-экономической системы, а природные ресурсы при этом выступают базой эффективного функционирования экономики. Среди факторов устойчивости эколого-экономической системы с точки зрения данного подхода следует выделять: рост численности населения, экологизацию продуктов развития научно-технического прогресса, обеспеченность природными ресурсами, политику в области природопользования, а также благосостояние граждан.

Используя принципы комплексности, системности и динамики в сочетании с достоинствами вышеописанных подходов к рассмотрению устойчивости эколого-экономической системы, можно выделить взаимосвязанную совокупность факторов, определяющих устойчивость эколого-экономической системы (рис. 1).

К факторам внешней среды устойчивости эколого-экономической системы можно отнести следующие, имеющие наиболее общий характер воздействия: географическое положение эколого-экономической системы, политические и духовно-нравственные ориентиры, научно-технический прогресс, особенности развития компонентов эколого-экономической системы макроуровня.

Географическое положение эколого-экономической системы предполагает положение системы относительно окружающих ее других эколого-экономических систем. Это один из важнейших факторов, который рассматривают в геоэкологической литературе. Географическое положение детерминируется как границами самой эколого-экономической системы, так и изменением развития соседних эколого-экономических систем. По степени освоенности выгод географического положения эколого-экономической системой фактор можно рассматривать с точки зрения:

1) потенциального географического положения, представляющего нереализованные возможности выгод размещения эколого-экономической системы;

2) реализованного географического положения, отражающего осуществленные и используемые эколого-экономической системой возможности расположения.

Рис. 1. Взаимодействие факторов, влияющих на устойчивость эколого-экономической системы

Сегодня в экономической литературе данному фактору уделяется мало внимания, однако, безусловно, он является эколого-экономическим ресурсом развития системы, способствующим не только обеспечению устойчивости, но и определяющим ее устойчивое развитие на перспективу. Таким образом, географическое положение эколого-экономической системы определяет направление развития и характер устойчивости эколого-экономической системы.

Другой фактор, используемый в общефилософском подходе, – политические и духовно-нравственные ориентиры. Действие этого фактора усилилось на стадии постиндустриального развития общества и было связано с его гуманизацией. Понимание необходимости изменения традиционных представлений о взаимоотношениях человека и природы, стратегии человеческого развития поставило фактор духовно-нравственных и политических ориентиров развития во главу угла обеспечения устойчивости эколого-экономической системы. Использование синергетического подхода позволяет реализовать ориентиры устойчивого развития и обеспечить устойчивость эколого-экономической системы через систему политических установок, экологизацию и гуманизацию культурного и нравственного сознания общества. Главными инструментами такого воздействия являются политические, общественные и образовательные инициативы, а также программы развития.

Научно-технический прогресс широко используется как фактор устойчивости эколого-экономической системы в технократическом подходе. Он способствует экологизации производства, созданию малоотходных и ресурсосберегающих техники и технологии. Однако важно не только исполь-

зование и внедрение НТП в хозяйственную деятельность человека, но и прогнозирование результатов антропогенного воздействия на устойчивость эколого-экономической системы. При рассмотрении влияния воздействия научно-технического прогресса на устойчивость эколого-экономической системы важно понимать отличие его от научно-технической революции, которая осуществляет переход эколого-экономической системы в новое состояние. Таким образом, если научно-технический прогресс способствует освоению возможностей устойчивости эколого-экономической системы на определенном уровне технического и технологического развития, то научно-техническая революция является фактором устойчивого развития системы, осуществляя эволюционный переход системы в качественно новое состояние.

К особенностям развития компонентов эколого-экономической системы макроуровня относятся только те характерные черты, которые непосредственно влияют на устойчивость эколого-экономической системы менее крупного ранга (мезо- и микроуровня). К основным компонентам эколого-экономической системы относят экологическую, экономическую, социальную и институциональную подсистемы. Следовательно, к характерным особенностям развития компонентов эколого-экономической системы макроуровня можно отнести следующие:

1. Среди экологических факторов назовем катаклизмы и катастрофы природного характера (например, землетрясения, цунами, ледостав и т.д., случающиеся в других эколого-экономических системах, но непосредственно влияющие своими последствиями на изучаемый объект).

2. Экономические факторы включают: стадию глобального экономического цикла, интеграционные и дезинтеграционные процессы, в которых участвует изучаемая система, диверсифицированность внешнеэкономических отношений, внешнеэкономические ресурсы развития системы, международную экономическую специализацию и т.д.

3. К факторам социальной подсистемы следует отнести те, которые связаны с глобальным движением населения как механического, так и естественного характера: миграцию и ее направления, естественный прирост населения, характерный для макросреды и соседних с эколого-экономической системой регионов, национальный состав и преобладающее национальное большинство.

4. Наконец, институциональная подсистема влияет на устойчивость изучаемой эколого-экономической системы через создание институциональной среды для реализации как духовно-нравственных и политических ориентиров, так и существующей институциональной парадигмы макроуровня, в пространстве которого находится система. К таким факторам относятся: конституциональные и декларативные права и обязанности граждан, генезис социальных, экономических и экологических институтов, нормы и нормативы антропогенного воздействия на окружающую среду.

Следовательно, особенности развития компонентов эколого-экономической системы макроуровня включают ряд характеристик среды, окружающей эколого-экономическую систему, которые устанавливают границы устойчивости, изменяют ее степень вне зависимости от действий системы. При этом эколого-экономическая система отвечает на возмущение изменением уровня устойчивости.

Обобщая рассмотрение факторов внешней среды, влияющих на устойчивость эколого-экономической системы, следует отметить, что данные факторы осуществляют комплексное воздействие, в достаточной степени независимы друг от друга, однако принципиальное изменение развития одного из них незамедлительно отражается на других. Таким образом, существует синергетический эффект влияния факторов устойчивости внешней среды эколого-экономической системы.

В состав факторов устойчивости внутренней среды следует отнести те из них, которые непосредственно обусловлены функционированием самой эколого-экономической системой. К ним относятся: природные условия и ресурсы; демографическая ситуация; экологизация производства; экологические инвестиции; традиции экологической культуры.

Важнейшим фактором, определяющим уровень устойчивости эколого-экономической системы, являются природные условия и ресурсы. Это утверждение было выдвинуто сторонниками ресурсного подхода. Однако в последнее время именно природным условиям как совокупности естественных важнейших характеристик экологической подсистемы, отражающих основные особенности компонентов природы, уделялось мало внимания. Однако именно этот компонент экологической подсистемы обеспечивает уровень экологического воспроизводства системы. К основным компонентам природы региона относят рельеф, климат, гидрологию, растительный покров и животный мир. Компоненты природы определяют набор природных ресурсов, которые может использовать или осваивает эколого-экономическая система.

Природные условия определяют следующие характерные черты устойчивости:

1) социальной подсистемы: расселение населения, особенности санитарно-эпидемиологической обстановки;

2) экономической подсистемы: развитие добывающих отраслей промышленности и сельского хозяйства, размещение предприятий и их концентрация в пределах границ эколого-экономической системы;

3) экологической подсистемы: степень восстановления природной среды в результате ее загрязнения.

Фактор природных условий и ресурсов определяет особенности устойчивости эколого-экономической системы по отношению к приему отходов и продуктов потребления, а также обеспеченность системы необходимым природным потенциалом развития.

Другой фактор устойчивости внутренней среды эколого-экономической системы – демографическая ситуация, которая характеризуется состоянием демографических процессов и структурных изменений населения в данный момент или определенный период времени. Для эколого-экономической системы важны следующие параметры демографической ситуации: численность населения, половозрастная структура и состав, тип воспроизводства населения, сальдо миграции. Демографическая ситуация влияет на показатели устойчивости социальной подсистемы: качество и уровень жизни населения, санитарно-эпидемиологическую обстановку. Определяя качество и объем трудовых ресурсов, демографическая ситуация оказывает воздействие на устойчивость экономической подсистемы.

Экологизация производства подразумевает расширенное воспроизводство природных ресурсов путем совершенствования технологии производства, его материального обеспечения, повышения производительности экологической деятельности. Этот процесс оказывает влияние на показатели загрязнения окружающей среды, степень развития утилизации и обезвреживания производства продукции и ее потребления. Выделяются следующие направления экологизации производства:

1) сохранение и восстановление экологических подсистем;

2) внедрение прогрессивных технологий добычи природного сырья;

3) создание и внедрение малоотходных и безотходных производств;

4) экологически приемлемое размещение и территориальная организация производства.

Таким образом, экологизация производства снижает степень внутренних возмущений системы, вызванных хозяйственной деятельностью человека, и способствует стремлению системы достичь некоторого уровня устойчивости.

Движущей силой освоения возможностей устойчивого развития эколого-экономической системы являются экологические инвестиции. Экологические инвестиции являются долгосрочными вложениями в эколого-экономическую подсистему с целью получения прибыли и положительного эколого-экономического эффекта. Они могут как приходить извне системы, так и рождаться внутри системы в рамках ее продуктивного функционирования. К экологическим инвестициям следует отнести не только финансовые потоки, но и средства, вложенные в экологизацию социального и образовательного пространства среды.

Фактор традиций экологической культуры подразумевает экологические представления, обычаи, привычки и навыки практической экологонаправленной деятельности населения. Специфика экологического менеджмента непосредственно связана со сложившимся у населения мировоззрением о чистоте окружающей среды и параметров устойчивости экологической подсистемы, что находит выражение в факторе традиций экологической культуры. Кроме того, этот фактор влияет на представления потребителей о экологически чистой и безопасной продукции, технологии ее производства и утилизации. Традиции экологической культуры динамически изменяются под влиянием факторов политических и духовно-нравственных ориентиров внешней среды, однако, обладая региональной спецификой, имеют собственные характерные особенности.

Таким образом, эколого-экономическая система испытывает воздействие факторов, влияющих на ее функционирование. Факторы являются движущей силой изменения подсистем и системы в целом. Они определяют характер и направление подсистемных взаимодействий, описывают силу, направление и скорость своего воздействия.

Следует отметить, что факторы устойчивости эколого-экономической системы действуют одновременно, но неравномерно в пределах эколого-экономической системы. Это связано с неравномерностью распределения в пространстве природных и антропогенных объектов и условий. При анализе влияния факторов устойчивости эколого-экономической системы необходимо учитывать воздействие комплекса факторов внешней и внутренней среды.

Важное значение имеет степень выраженности того или иного фактора устойчивости эколого-экономической системы. Это влияние отражается на круговороте веществ и энергии внутри подсистем эколого-экономической системы [14, с. 68].

Таким образом, сформирован методологический подход к исследованию устойчивости эколого-экономической системы, основанный на использовании принципов комплексности, системности в сочетании с основными подходами к исследованию устойчивости эколого-экономической системы (ресурсным, технократическим, геоэкологическим, общефилософским и эколого-экономическим) и выделением четырех подсистем (экологической, экономической, социальной, институциональной). Все факторы устойчивости эколого-экономической системы по своему воздействию разделены на факторы внешней и внутренней среды. Все рассмотренные и проанализированные факторы определяют возможности функционирования эколого-экономической системы на данном этапе развития, отвечают целям и задачам устойчивости эколого-экономической системы и ее компонентов. Изменяясь структурно и принципиально, факторы влияют друг на друга, нарушают состояние устойчивости системы и переводят ее на новый этап развития, а следовательно, к достижению нового состояния устойчивости.

Список литературы

1. **Тинберген, Я.** Пересмотр международного порядка / Я. Тинберген ; под общ. ред. А. А. Рывкина ; пер. И. А. Бонк ; предисл. Д. М. Гвишиани. – М. : Прогресс, 1980. – 416 с.
2. **Биле, С.** Способы измерения благосостояния региона / С. Биле. – М. : Дело, 1993. – С. 423.
3. **Корчагина, Е. В.** Анализ современных подходов к оценке устойчивого развития на уровне компаний / Е. В. Корчагина // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 4 (28).
4. **Лексин, В. Н.** Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. – М. : Эдиториал УРСС, 1997.
5. **Munro, D. A.** Caring for the Earth: A Strategy for Sustainable Living. – Gland, Switzerland. Retrieved on: 2009-03-29.
6. **Мокеева, О. Л.** К проблеме эколого-экономической устойчивости региона / О. Л. Мокеева // Вестник Дальневост. гос. техн. ун-та. – 2002. – № 2. – С. 85–96.
7. **Шалмина, Г. Г.** Основы экологического менеджмента / Г. Г. Шалмина. – Новосибирск : Сибирская академия гос. службы, 2002. – С. 260.
8. **Лемешев, М. Я.** Региональное природовользование: на пути к гармонии / М. Я. Лемешев, Н. В. Чепурных, Н. П. Юрина. – М. : Мысль, 1986.
9. **Райзберг, Б. А.** Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 495 с.
10. **Волович, В. Н.** Влияние научно-технического прогресса на отношения между человеком и природной средой / В. Н. Волович. – СПб. : Петрополис, 1996. – С. 79–91.
11. **Бронштейн, А. М**. Экологизация экономики: методы регионального управления / А. М. Бронштейн, В. А. Литвин, И. И. Русин. – М. : Наука, 1990.
12. **Боготов, Х. Л.** Экологическая культура общества: проблемы экономической теории и хозяйственной практики : моногр. / Х. Л. Боготов. – Нальчик, 1997.
13. **Газизуллин, Н. Ф.** Политико-экономические проблемы экологической защиты общества / Н. Ф. Газизуллин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1991.

14. **Резник, Г. А.** Экономические методы и инструменты управления эколого-экономической системой / Г. А. Резник, А. А. Малышев // Социально-экономические проблемы развития предприятий и регионов : сб. ст. VII Международ. науч.-практ. конф. – Пенза : Приволжский Дом знаний, 2008. – С. 66–72.

References

1. **Tinbergen, Ya.** Peresmotr mezhdunarodnogo poryadka / Ya. Tinbergen ; pod obshch. red. A. A. Ryvkina ; per. I. A. Bonk ; predisl. D. M. Gvishiani. – M. : Progress, 1980. – 416 s.
2. **Bile, S.** Sposoby izmereniya blagosostoyaniya regiona / S. Bile. – M. : Delo, 1993. – S. 423.
3. **Korchagina, E. V.** Analiz sovremennykh podkhodov k otsenke ustoychivogo razvitiya na urovne kompaniy / E. V. Korchagina // Problemy sovremennoy ekonomiki. – 2008. – № 4 (28).
4. **Leksin, V. N.** Gosudarstvo i regiony: teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorial'nogo razvitiya / V. N. Leksin, A. N. Shvetsov. – M. : Editorial URSS, 1997.
5. **Munro, D. A.** Caring for the Earth: A Strategy for Sustainable Living. – Gland, Switzerland. Retrieved on: 2009-03-29.
6. **Mokeeva, O. L.** K probleme ekologo-ekonomicheskoy ustoychivosti regiona / O. L. Mokeeva // Vestnik Dal'nevost. gos. tekhn. un-ta. – 2002. – № 2. – S. 85–96.
7. **Shalmina, G. G.** Osnovy ekologicheskogo menedzhmenta / G. G. Shalmina. – Novosibirsk : Sibirskaya akademiya gos. sluzhby, 2002. – S. 260.
8. **Lemeshev, M. Ya.** Regional'noe prirodopol'zovanie: na puti k garmonii / M. Ya. Lemeshev, N. V. Chepurnykh, N. P. Yurina. – M. : Mysl', 1986.
9. **Rayzberg, B. A.** Sovremennyy ekonomicheskiy slovar' / B. A. Rayzberg, L. Sh. Lozovskiy, E. B. Starodubtseva. – 5-e izd., pererab. i dop. – M. : INFRA-M, 2006. – 495 s.
10. **Volovich, V. N.** Vliyanie nauchno-tekhnicheskogo progressa na otnosheniya mezhdu chelovekom i prirodnoy sredoy / V. N. Volovich. – SPb. : Petropolis, 1996. – S. 79–91.
11. **Bronshteyn, A. M.** Ekologizatsiya ekonomiki: metody regional'nogo upravleniya / A. M. Bronshteyn, V. A. Litvin, I. I. Rusin. – M. : Nauka, 1990.
12. **Bogotov, Kh. L.** Ekologicheskaya kul'tura obshchestva: problemy ekonomicheskoy teorii i khozyaystvennoy praktiki : monogr. / Kh. L. Bogotov. – Nal'chik, 1997.
13. **Gazizullin, N. F.** Politiko-ekonomicheskie problemy ekologicheskoy zashchity obshchestva / N. F. Gazizullin. – L. : Izd-vo LGU, 1991.
14. **Reznik, G. A.** Ekonomicheskie metody i instrumenty upravleniya ekologo-ekonomicheskoy sistemoy / G. A. Reznik, A. A. Malyshev // Sotsial'no-ekonomicheskie problemy razvitiya predpriyatiy i regionov : sb. st. VII Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. – Penza : Privolzhskiy Dom znaniy, 2008. – S. 66–72.

Резник Галина Александровна
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга и экономической теории, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства
(г. Пенза, ул. Г. Титова, 28)

E-mail: reznikga@gmail.com

Reznik Galina Aleksandrovna
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of marketing and economics, Penza State University of Architecture and Construction
(Penza, 28 G. Titova str.)

Малышев Алексей Алексеевич
кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра маркетинга и экономической теории, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства
(г. Пенза, ул. Г. Титова, 28)

E-mail: alekseymalyshev27@rambler.ru

Malyshev Aleksey Alekseevich
Candidate of economic sciences, senior lecturer, sub-department of marketing and economics, Penza State University of Architecture and Construction
(Penza, 28 G. Titova str.)

УДК 330.45:519.8
Резник, Г. А.
Методологические подходы к исследованию факторов устойчивости эколого-экономической системы / Г. А. Резник, А. А. Малышев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 136–145.

УДК 338.9

Т. Ф. Янина, М. А. Ананьев

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КЛАСТЕРА СФЕРЫ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРАНЫ

Аннотация. Статья посвящена социально-экономическому разграничению хозяйств населения и вопросу создания на их основе индивидуальных предпринимателей или крестьянских (фермерских) хозяйств.

Ключевые слова: социально-экономические основы, многоукладное хозяйство, личные подсобные хозяйства, сельскохозяйственные товаропроизводители.

T. F. Yanina, M. A. Anan'ev

ORGANIZATIONAL-ECONOMIC BASICS OF FORMATION OF THE NATIONAL CLUSTER OF THE SPHERE OF SMALL FORMS OF BUSINESS IN THE SYSTEM OF NATIONAL PROVISION SUPPLY

Abstract. The article is devoted to the social and economic delimitation of businesses and to establishment of individual entrepreneurs or private (peasant) farms on their basis.

Key words: socio-economic basis, multisectoral agriculture, subsistence farming, agricultural producers.

Оценка ситуации на отечественном продовольственном рынке свидетельствует о том, что, несмотря на предпринимаемые попытки создания крупного агропромышленного производства, значительная доля продовольственных ресурсов производится в сфере малого бизнеса.

Подтверждением этому служит оценка параметров влияния этого сектора национальной системы продовольственного обеспечения и его вклад в ее наполнение. Оценка состояния этого сектора позволяет говорить о том, что до настоящего времени:

– не определена роль и значение этого сектора национальной системы продовольственного обеспечения, он не имеет определенной структуризации в соответствии со сложным социально-экономическим и организационно-хозяйственным статусом его элементов как сферы малого бизнеса;

– не созданы организационно-экономические условия для эффективного использования ресурсного потенциала этого сектора агропродовольственного рынка;

– не определены подходы к повышению конкурентоспособности в условиях глобализации продовольственного рынка.

Проблема заключается в том, что несовершенство механизма управления развитием национальной системы продовольственного обеспечения, несмотря на усиление роли хозяйств населения в структуре ресурсов продовольствия, не способствует созданию организационно-экономических условий для адекватной оценки их роли в системе продовольственного обеспече-

ния и придания им соответствующего экономического и организационного статуса.

Так, например, существующие нормативные правовые акты, регулирующие параметры развития и функционирования сектора личных подсобных хозяйств (ЛПХ), не учитывают его особенностей. В результате некоторые виды взаимоотношений, как внутренних (между членами хозяйств населения, крестьянских хозяйств), так и внешних (с налоговыми органами, с различными внебюджетными фондами и т.д.), регулируются недостаточно четко. Все это свидетельствует о необходимости комплексного сравнительного исследования, направленного на выявление сходства и различия между ними. Объективную картину современного состояния сельскохозяйственного производства показали результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г., которые подтвердили формирование специфического многоукладного аграрного сектора экономики [1]. На 1 июля 2006 г. в России функционировали более 59,2 тыс. сельскохозяйственных организаций, 253,3 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х) и около 23 млн индивидуальных хозяйств населения (ХН), из которых более 17 млн – личные подсобные хозяйства граждан, роль которых в системе продовольственного обеспечения составляет примерно 50 %. Происходит наращивание объемов продовольствия: в крупных сельскохозяйственных организациях приоритет остается по производству зерна, подсолнечника, сахарной свеклы, за подворьями – картофеля и овощей. Равновесие наблюдается по мясу и молоку.

Вместе с тем в настоящее время в Российской Федерации отсутствуют четкие критерии разграничения статуса сельскохозяйственных товаропроизводителей как по организационно-правовым, экономическим, так и хозяйственным формам. С нашей точки зрения, наиболее важен процесс разграничения так называемых малых форм хозяйствования на селе – крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств населения, так как в них в настоящее время сосредоточено больше половины производимой сельскохозяйственной продукции и концентрируется основная масса экономически активного и трудоспособного населения.

Наибольший прирост производства продукции сельского хозяйства в 2011 г., в том числе растениеводства и животноводства, наблюдался в крестьянских (фермерских) хозяйствах и у индивидуальных предпринимателей (табл. 1). Их доля в структуре продукции хозяйств всех категорий возросла с 7,1 % в 2010 г. до 8,9 % в 2011 г. Удельный вес сельскохозяйственных организаций по сравнению с 2010 г. увеличился на 3,2 процентных пункта, доля хозяйств населения снизилась на пять процентных пунктов.

Между тем, как отмечалось нами, в исследованиях 2011 г. категория «хозяйства населения» включает по своему составу целый конгломерат различных по своей социальной природе, экономической роли и сущности семейных хозяйств: личные подсобные хозяйства, крестьянские, фермерские хозяйства и другие предпринимательские хозяйства сельского населения. Сложившийся к настоящему времени сельский уклад, основу которого составляют сельские подворья, выполняет несколько социально значимых функций:

– являясь личным подсобным хозяйством проживающих в сельской местности, они представляют собой сектор их продовольственного обеспечения;

– в условиях деструктуризации традиционного сельскохозяйственного производства на фоне падения объемов производства сельскохозяйственной продукции они представляют собой ресурсную основу неорганизованного продовольственного рынка;

– на этапе отстранения государства от управления процессами создания эффективной национальной системы продовольственного обеспечения они превратились в основной источник продовольствия и жизнеобеспечения сельских жителей, а во многих регионах – местом приложения труда бывших работников сельхозпредприятий.

Таблица 1

Структура продукции сельского хозяйства Российской Федерации по категориям хозяйств (в фактических ценах, % от хозяйств всех категорий)

Год	Сельскохозяйственные организации			Хозяйства населения			К(Ф)Х, индивидуальные предприниматели		
	Сельское хозяйство	Растение-водство	Животно-водство	Сельское хозяйство	Растение-водство	Животно-водство	Сельское хозяйство	Растение-водство	Животно-водство
2008	48,1	48,8	47,3	43,4	38,4	49,1	8,5	12,8	3,6
2009	45,4	43,8	46,9	47,1	44,6	49,5	7,5	11,6	3,6
2010	44,5	40,5	47,8	48,4	48,4	48,3	7,1	11,1	3,9
2011	47,7	46,4	49,2	43,4	40,5	46,8	8,9	13,1	4,0

Примечание. Источник – Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2011 году государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы».

Примечательно, что при определении статистических показателей по хозяйствам населения последние, в свою очередь, можно разделить на следующие группы:

– личные подсобные хозяйства граждан, постоянно проживающих в сельской местности;

– личные подсобные хозяйства граждан, временно проживающих в сельской местности; хозяйства граждан, проживающих в городе и поселках городского типа (прочие хозяйства населения);

– хозяйства граждан, занимающихся коллективным садоводством и огородничеством.

Поэтому предоставление данных об ЛПХ осуществляется по двум формам государственной статистической отчетности годовой периодичности («Отчет о наличии скота и производстве продукции животноводства в личных подсобных хозяйствах» и «Отчет о посевных площадях и производстве основных сельскохозяйственных культур в личных подсобных хозяйствах граждан»), включаются сведения фактически не по личным подсобным хозяйствам, а по всем видам хозяйств населения, что обусловлено недостат-

ками в организации похозяйственного учета и свидетельствует о несоответствии названия отчета его содержанию [2].

Полагаем, что определяющим признаком личного подсобного хозяйства является использование земельного участка, предоставленного специально для указанной цели. И именно данный признак должен лежать в основе градации хозяйств населения, участвующих в производстве сельскохозяйственной продукции, что будет соответствовать как нормам закона, так и законодательству об охране и использовании земель, а также позволит иметь достоверную информацию об ЛПХ.

Признаками, по которым ЛПХ отличаются от крестьянских хозяйств, следует считать некоммерческий, подсобный характер производства в ЛПХ и вторичный характер занятости. Не являясь формой предпринимательства, ЛПХ не требует регистрации и не облагается подоходным налогом; к лицам, ведущим ЛПХ, не предъявляются какие-то особые требования, связанные с наличием у них образования, квалификации и т.п. Часть продукции ЛПХ, конечно, носит товарный характер, потому что излишки производства поступают на рынок, и цель производства – удовлетворение потребительских нужд членов хозяйства – не совсем точно отражает сущность определения. Характеристика ЛПХ как формы вторичной занятости лишь предполагает наличие у лиц, ведущих такое хозяйство, основного места работы (рода занятий), однако это вовсе не означает, что наличие работы является обязательным условием предоставления земельных участков для ЛПХ. Презумпция вторичной занятости должна выходить на первый план не при предоставлении, а при нормировании земельных участков для ЛПХ, т.е. данный признак должен определять ЛПХ косвенным образом.

На современном этапе следует оценить роль сегмента ЛПХ, владельцы которых в связи с расформированием крупных сельскохозяйственных предприятий потеряли прежнее место основной работы и, не найдя другой, полностью сосредоточиваются на ведении личного подсобного хозяйства, что в условиях освоения прогрессивных технологий и наличия материальной заинтересованности в продолжении такого рода деятельности позволяет идентифицировать их в группу К(Ф)Х.

Предельные размеры земельных участков для ведения крестьянского и личного подсобного хозяйства закреплены в федеральном земельном законодательстве.

21 июня 2011 г. принят Федеральный закон № 147 «О внесении изменений в статью 217 части второй Налогового кодекса РФ и в статью 4 Федерального закона “О личном подсобном хозяйстве”» [3]. Этим законом размер ЛПХ ограничивается 0,5 га. Это ограничение касается не только приусадебной земли, но и полевых наделов, сенокосов и пастбищ, которыми пользуются ЛПХ. Субъектам РФ дается право увеличивать этот размер, но не более чем в пять раз. ЛПХ, площадь угодий которых превышает 0,5 га (или площадь, установленную законодательными органами субъектов РФ), становятся налогоплательщиками. Они теряют статус личного подсобного хозяйства и должны зарегистрироваться индивидуальными предпринимателями или фермерами, составлять отчеты о своей деятельности.

Принятые изменения к законам затрагивают интересы как минимум 2058 тыс. семей, имеющих ЛПХ площадью более 0,5 га. В таких семьях проживает порядка 6 млн человек, которым принадлежит около 70 % всех

земель. Это самые крупные производители продукции в данном секторе хозяйств. Принятое решение, если оно будет исполняться в соответствии с буквой закона, может резко затормозить развитие сектора личных подсобных хозяйств и негативно повлиять на продовольственную безопасность страны.

В России на 1 января 2011 г. было 220,4 млн га сельхозугодий. Из этой площади 29,6 млн га не имеет определенного правового статуса. Передано сельхозорганизациям (юрлицам) 122,1 млн га, гражданам – 68,7 млн га. По данным Роснедвижимости, эта земля закреплена за К(Ф)Х и индивидуальными предпринимателями (23,8 млн га), садоводами, огородниками, дачниками (1,7 млн га), личными подсобными хозяйствами (43,2 млн га). Формально за ЛПХ числится лишь 7 млн га, около 70 % этой земли принадлежит 2058 тыс. ЛПХ, имеющим размер более 0,5 га. У этих хозяйств по закону должны быть ликвидированы приусадебные участки, если они не зарегистрируются фермерами. Площадь ликвидации в этом случае составит примерно 4 млн га.

Кроме того, значительные площади (15,1 млн га) переданы гражданам для сенокошения и выпаса скота. Вполне очевидно, что гражданин использует эти земли для ведения ЛПХ. Таких граждан 4,2 млн человек, в среднем на каждого приходится по 3,6 га. Если размер ЛПХ ограничен 0,5 га, то эти сенокосы и пастбища уже нельзя использовать в ЛПХ. Скорее всего, они тоже будут заброшены. Около четверти собственников не смогли передать земельные доли в аренду сельхозорганизациям или фермерам опять же по причине отсутствия спроса или сверхвысокой цены оформления. Эти земли, как правило, заброшены, но не все: около 1,6 млн дольщиков выделили индивидуальные участки или участки в долевой собственности (20,4 млн га) и пытаются использовать их самостоятельно. Несовершенство организационно-правового статуса ЛПХ может создать условия для неиспользования этих земель [4].

Из приведенных данных видно, что принятые законодательно ограничения на ЛПХ могут привести к выводу из оборота дополнительно около 40 млн га сельхозугодий. Ограничения затрагивают интересы не 2 млн, а минимум 4–5 млн сельских семей, т.е. 12–15 млн сельских жителей (около 40 % сельского населения). Пострадают и сельские бюджеты, так как никто не будет платить налоги за выведенные из оборота земли.

Данные табл. 2 показывают, какими ресурсами обладают личные подсобные хозяйства на сегодняшний день.

В среднем в личных подсобных хозяйствах 28 % площади участка занимали посевы сельскохозяйственных культур, 41 % – сенокосы и пастбища, 3 % – газоны, декоративные и многолетние насаждения, 6 % – постройки, сооружения и дорожки.

Из 15 004,2 тыс. ЛПХ, производящих сельскохозяйственную продукцию, в 2006 г. 99,1 % (14 872,8) занимаются самообеспечением продовольствия; 14,8 % (2214,6) считают занятость в ЛПХ возможностью иметь дополнительный источник денежных средств, и 0,7 % (97,8) считают занятость в ЛПХ основным источником доходов. Большую часть ЛПХ можно отнести к категории натурально-потребительских, так как, выживая в кризисной ситуации, селяне вынуждены развивать неформальную экономику, которая ведется на базе накопленного предыдущими поколениями опыта, традиционных технологий и средств производства.

В последние годы в структуре сельскохозяйственных угодий сохраняется устойчивая тенденция к сокращению площади пашни и росту за счет этого площади залежных земель. «Залежь» – пашня, которая более одного года начиная с осени не используется для посева сельскохозяйственных культур и не подготовлена под пар. Из общей земельной площади ЛПХ заброшенные земли по РФ составляют 5,3 %, по Приволжскому федеральному округу – 5,2 %, по Пензенской области 7,8 %.

Таблица 2

Ресурсная база личных подсобных хозяйств
(согласно итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г.)

Наименование	Личные подсобные хозяйства
Число хозяйств – всего, тыс.	17 462,6
Из них производившие сельскохозяйственную продукцию в 2006 г.	15 004,2
В процентах от общего числа соответствующей категории хозяйств	85,9
Число хозяйств с заброшенными земельными участками (пустующими домами), тыс.	1480,0
В процентах от общего числа соответствующей категории хозяйств	8,5
Общая земельная площадь, тыс. га	8901,1
Из нее сельскохозяйственные угодья	8127,2
В том числе:	
пашня	2540,4
сенокосы	2521,1
пастбища	1136,7
многолетние насаждения	198,9
залежь	1730,1
Из общей площади сельскохозяйственных угодий фактически используются, тыс. га	6397,2
В процентах от общей площади сельскохозяйственных угодий соответствующей категории хозяйств	78,7
Поголовье сельскохозяйственных животных, тыс. голов:	
крупный рогатый скот	10 224,3
из него коровы	4419,8
свиньи	7972,0
птица	127 202,3
семьи пчел, тыс. шт.	3461,0
Наличие сельскохозяйственной техники, тыс. шт.: тракторы	382,8

Примечание. Таблица составлена автором по результатам исследований и данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г.

Проводимые в стране преобразования земельных отношений, отразившись на динамике структуры земельного фонда, не привели к улучшению использования земель, снижению неблагоприятных антропогенных воздействий на почвенный покров, вызывающих или способствующих развитию процессов деградации почв сельскохозяйственных и иных угодий.

Использование сельскохозяйственных угодий характеризуется низкими показателями как в государственном, так и в частном секторе экономики. Причина кроется в тяжелом финансовом состоянии многих сельскохозяйственных товаропроизводителей и, как следствие, невозможности обработки части сельскохозяйственных угодий.

Данные сельскохозяйственной переписи показали неоднородность и сходство К(Ф)Х и хозяйств населения по занятости и размерам, по специализации производства продукции и ее товарности.

Земельные участки предоставлялись крестьянским и личным подсобным хозяйствам на следующих условиях: в собственность, в пожизненное наследуемое владение, постоянное (бессрочное) пользование и в аренду. Правда, арендные отношения большее развитие получили все же в крестьянских хозяйствах. Но вместе с тем уже на стадии предоставления земельных участков проявляются и различия между этими формами: к фермерам законом предъявляются определенные требования, связанные с наличием сельскохозяйственного образования или опыта работы в сельском хозяйстве.

К(Ф)Х по размерам общей земельной площади на одно хозяйство дифференцируются от 1,7 до 55 861,6 га. Первые по их общей численности составляют почти 21 % и владеют только 0,3 % земель. В последней группе по размерам земли соответственно 103 хозяйства и 19,3 % общей земельной площади при среднем размере одного К(Ф)Х 104,6 га. В ХН при среднем размере общей земельной площади на одно хозяйство 0,51 га одна треть их общей численности имеет участок до десяти соток. В то же время 335,7 тыс. ЛПХ (1,9 %) занимают 48,7 % всех их земель, и на одно хозяйство этой группы приходится свыше 3 га.

Ведение крестьянского хозяйства осуществляется трудом его членов, хотя допускается использование наемного труда. Трудовые отношения членов крестьянского хозяйства возникают на основе заключения трудового договора работника и вытекают из факта членства в крестьянском хозяйстве.

В личном подсобном хозяйстве наемный труд, как правило, не используется, поскольку в этом нет надобности. Отдельные работы при необходимости выполняются для владельцев ЛПХ отдельными гражданами или сельскохозяйственными организациями на основе гражданско-правовых договоров. Труд же самих членов ЛПХ никак не регулируется и не учитывается, поскольку осуществляется в соответствии с их статусом (для удовлетворения собственных потребностей в продовольствии), который во многом аналогичен труду по ведению домашнего хозяйства.

Вместе с тем личное подсобное хозяйство в современных условиях признается средством обеспечения занятости сельского населения. В данном контексте обычно речь идет уже не о вторичной, а о первичной, т.е. основной, занятости в ЛПХ лиц, потерявших работу в сельскохозяйственных коммерческих организациях или в других отраслях экономики. Такой подход недостаточно точно соответствует действительности и в связи с тем, что правовая оценка статуса ЛПХ не отражает реальной ситуации, таких лиц нельзя считать «занятыми» хотя бы потому, что время работы в личном подсобном хозяйстве не засчитывается им в трудовой стаж для начисления пенсии, так как при этом не производятся отчисления в пенсионный и иные внебюджетные фонды. С учетом реалий сегодняшнего дня, когда многие граждане тру-

доспособного возраста не имеют на селе другой сферы приложения сил, кроме ЛПХ, в Федеральном законе «О личном подсобном хозяйстве» и нормативных актах по социальному обеспечению следовало бы предусмотреть механизм придания соответствующего правового и социального статуса занятых в ЛПХ [5].

В материалах переписи показано только, что для 97,7 тыс. (0,7 %) хозяйств населения подворье является основным источником денежных средств, для 2196,5 тыс. (14,7 %) оно является дополнительным. В то же время 14 810,3 тыс. (99,1 %) выращивают продукцию растениеводства и животноводства для самообеспечения. Эти данные хотя и подтверждают значимость личных подсобных хозяйств практически для всех граждан, но косвенно можно считать, что только 15,4 % широко пользуются рынком для продажи полученной продукции. Но в это время невозможно установить, для какой группы владельцев поступления в бюджет от ведения домохозяйства является единственным источником денежного дохода и потребления натуральной продукции. Более того, фермерские хозяйства и хозяйства населения находятся в постоянной взаимной трансформации, что затрудняет дифференциацию различий между ними по организационно-правовым критериям.

Продолжающаяся дифференциация личных подсобных хозяйств, различия в основах функционирования и результатах ведения разных форм семейного производства, выделившихся в последние годы, ставит на повестку дня необходимость разграничения ЛПХ от других мелких форм семейного производства и требует разработки научно обоснованных критериев для такого разграничения, в основу которых следует положить социально-экономическую природу и сущность этого хозяйства [6].

Отсутствие стабильного развития ЛПХ проявляется в исключительно низкой технической оснащенности, отсутствии применения минеральных удобрений и ядохимикатов для борьбы с вредителями сельскохозяйственных растений, недостатке средств для приобретения дорогостоящей зарубежной техники. Осуществить прогресс ведения хозяйства своими силами нет никакой возможности. Статистика убедительно показывает, что в Поволжье, в том числе и в Пензенской области, каждый пятый долевой участок, переданный ЛПХ государством, не обрабатывается. В связи с этим возникает вопрос: что из себя представляет крестьянин без земли? Ничто.

С нашей точки зрения, вопрос о судьбе ЛПХ как формы хозяйствования надо решать, не откладывая на неопределенное время, рассчитывая, что он решится сам по себе с использованием принципов рыночной экономики, в первую очередь на основе продажи земли другим, более эффективным собственникам или спекулянтам, число которых непомерно возрастает.

Полагаем, что все ЛПХ, образующие сектор сельскохозяйственного производства, должны быть четко разделены с учетом земельного надела и доходов, их труда, который может быть отнесен к основной деятельности главы ЛПХ и его семьи или имеет подсобный характер. Исходя из этого, миллионное число представителей такой формы хозяйствования должно иметь свой статус, отличный от других групп в своей категории, а также от К(Ф)Х и ХН, что должно быть отражено в способах их поддержки со стороны государства. К первой группе, как мы полагаем, должны быть отнесены одинокие пенсионеры, которые по возрасту не могут вести продуктивное хозяйство и проживают в большинстве случаев в заброшенных населенных

пунктах. Они должны быть предметом заботы муниципальных органов и органов соцзащиты, возможно выделение волонтеров из числа молодежного движения. Вторая группа ЛПХ – это хозяйства, располагающие трудоспособными членами семьи и определенной площадью с оказанием им помощи (консультационной, технической, снабжения семенами, молодняком скота, удобрениями и др.) от близлежащих крупных предприятий. Третья группа ЛПХ имеет в распоряжении не только определенное количество земли, но и техники, доставшейся им при делении имущества по паям и к сегодняшнему дню почти полностью физически и морально устаревшей, но увеличенной за счет своих доходов. При этом необходимо иметь в виду, что вторая и третья группы будут включены во все программы поддержки малого предпринимательства в регионах при полной прозрачности, контролируемости, ответственности за использование государственной поддержки через финансово-кредитную систему.

Список литературы

1. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 г.
2. **Казарезов, В. В.** Личные подсобные хозяйства в прошлом и настоящем / В. В. Казарезов, А. Н. Рассказов. – М. : ФГНУ «Роинформагротех», 2002. – 172 с.
3. ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» от 26 июня 2003 г. // СПС «Консультант-Плюс».
4. **Рыбаков, А.** «Зачем рубить сук, на котором сидим?» / А. Рыбаков // Сельская жизнь. – 2012. – № 26 (12 апреля).
5. Проблемы теории и практики развития личных подсобных хозяйств : материалы заседания круглого стола 15 ноября 2010 г. – М., 2011. – 184 с.
6. **Лысенко, Е. Г.** Личное подсобное хозяйство: приоритетные направления развития (научный доклад) / Е. Г. Лысенко, К. В. Копач, А. С. Хухрин. – М. : ФГУП «ВО Минсельхоза России», 2005. – 55 с.

References

1. Vserossiyskaya sel'skokhozyaystvennaya perepis' 2006 g.
2. **Kazarezov, V. V.** Lichnye podsobnye khozyaystva v proshlom i nastoyashchem / V. V. Kazarezov, A. N. Rasskazov. – M. : FGNU «Roinformagrotekh», 2002. – 172 s.
3. FZ «O lichnom podsobnom khozyaystve» ot 26 iyunya 2003 g. // SPS «Konsul'tant-Plyus».
4. **Rybakov, A.** «Zachem rubit' suk, na kotorom sidim?» / A. Rybakov // Sel'skaya zhizn'. – 2012. – № 26 (12 aprelya).
5. Problemy teorii i praktiki razvitiya lichnykh podsobnykh khozyaystv : materialy zasedaniya kruglogo stola 15 noyabrya 2010 g. – M., 2011. – 184 s.
6. **Lysenko, E. G.** Lichnoe podsobnoe khozyaystvo: prioritetnye napravleniya razvitiya (nauchnyy doklad) / E. G. Lysenko, K. V. Kopach, A. S. Khukhrin. – M. : FGUP «VO Minsel'khoza Rossii», 2005. – 55 s.

Янина Татьяна Федоровна
кандидат экономических наук, доцент, начальник научно-исследовательского сектора, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: pspu-grants@mail.ru

Yanina Tat'yana Fedorovna
Candidate of economic sciences, associate professor, head of the research sector, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

Ананьев Михаил Александрович
доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления аграрным производством, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск, ул. Большевистская, 68), заслуженный деятель науки Республики Мордовии

Anan'ev Mikhail Aleksandrovich
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of economics and administration of agricultural production, Mordovia State University named after N. P. Ogaryov (Saransk, 68 Bolshevistskaya str.), Honoured scientists of the Republic of Mordovia

E-mail: pspu-grants@mail.ru

УДК 338.9
Янина, Т. Ф.

Организационно-экономические основы формирования национального кластера сферы малых форм хозяйствования в системе продовольственного обеспечения страны / Т. Ф. Янина, М. А. Ананьев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 146–155.

УДК 338.24

С. Г. Михнева, Г. А. Маркеева

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ АУТСОРСИНГА И ЕГО МЕСТО В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. Использован системный подход к исследованию экономической природы аутсорсинга, позволивший представить его как сложную, тесно взаимосвязанную систему организационных, управленческих, экономических, правовых отношений, выделить их функциональные характеристики.

Ключевые слова: shrinking, facilities management, contracting out, delivering, экстернализация, аутсорсинг как организационная концепция, аутсорсинг как экономическая концепция, аутсорсинг как управленческая концепция, аутсорсинг с юридической точки зрения, виртуальные предприятия, аутсорсинг, авторская трактовка аутсорсинга.

S. G. Mikhneva, G. A. Markeeva

FORMATION OF THE OUTSOURCING CONCEPT AND ITS ROLE IN THE ECONOMIC ACTIVITY OF A MODERN ENTERPRISE

Abstract. The authors have used a systems approach to research the outsourcing's economic nature. It allows to present outsourcing as a complicated closely interconnected system of organizational, managerial, economic and law relations and to allocate their functional characteristics.

Key words: shrinking, facilities management, contracting out, delivering, externalization, outsourcing as an organizational concept, outsourcing as an economical concept, outsourcing as a managerial concept, outsourcing in terms of law, virtual enterprises, outsourcing, author's interpretation of outsourcing.

Стремление к успешному ведению предпринимательской деятельности и повышению уровня конкурентоспособности своей продукции заставляет руководство компаний искать и применять новые формы управления бизнесом. Одной из таких форм стал аутсорсинг, сущностью которого является система отношений, возникающая при передаче компанией-заказчиком некоторых видов своей деятельности специализированным фирмам на основе специальных долгосрочных договоров.

Таким образом, усиление конкуренции в результате процессов глобализации ставит перед каждым предприятием вопрос о переоценке своих бизнес-целей и существующей рыночной позиции, тщательной фокусировке на ключевых компетенциях. Предприятия отказываются от поддержки непрофильных процессов, передавая их внешним подрядчикам. Кроме ресурсных ограничений и необходимости концентрации активов на основном стратегическом направлении деятельности, другой весомой причиной использования аутсорсинга следует признать осуществление корпоративных изменений с целью повышения эффективности бизнеса. Следовательно, возникновение аутсорсинга как экономического явления обусловлено требованиями рынка и формированием на него стойкого спроса.

В научной литературе встречается ряд терминов, аналогичных аутсорсингу. Например: *shrinking* – сокращение, сжатие организации; *downsizing* – уменьшение организации; *delevering* – ограничение числа уровней управления; *spin off* – реструктуризация или выделение единиц бизнеса.

Эти термины являются частными случаями применения методологии аутсорсинга к некоторым специализированным функциям и бизнес-процессам (рис. 1).

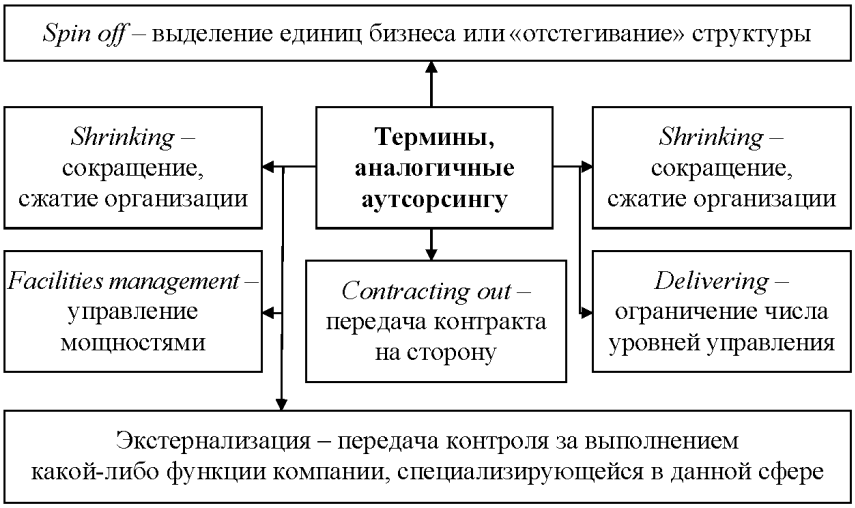


Рис. 1. Термины, аналогичные аутсорсингу[1]

По нашему мнению, относительные отличия между ними вызваны тем, что они являются по содержанию частными вариациями аутсорсинга (формы, виды и т.д.) или частными случаями применения методологии аутсорсинга. Опираясь на точки зрения ученых относительно содержания аутсорсинга и историю его формирования, можно систематизировать природу наращивания функций аутсорсинга (организационная, управленческая, юридическая, экономическая функция) [1–5].

Аутсорсинг как организационная концепция, по нашему мнению, включает такие определения:

– аутсорсинг – это чисто организационное явление;

– аутсорсинг – это организационно-управленческое явление;

– аутсорсинг – это специфическая форма кооперации;

– аутсорсинг – это форма организационно-трудовых отношений (аутстаффинг – это выведение персонала за штат компании, лизинг персонала – предоставление персонала на более длительный срок);

– аутсорсинг – это логистический метод организации производственной деятельности;

– аутсорсинг – это форма обеспечения информационных функций.

Таким образом, с точки зрения организационной концепции *аутсорсинг* – это долговременные систематизированные отношения, связанные с передачей бизнес-функций и бизнес-процессов сторонним организациям

[1] Систематизировано авторами.

и направленные на оптимизацию и обеспечение бизнес-деятельности стойких организационных преимуществ.

Аутсорсинг как экономическую концепцию следует характеризовать такими определениями:

– аутсорсинг – это способ снижения затрат компании;

– аутсорсинг – это способ повышения качества услуг;

– аутсорсинг – это способ повышения конкурентоспособности;

– аутсорсинг – это основа развития индивидуального предпринимательства;

– аутсорсинг – это система формирования цепочки создания стоимости продукта;

– аутсорсинг – это инструмент антикризисных процедур;

– аутсорсинг – это метод освобождения от непрофильных ресурсов.

Таким образом, с точки зрения экономической концепции, аутсорсинг – это новая форма ведения бизнеса, связанная с передачей фрагментов бизнес-процесса и бизнес-функций с целью минимизации издержек производства и повышения конкурентоспособности фирмы.

Аутсорсинг как управленческая концепция подразумевает такие трактовки:

– аутсорсинг – это стратегия управления компанией путем оптимизации сил компании на основном производстве;

– аутсорсинг – это стратегия управления непрофильными бизнес-процессами компании;

– аутсорсинг – это передача внутренних бизнес-процессов внешней фирме;

– аутсорсинг – это стратегия управления кадрами организации;

– аутсорсинг – это способ дистанционного управления компанией;

– аутсорсинг – это стратегия управления маркетинговой средой компании.

Таким образом, аутсорсинг – это новая стратегия управления компанией путем делегирования бизнес-процессов, бизнес-функций и оптимизации основных процессов производства с целью успешного развития компании.

Изучая концепции аутсорсинга, невозможно обойти и правовую сторону аутсорсинговых отношений.

Необходимо отметить, что аутсорсинговые услуги с юридической точки зрения – это прежде всего работа по договору. Аутсорсинг – это не просто взаимоотношения «заказчик – исполнитель», а определенное партнерство. Важной составляющей любых партнерских отношений является доверие. Стороны должны понять, что может стать основанием такого доверия, и именно на этом основании дальше выстраивать свои бизнес-отношения. В зависимости от объема функций, которые выполняются специализированной организацией, нами выделены такие виды договоров аутсорсинга:

– договор полного аутсорсинга, по которому в распоряжение исполнителя на время действия контракта выделяется штат сотрудников, а возможно, и определенные активы заказчика;

– договор частичного аутсорсинга, при котором подавляющая часть подразделений остается в ведении заказчика;

– договор совместного аутсорсинга регулирует отношения, когда обе стороны выступают партнерами в коммерческой деятельности;

– договор промежуточного аутсорсинга, как правило, применяется в случае, когда компания, имея своих специалистов с высоким уровнем квалификации, передает управление этими подразделениями третьей стороне;

– договор трансформационного аутсорсинга заключается в том, что компания-заказчик приглашает исполнителя, который полностью выполняет работу подразделения, разрабатывая и создавая новый конечный продукт и передавая его клиенту (такой вид аутсорсинга отличается от полного лишь тем, что переход сотрудников и активов не является окончательным: после завершения проекта клиент опять получает полный контроль над ними).

Таким образом, заключение договора является одним из ключевых моментов при работе с аутсорсинговыми компаниями. В этой связи необходимо определить возможные виды договоров аутсорсинга.

Договор может быть одноразовым, т.е. услуга предоставляется один раз, и больше необходимости в ней не возникает (это может быть, например, установка программного продукта, проектирование локальной сети или ремонт помещения). В дальнейшем можно повторно обратиться к этому же исполнителю, если качество услуги будет удовлетворительным, но это опять будет разовая услуга.

Или же договорные отношения могут быть длительными, т.е. предоставление услуги будет допускать взаимодействие заказчика и исполнителя в течение определенного периода времени (например, если идет речь не просто об установке программного продукта, а о внедрении информационной системы или определенной прогрессивной технологии с ее сервисным обслуживанием). В таком случае, как правило, работа разбивается на этапы, и в этом случае возможно оформление каждого этапа отдельным соглашением. Или, как вариант, оформляется один базовый договор, а закрытие каждого этапа сопровождается подписанием отдельного акта.

Договорные отношения могут быть и постоянными, если определенную часть производственного или управленческого процесса выполняет сторонняя компания. В таком случае договор имеет временные рамки с возможностью их автоматического продления в случае отсутствия взаимных претензий.

И наконец, может быть смешанный вариант, когда на фоне постоянных партнерских отношений фирма-аутсорсер выполняет еще и разовые задания, необходимость в которых возникает время от времени. По договоренности с заказчиком аутсорсер может заключать отдельный договор на каждую разовую работу или дополнять базовый дополнительными соглашениями, не изменяя при этом предмет договора.

Достаточно часто на заре рождения термина «аутсорсинг» его ассоциировали с широко распространенным понятием «субконтрактинг». Путаница в них иногда приводит к подмене сути услуг и, как следствие, к заключению компанией-заказчиком неадекватных и рискованных контрактов с внешним исполнителем услуг.

В случае аутсорсинга заказчик полностью поручает исполнителю ведение проекта и получает от него только конечный результат, т.е. все риски проекта, как правило, несет исполнитель. При субконтрактинге заказчик получает результат и управляет всеми работами субподрядчика по проекту, т.е. риски проекта разделены между заказчиком и исполнителем [6, с. 15].

Таким образом, аутсорсинг с юридической точки зрения представляет следующие трактовки:

– аутсорсинг – это договорная форма отношений;

– аутсорсинг – это юридическая форма стратегических альянсов;

– аутсорсинг – это правовое партнерство;

– аутсорсинг – это юридически закрепленные бизнес-отношения.

Таким образом, *аутсорсинг* с правовой точки зрения – это договорные отношения между аутсорсером и заказчиком по предоставлению аутсорсинговых услуг одной компании другой путем принятия рисков на себя компанией аутсорсера.

Современная концепция аутсорсинга основана на теории виртуальной организации. В условиях развития информационной экономики и сетевых форм организации аутсорсинг представляется формой организации и существования сетевого бизнеса. Его значение и масштабы растут в связи с продвижением мировой экономики по пути сетевого бизнеса. Международное разделение производственного процесса (МРПП) на базе вертикальной специализации втягивает многие страны во взаимосвязанную и взаимозависимую сеть производственно-кооперационных связей, в глобальную воспроизводственную систему создания цепочек стоимости.

МРПП, выходя за рамки компетенции ТНК, создает очаги интернационализированного производства по всему миру. Создаваемая стоимость продуктов международного сотрудничества все более интернационализируется. Появляется глобальная стоимость, которая «нарезается» на все более тонкие «ломтики» глубоко специализированными производителями. Процесс изготовления конечного продукта фрагментируется. Он предстает как результат глобальной цепочки добавленной стоимости. Изготовление такого продукта все больше опосредуется аутсорсинговыми отношениями. При этом аутсорсингом занимаются как специализированные аутсорсинговые компании (в основном из ведущих развивающихся стран), так и компании из постиндустриальных стран, успешно зарекомендовавшие себя на производстве известных в мире товаров и услуг (но в относительно небольших объемах). В результате этого формируются виртуальные предприятия, которые трудятся над изготовлением одного продукта в разных странах мира. Так, один из ведущих менеджеров фирмы DEC Дж. Хоплэнд определяет виртуальное предприятие как сетевую, компьютерную опосредованную организационную структуру, состоящую из неоднородных взаимодействующих агентов, расположенных в различных местах. Агенты виртуального предприятия разрабатывают совместный проект, находясь между собой в отношениях партнерства, кооперации, сотрудничества, координации [7, с. 129]. Привлечение ресурсов по контрактам применительно к виртуальному предприятию состоит в том, чтобы найти требуемые ресурсы вне структуры виртуального предприятия, т.е. часть производственного процесса отдать на аутсорсинг, что позволяет сократить не только стартовый капитал, но и повысить экономическую эффективность в целом.

На наш взгляд, под виртуальным предприятием следует понимать организационную форму сотрудничества юридически независимых субъектов ведения хозяйства с целью получения прибыли за счет кооперации и аутсорсинга с использованием сети Интернет, что позволяет обеспечить совместную работу территориально отдаленных участников в режиме реального времени.

Характерным для виртуальных предприятий является ИТ-аутсорсинг, в частности работы по созданию и сопровождению программных продуктов. Возможность уменьшения расходов при этом связана с большой стоимостью интеллектуального труда в странах с развитой экономикой. Соответственно, и содержание ИТ-подразделений крупных корпораций требует колоссальных расходов. Чтобы их уменьшить, целесообразно отказаться от полного штата программистов и передать какую-то часть их работы (а возможно, и всю такую работу полностью) другим фирмам или в некоторых случаях за границу (офшорное программирование), что стоит намного дешевле.

В качестве одного из последних исследований в этом направлении следует отметить закон вертикальной интеграции, открытый российским профессором С. С. Губановым (2003). Закон вертикальной интеграции (или неоиндустриальная парадигма) гласит: «Рентабельность промежуточных переделов должна быть близка к нулю». Расширительная трактовка закона: «Не должно быть паразитарных интересов ни в системе управления, ни в цепочке добавленной стоимости». Им установлена зависимость системной конкурентоспособности конкретной страны от удельного веса вертикально интегрированных цепочек добавленной стоимости, или межотраслевых корпораций типа ТНК [8].

Таким образом, можно утверждать, что аутсорсинг – это сложная система организационных, управленческих, экономических, правовых отношений по поводу передачи фрагментов бизнес-процессов или бизнес-функций предприятия внешнему поставщику услуг, сопровождающаяся формированием цепочки добавленной стоимости, позволяющей свести к минимальной величине ее промежуточные звенья, недосягаемые в условиях обособленной хозяйственной деятельности.

Список литературы

1. **Калинина, Л. Ю.** Аутсорсинговые услуги в области информационных технологий: оценка качества / Л. Ю. Калинина // Стандарты и качество. – 2007. – № 1. – С. 99–101.
2. **Белова, С.** Об аутсорсинге… / С. Белова. – URL: http://www.silicontaiga.ru
3. **Макеева, Е. А.** Аутсорсинг логистических функций в деятельности совместных международных предприятий предпринимательской среды / Е. А. Макеева // Экономика: проблемы теории и практики. – 2012. – № 6. – С. 21–26.
4. **Хейвуд, Дж. Б.** Аутсорсинг: в поисках конкурентных преимуществ / Дж. Б. Хейвуд. – М. : Вильямс, 2002. – 240 с.
5. **Сайфиева, С. Н.** Теоретические основы и эволюция развития аутсорсинга / С. Н. Сайфиева, М. А. Быкадоров // Журнал экономической теории. – 2006. – № 3. – С. 77–91.
6. **Михайлов, Д. М.** Аутсорсинг – новая система организации бизнеса / Д. М. Михайлов. – М. : КНОРУС, 2006. – 256 с.
7. **Бугорский, В. Н.** Сетевая экономика / В. Н. Бугорский. – М. : ФиС, 2008. – 256 с.
8. **Губанов, С.** Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3–27.

References

1. **Kalinina, L. Yu.** Autsorsingovye uslugi v oblasti informatsionnykh tekhnologiy: otsenka kachestva / L. Yu. Kalinina // Standarty i kachestvo. – 2007. – № 1. – S. 99–101.

2. **Belova, S.** Ob autsorsinge… / S. Belova. – URL: http://www.silicontaiga.ru
3. **Makeeva, E. A.** Autsorsing logisticheskikh funktsiy v deyatel'nosti sovmestnykh mezhdunarodnykh predpriyatiy predprinimatel'skoy sredy / E. A. Makeeva // Ekonomika: problemy teorii i praktiki. – 2012. – № 6. – S. 21–26.
4. **Kheyvud, Dzh. B.** Autsorsing: v poiskakh konkurentnykh preimushchestv / Dzh. B. Kheyvud. – M. : Vil'yams, 2002. – 240 s.
5. **Sayfieva, S. N.** Teoreticheskie osnovy i evolyutsiya razvitiya autsorsinga / S. N. Sayfieva, M. A. Bykadorov // Zhurnal ekonomicheskoy teorii. – 2006. – № 3. – S. 77–91.
6. **Mikhaylov, D. M.** Autsorsing – novaya sistema organizatsii biznesa / D. M. Mikhaylov. – M. : KNORUS, 2006. – 256 s.
7. **Bugorskiy, V. N.** Setevaya ekonomika / V. N. Bugorskiy. – M. : FiS, 2008. – 256 s.
8. **Gubanov, S.** Neoindustrializatsiya plyus vertikal'naya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) / S. Gubanov // Ekonomist. – 2008. – № 9. – S. 3–27.

Михнева Светлана Георгиевна
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и мировой экономики, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: econm@pnzgu.ru

Mikhneva Svetlana Georgievna
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of economics and world economy, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

Маркеева Галина Александровна
соискатель, Пензенский государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: galochkamarkeeva@mail.ru

Markeeva Galina Aleksandrovna
Applicant, Penza State University
(Penza, 40 Kransaya str.)

УДК 338.24
Михнева, С. Г.

Формирование концепции аутсорсинга и его место в хозяйственной деятельности современного предприятия / С. Г. Михнева, Г. А. Маркеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 156–162.

УДК 378:33

В. А. Скворцова

СТАНОВЛЕНИЕ СЕКТОРА НАУКОЕМКИХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. Предпосылкой формирования наукоемкого производства в отраслях промышленности является накопление интеллектуального капитала, который получает широкое использование в промышленном производстве и проникает в массовое производство через применение новых технологий, материалов, оборудования. К наукоемким отраслям принято относить те, для которых характерны повышенные объемы затрат ресурсов на НИОКР по отношению к объему выпуска продукции или основным факторам производства. Наукоемкие отрасли не являются совокупностью гомогенных производств и технологий, поэтому их идентификация затруднена.

Ключевые слова: наукоемкие отрасли промышленности, интеллектуальный капитал, высокие технологии, наукоемкость, информационный сектор.

V. A. Skvortsova

FORMATION OF SCIENCE-INTENSIVE INDUSTRIES

Abstract. The premise of the formation of science-intensive industries is the accumulation of intellectual capital which is widely used in industry and penetrates to mass production through application of new technologies, materials, machinery. Science-intensive industries are characterized by increasing level of research-and-development costs regarding the output or key factors of production. The identification of science-intensive industries is difficult because they aren't the complex of homogeneous productions and technologies.

Key words: science-intensive industries, intellectual capital, high technology, science intensity, information sector.

Признаком современного этапа экономического развития становится изменение структуры общественного производства, оформление в его составе сектора наукоемких отраслей промышленности. Изменяется роль невещественных элементов производства: знаний, умений, навыков работника, научно-исследовательских и инновационных разработок. Наукоемкое производство выпускает продукцию с высоким удельным весом затрат интеллекта, а не затрат труда, материалов, сырья. Степень сложности современного производства и управления им требует высоких технологий, технологий распространения знаний [1].

Коренные перемены наблюдаются в разделении общественного труда. В структуру общественного разделения труда вовлечены научные исследования, инженерные, архитекторские разработки и другие виды сугубо творческой деятельности. В качестве сформировавшихся отраслей народного хозяйства развиваются сферы образования, науки, здравоохранения.

Знания являются основой любого производства и рассматриваются чаще как неотъемлемое свойство человеческого фактора производства. В каждый момент времени общество располагает определенной суммой знаний о способах производства товаров. Знания имеют важнейшее значение в процессе экономического роста. Но, как правило, для того, чтобы они

оказали влияние на производство, они должны быть воплощены в капитале. В индустриальную эру знания воплощались в вещественных объектах капитала (станки, оборудование, приборы и т.д.). Во второй половине XX в. знания стали совершать самостоятельное экономическое движение в виде результатов научных исследований и разработок, технологий и методик производства, баз данных, компьютерных программ. Наиболее существенным для характеристики современного этапа развития производства представляется использование научного знания в форме интеллектуального капитала как самостоятельного элемента производительных сил.

Интеллектуальный капитал возникает на основе достижения высокого уровня развития материального производства и духовного творчества на стадии индустриального общества. Этот капитал концентрируется в наукоемком секторе материального производства, в сфере образования и науки, а не только, вопреки распространенным представлениям, в отраслях информационного сектора, который чаще всего ассоциируют с коммуникациями и распространением информации [2–4].

Учитывая структуру занятых по уровню образования, можно сказать, что большая доля интеллектуальных ресурсов концентрируется в таких отраслях, как наука, образование, управление, здравоохранение, средства массовой информации и т.п. В этом перечне наибольшее значение для формирования и использования интеллектуального капитала имеют наука и образование. Можно утверждать, что интеллектуальный капитал функционирует здесь в чистом виде.

Интеллектуальный капитал получает широкое применение и в промышленном производстве. Он используется для производства главным образом нового или усовершенствованного продукта или технологического процесса. Он также проникает в массовое производство через применение новых технологий, материалов, оборудования. В настоящее время эффективность производства материальных благ определяется использованием высококвалифицированных кадров, новых знаний и технологий [5].

Во второй половине XX в. получила широкое распространение доктрина информационного общества (Ф. Махлуп, Т. Умесао, М. Порат, Й. Масуда, Т. Стоуньер и др.) [6]. Акцент на информационном контексте современного этапа научно-технического прогресса и кодификации теоретического знания как определяющих движущих силах формирования нового общества привел к становлению теории, в которой фактор информации стал системообразующим. Информационное общество рассматривалось как результат информационной революции в составе научно-технической революции. Превращение информации в экономический ресурс и использование ее во всех социально значимых видах человеческой деятельности получило также название информатизации экономики, которая опирается на новые информационные технологии производства, компьютеризацию, телекоммуникации [7].

Однако большинство исследователей подчеркивают роль и значение не столько информации, сколько знаний [8], на наш взгляд более точно характеризуя ведущий фактор современного производства. Процесс производства и потребления знаний предлагают также определять как экономику знаний (*knowledge economy*, *knowledge industries*) и выделять в самостоятельную отрасль экономики и экономическую дисциплину. Действительно, про-

изводство и потребление знаний имеют собственную экономику, отличную от экономики материального производства или сферы обслуживания. Кроме того, может быть обособлено производство основанных на знании благ (*knowledge based goods*).

Во второй половине XX в. возникли отрасли промышленности, базирующиеся на научной основе: электротехническая, электронная, авиаракетная, фармацевтическая, химическая промышленность, научное приборостроение, производство компьютеров и т.д. Для этих отраслей промышленности научное знание становится необходимым условием нормального ведения производственного процесса, источником нововведений. В результате новых научных открытий, изобретений, нововведений начинает осуществляться массовое применение знаний и новых технологий в промышленности. Однако техника и соответствующие ей знания эмпирического происхождения в некоторых сферах общественного труда сохраняются и в современную эпоху.

В 1958 г., когда впервые был поставлен вопрос о количественной оценке вклада интеллектуального производства в национальное богатство и выделены тридцать отраслей промышленности, производящих знания, объем этого сектора в экономике США был оценен в 28,6 % ВНП. Согласно современным оценкам, этот показатель составляет уже 50 % ВНП, а по другим данным – не менее 60 % [9–11].

В 40-х гг. XX в. была разработана трехсекторная отраслевая модель экономики:

– первичный сектор объединяет добывающие отрасли промышленности;

– вторичный сектор включает обрабатывающие отрасли промышленности;

– третичный сектор образуется сферой услуг.

Анализ тенденций, проявляющихся в экономике развитых стран на рубеже XX–XXI вв., позволил зафиксировать фактические сдвиги в структуре общественного производства:

– сокращение доли добывающих отраслей промышленности в ВНП и структуре занятых ведущих стран до минимально возможных значений;

– формирование эффективно функционирующей производственной системы в обрабатывающей промышленности, в которой находят применение новейшие технологические достижения, при абсолютном сокращении числа занятых;

– ускоренное развитие третичного сектора, выражающееся как в повышении его доли в общественном продукте (третичный сектор обеспечивает сегодня более 73 % общественного продукта), так и в привлечении новых работников (если в 1900 г. в США в сфере материального производства работало около 13 млн человек, тогда как в сфере услуг не более 5 млн, то к концу 80-х гг. XX столетия эти показатели доходили соответственно до 35 и 65 млн); подобное положение характерно и для других развитых стран: в ЕС на долю третичного сектора приходится около 63 % ВВП и 62 % занятых; для Японии соответственно 59 и 56 % [12].

С точки зрения структурирования производства важно отметить, во-первых, что сфера услуг по мере роста значения знаний и информации становится все менее однородной. Внутри третичной сферы производство

знаний растет очень высокими и ускоряющимися темпами. Производство знаний лишь в той мере можно относить к сфере услуг, в какой сами знания могут быть рассматриваемы в качестве услуг.

Во-вторых, вторичный сектор объединяет как традиционные, так и высокотехнологичные отрасли промышленности, разграничение которых сегодня очень важно. Сама обрабатывающая промышленность насыщается информационными факторами [13].

Кроме того, в составе сферы услуг непосредственно в предоставление услуг их конечным потребителям вовлечено менее половины занятых, а около 40 % занятых в обрабатывающей промышленности экономики представляют управленческий персонал, осуществляют информационное обеспечение работы предприятия или заняты в научно-технических разработках [14]. Наконец, только 55–60 % работников на промышленных предприятиях заняты непосредственно производственными операциями [12].

На основе накопленного эмпирического материала в настоящее время в составе общественного производства выделяют наукоемкие отрасли промышленности (наукоемкий сектор экономики). Как отмечает А. Е. Варшавский, к наукоемким отраслям и производствам принято относить те, для которых характерны повышенные объемы затрат ресурсов на НИОКР по отношению к объему выпуска продукции или основным факторам производства.

Наукоемкость может определяться различными способами: как расходы на НИОКР в расчете на единицу продукции, на одного работающего или единицу основных производственных фондов отрасли и др. [15].

Несмотря на то что понятия «наукоемкие отрасли» и «высокие технологии» стали использоваться около двух десятков лет назад, до настоящего времени еще не разработана единая методология, которая позволяла бы соответствующим образом идентифицировать технологии, отрасли и производства. Классификация или группировка отраслей затруднена из-за того, что они не являются совокупностью гомогенных производств и технологий, а принадлежат к разным отраслям и сферам.

Так, к высокотехнологичным отраслям первой категории статистика относит самые передовые в научно-техническом отношении отрасли, где число занятых исследовательскими, инженерными и конструкторскими работами в полтора раза и более превышает средний уровень по всему народному хозяйству: индустрия обслуживания компьютеров и баз данных для них, автомобильная промышленность, отрасль инженерных и технико-информационных услуг, услуг по управлению и общественным отношениям, обслуживание научных исследований и испытаний, электронная промышленность, производство оборудования для компьютеров и офисов, авиастроение и др. [16].

В настоящее время ОЭСР предложено выделять следующие четыре высокотехнологичные отрасли промышленности, для которых характерно наиболее высокое значение наукоемкости. Это авиакосмическая промышленность, производство компьютеров и офисного оборудования, электронная промышленность и производство коммуникационного оборудования, фармацевтическая промышленность.

В структуре современной экономики выделяют информационный сектор, который включает следующие сферы: производство знаний и нововведе-

ний; научные исследования и разработки; распространение информации и коммуникации; индустрия переработки и передачи информации; реклама; справочное и библиотечное обслуживание; отрасли, связанные со страхованием, предоставлением финансовых и консалтинговых услуг; государственное управление и др. [16]. Данный сектор называют также «новой экономикой», что подчеркивает, с одной стороны, его более высокую динамичность, а с другой – модификацию складывающихся в нем экономических отношений.

В свою очередь в информационной индустрии также выделяется ряд секторов: информационные службы (агентства печати, библиотеки, банки данных); производство носителей информации (книг, газет, фильмов, звуко- и видеозаписей); вспомогательные службы (подготовка данных); информационные технологии (ЭВМ, терминалы, принтеры, графопостроители), интеграционные технологии (устройства сопряжения и преобразователи), средства связи (радио, телефон, телевидение), каналы связи (почта, телеграф, спутниковая связь), каналы массовой коммуникации (радио- и телевизионные сети, системы доступа к базам и банкам данных). Первые три сектора имеют дело преимущественно с содержанием информации, остальные – с информационными технологиями. К числу предприятий, специализирующихся на обработке информации, относятся различные исследовательские центры, институты научно-технической информации, консультативные фирмы, агентства, вычислительные центры и т.д. Таким образом, в составе информационной индустрии выделяются отрасли, создающие содержание информации, распространяющие и обрабатывающие ее.

Список литературы

1. **Васин, С. М.** Исторические предпосылки трансформационных изменений в промышленности региона / С. М. Васин, Л. И. Крутова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 150–157.
2. **Булыга, Р.** Природа и экономическая сущность интеллектуального капитала / Р. Булыга // Интеллектуальная собственность. – 2006. – № 11. – С. 49–58.
3. **Воронин, В.** Интеллектуализация хозяйственной деятельности / В. Воронин // Экономист. – 2007. – № 7. – С. 60–61.
4. **Салихов, Б. В.** Интеллектуальный капитал организации. Сущность, структура и основы управления / Б. В. Салихов. – М., 2008.
5. **Васин, С. М.** Модель удовлетворения стратегических потребностей территории в трудовых ресурсах / С. М. Васин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 1. – С. 134–142.
6. **Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ. В. Л. Иноземцева. – М., 1999.
7. **Пещанская, И.** Экономика информационного общества / И. Пещанская // Российский экономический журнал. – 1996. – № 5–6. – С. 103.
8. **Иноземцев, В. Л.** Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Л. Иноземцев. – М., 2000. – С. 20.
9. **Ayres, R. U.** Turning Point. An End to the Growth Paradigm / R. U. Ayres. – L., 1998.
10. **Katz, R.** The Information Society: An International Perspectives / R. Katz. – N. Y., 1988.
11. **Machlup, F.** Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance / F. Machlup. – Princeton, New Jersey, 1980.

12. **Иноземцев, В.** Структурирование общественного производства в системе постиндустриальных координат / В. Иноземцев // Российский экономический журнал. – 1997. – № 11–12. – С. 61.
13. **Дракер, П.** Посткапиталистическое общество / П. Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 67–100.
14. **Gershuny, J.** Post-Industrial Society: The Myth of the Service Economy / J. Gershuny // Futures. – 1977. – Vol. 9. – № 3. – P. 110.
15. Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия. (Социально-экономические аспекты развития) / рук. авт. колл. В. Л. Макаров, А. Е. Варшавский. – М., 2001. – С. 308.
16. **Гойло, В. С.** Интеллектуальный капитал / В. С. Гойло // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 11. – С. 70.
17. **Добрынин, А. И.** Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А. И. Добрынин [и др.]. – СПб., 1999. – С. 16–17.

References

1. **Vasin, S. M.** Istoricheskie predposylki transformatsionnykh izmeneniy v promyshlennosti regiona / S. M. Vasin, L. I. Krutova // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki. – 2012. – № 1. – S. 150–157.
2. **Bulyga, R.** Priroda i ekonomicheskaya sushchnost' intellektual'nogo kapitala / R. Bulyga // Intellektual'naya sobstvennost'. – 2006. – № 11. – S. 49–58.
3. **Voronin, V.** Intellektualizatsiya khozyaystvennoy deyatel'nosti / V. Voronin // Ekonomist. – 2007. – № 7. – S. 60–61.
4. **Salikhov, B. V.** Intellektual'nyy kapital organizatsii. Sushchnost', struktura i osnovy upravleniya / B. V. Salikhov. – M., 2008.
5. **Vasin, S. M.** Model' udovletvoreniya strategicheskikh potrebnostey territorii v trudovykh resursakh / S. M. Vasin // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki. – 2010. – № 1. – S. 134–142.
6. **Bell, D.** Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya / D. Bell ; per. s angl. V. L. Inozemtseva. – M., 1999.
7. **Peshchanskaya, I.** Ekonomika informatsionnogo obshchestva / I. Peshchanskaya // Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal. – 1996. – № 5–6. – S. 103.
8. **Inozemtsev, V. L.** Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy / V. L. Inozemtsev. – M., 2000. – S. 20.
9. **Ayres, R. U.** Turning Point. An End to the Growth Paradigm / R. U. Ayres. – L., 1998.
10. **Katz, R.** The Information Society: An International Perspectives / R. Katz. – N. Y., 1988.
11. **Machlup, F.** Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance / F. Machlup. – Princeton, New Jersey, 1980.
12. **Inozemtsev, V.** Strukturirovanie obshchestvennogo proizvodstva v sisteme postindustrial'nykh koordinat / V. Inozemtsev // Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal. – 1997. – № 11–12. – S. 61.
13. **Draker, P.** Postkapitalisticheskoe obshchestvo / P. Draker // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya / pod red. V. L. Inozemtseva. – M., 1999. – S. 67–100.
14. **Gershuny, J.** Post-Industrial Society: The Myth of the Service Economy / J. Gershuny // Futures. – 1977. – Vol. 9. – № 3. – P. 110.
15. Nauka i vysokie tekhnologii Rossii na rubezhe tret'ego tysyacheletiya. (Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty razvitiya) / ruk. avt. koll. V. L. Makarov, A. E. Varshavskiy. – M., 2001. – S. 308.
16. **Goylo, V. S.** Intellektual'nyy kapital / V. S. Goylo // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 1998. – № 11. – S. 70.

17. **Dobrynin, A. I.** Chelovecheskiy kapital v tranzitivnoy ekonomike: formirovanie, otsenka, effektivnost' ispol'zovaniya / A. I. Dobrynin [i dr.]. – SPb., 1999. – S. 16–17.

Скворцова Валентина Алексеевна
доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории, истории и политики, Пензенский государственный университет (г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: skvortsova_60@mail.ru

Skvortsova Valentina Alekseevna
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of economics, history and politics, Penza State University (Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 378:33
Скворцова, В. А.
Становление сектора наукоемких отраслей промышленности / В. А. Скворцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 163–169.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, педагогики, политики и права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows версий не выше 2003.

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru, дискета 3,5", CD-диск) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах.

Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Тип файла в электронном виде – RTF.

Статья **обязательно** должна сопровождаться индексом УДК, краткой аннотацией и ключевыми словами **на русском и английском языках**.

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], …). Номер источника указывается в квадратных скобках. В списке указывается:

- для книг – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц;
- для журнальных статей, сборников трудов – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, выпуск, страницы;
- для материалов конференций – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание наименования программы, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

К материалам статьи **должна** прилагаться информация для заполнения учетного листа автора: фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, адрес, контактные телефоны (желательно сотовые), e-mail.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.